Пепельный путь
Пепельная вечность
Андрей Коваль

Андрей Коваль
Пепельная вечность

https://litres.ru/74428027
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, переживший падение богов и нашествие Тьмы, стоит на пороге последней битвы. Из глубин, куда не ступала нога ни одного смертного, поднимается сила, древняя как само мироздание. Сила, против которой бессильны даже боги.

Тот, кого называли Наследником, больше не терзается сомнениями. Он нашёл здесь любовь, семью, народ, за который готов умереть. Но чтобы защитить их, ему придётся сделать выбор, который изменит всё.

Финальная книга саги «Пепельный Путь». История о том, что даже в пепле можно найти вечность.

Содержание

Пролог: Глаз бездны 4
Акт I: Враг моего врага 19
Глава 2. Тени на севере 39
Глава 3. Та, что носит тень 59
Глава 4. Захват Механоса 77
Глава 5. Кузницы не спят 107
Глава 6. Брак и коронация 125
Глава 7. Захват Стального Шпиля 138
Глава 8. Кризалис 166
Глава 9. Освобождение 178
Глава 10. Сбор ингрийцев 193
Глава 11. Тайный Совет 207
Конец ознакомительного фрагмента. 215

Андрей Коваль
Пепельная вечность

Пролог: Глаз бездны

Месяц Келемвар, 2002 г. Э.С.
Глубокая ночь
Глубинная Бездна, Запретные земли

Прошло несколько недель после падения Нергал. После того, как Лекс, ведомый собственной волей и при помощи друзей. Проник в небесные чертоги, разбил ядро богини тьмы, погрузив её в долгий сон. После битвы на Равнинах, где армии баронов против объединённых сил людей, дворфов, орков, гоблинов и эльфов дома Силь'вариэн.

Мир выдохнул. Но, как оказалось, слишком рано. Прорывалось то, что жаждало вторгнутся в этот мир десятки тысячелетии.

Глубинная Бездна, где-то в Запретных землях. Где никогда не жил ни один разумный, не потому что там было опасно хотя и не без этого. А всё, потому что само место подавляло и угнетало на ментальном плане. Ниже всех известных уровней, ниже дворфийских шахт, ниже гоблинских нор, ниже даже тех глубин, куда спускались Архитекторы Древних в свои последние дни.

Здесь никогда не было света.
Здесь никогда не было звука.
Здесь никогда не было жизни.
До этой ночи.

Тьма в Бездне была не простым отсутствием света. Она была вещью. Плотной, осязаемой, как замёрзшая смола. Она давила на камень, на кости, на саму ткань реальности, заполняя каждую трещину, каждый зазор, каждый атом абсолютной тишиной, которая была даже старше самих звёзд.

И в этой тьме стоял обелиск.

Чёрный. Абсолютно чёрный, если бы на него посветили он не отразил бы от своих граней не лучика света. Настолько чёрный, что даже тьма вокруг казалась серой по сравнению с ним. Он был создан не из одного известного материала, камня, металла, эфира. Он был создан из самой идеи запрета. Изначальные, прародители всех рас, выковали его в последние дни Войны Мнений, когда их цивилизация уже пожирала саму себя изнутри. Они назвали его «Выключателем» — последним, отчаянным доводом против того, что пришло из Пустоты.

Пятнадцать тысяч лет обелиск стоял не тронутым. Неподвижно, никто к нему не прикасался. Пятнадцать тысяч лет он сдерживал то, что находилось по ту сторону реальности. Пятнадцать тысяч лет его поверхность была ровной, как очень старательно отшлифованный камень.

И вот теперь по ней пробежала трещина.

Это произошло без какого-то звука. Не было грохота, не было содрогания земли, вспышки. Просто — трещина. Тонкая, как волос. Короткая, как вдох умирающего. Но достаточная чтобы мироздание содрогнулось.

Из трещины нет не хлынул свет или тьма — тьма была здесь всегда. Не полезли какие-то мерзкие твари. Из неё хлынуло *само нечто, опровергающее присутствие чего бы то ни было*. Нечто худшее. Нечто, что находилось выше любой тьмы. Оно пришло, за тишиной. За смертью. Это было само небытие, обретшее голод.

И впервые за пятнадцать тысяч лет Бездна наполнилась звуком.

Но это было тем звуком, который могло бы уловить ухо смертного. Это была вибрация, прошедшая сквозь камень, сквозь эфир, сквозь само время — низкая, неощутимая, но заставляющая саму реальность дрожать, как натянутую струну. Там, где она проходила, на стенах пещер проступали трещины, а в глубинах земли просыпались твари, не знавшие света тысячелетиями.

И в этой вибрации было значение. Не слова — Пожиратель не говорил на языках смертных. Он не был голосом, не был мыслью, не был образом. Он был потоком чистого смысла, который каждый воспринимал через призму своей природы. Он был всем и ничем одновременно.

Для одних он звучал как приказ, не терпящий никаких возражений. Для других — как обещание, от которых невоз-

можно отказаться. Для третьих — как запах, как боль, как холод, как тишина. Но для всех он значил одно:

«Наконец-то... снова...»

А где-то далеко, за пределами Айроса, за пределами солнечной системы, за пределами известного космоса, далёкие звёзды на мгновение погасли. И Архитекторы на мёртвых станциях, дрейфующих в пустоте между галактиками, зафиксировали всплеск — и замолчали уже навсегда.

В тысяче лиг к северу от обелиска, в самом сердце Запретных земель, стояла почти разрушенная Чёрная цитадель. Когда-то это был храм Древних — место, где они поклонялись не богам, самому знанию. Теперь от храма остался лишь остов: колонны чёрного обсидиана, оплетённые венами застывшей Пустоты, покосившиеся арки, уходящие в никуда, и Зал Вечной Ночи — огромное помещение без стен, где пол был зеркальной гладью, не отражающей ничего.

В этом зале стояли семеро.

Они не пришли сюда откуда-то издалека — они были здесь всегда, погружённые в анабиоз, похожий на смерть, но не бывший ею. Они ждали. Пятнадцать тысяч лет они ждали, пока их сны наполнялись голодом, а их тела — пустотой.

Теперь же они открыли глаза — и каждый услышал Голос по-своему.

Верховный Лич Архон услышал приказ. Холодный, точный, как формула заклинания. Его серый балахон, расшитый серебряными нитями, даже не запылился за тысячеле-

тия. Два голубых огонька зажглись в провалах капюшона. Он не дышал — ему не нужно было дышать. Он просто стоял, смотрел на проекцию обелиска, пульсирующую в центре зала. Трещина на проекции расширялась, Архон чувствовал, как сила, дремавшая в нём пятнадцать тысячелетий, пробуждается, возвращается назад.

— Оно зовёт, оно вернулось — прошелестел он. Его голос был похож на скрежет как будто кости трутся друг об друга. — Пора.

Мор'Тал, Теневой Клинок, услышал боевой клич. Зов, от которого его не-кровь вскипела жаждой битвы. Его тело — сгусток тьмы, пронизанный багровыми жилами, — вскользнулось. Когти, оставляющие в воздухе тающий багровый след, нетерпеливо сжались.

— Долго, очень долго — прорычал он голосом, похожим на скрежет металла о металл. — Слишком долго. Я жажду кровавой охоты.

— Ты получишь её, — ответил Архон. — Всю, какую сможешь вместить.

Ледяная Королева Силь'Ара услышала обещание. Не слова — ощущение. Ощущение боли, такой чистой, такой глубокой, что её пустые белые глаза на мгновение вспыхнули наслаждением. Её кожа была белее снега, её губы кривились в улыбке, от которой кровь стыла в жилах. Она провела пальцем по короне из острых ледяных осколков — каждый осколок содержал чей-то застывший крик.

— Я чувствую жизнь, — прошептала она голосом, похожим на колыбельную для умирающих. — Так много жизни. Так много боли, которую ещё никто не собрал. Я хочу её всю.

— Ты получишь свою долю, — пообещал Архон.

Морбус, Гниющий Лорд, не услышал ничего — он *унюхал*. Запах. Гниль, разложение, плесень — ароматы, которые были для него слаще любых благовоний. Его тело, гора разлагающейся плоти, оплывало у колонны. Там, где он стоял, камень покрывался плесенью, а воздух наполнялся запахом тошнотворного тления.

— Я слышал, — прохрипел он. — Я слышал всё. Мир всё ещё жив. Всё ещё цветёт. Всё ещё... гниёт и всё это без меня.

Мать Скорби не услышала — она *почувствовала*. Голос Пожирателя прошёл сквозь неё волной, каждый из её десятков ртов издал стон, каждый из её десятков глаз наполнился слезами чёрной жидкости. Из её бесформенного тела выпали новые демоны боли — крошечные твари с жалами, которые тут же разбежались в стороны. Она не обладала разумом, она была, по сути, ульем, инстинктом, голодом — и этот голод требовал утоления.

Жнец Душ не услышал ничего — он увидел. Перед его внутренним взором промелькнули миллионы душ, которые ему предстояло собрать. Его гигантский скелет в рваном плаще остался неподвижным, коса из темного зараженного эфира пульсировала в такт далёкому, нечеловеческому сердцебиению. Он был терпением. Терпением жнеца, который зна-

ет, что урожай созреет и он его обязательно соберёт.

И только Нулл, Безмолвный Странник, не воспринял Голос никак. Потому что он сам был тишиной. Под его чёрным балахоном не было ничего — только пустота, принявшая форму человека. Он никогда не говорил. Его мысли не читались. Его присутствие ощущалось только по холоду, который расползался от него во все стороны, и по тишине, которая становилась ещё тише там, где он стоял.

Архон поднял руку, все замолчали. Даже стоны Матери Скорби быстренько стихли.

Проекция Трещины в центре зала за пульсировала ярче. Голос Пожирателя снова наполнил зал — и снова каждый воспринял его по-своему. Но смысл был един для всех:

«Трещина расширяется. Барьер слабеет. Скоро я смогу выйти полностью. Но есть одна помеха. Наследник. Человек. Лекс. Он может восстановить барьер. Этого нельзя ни как допустить».

Архон склонил голову. Его голубые огоньки-глаза едва заметно мерцали.

— Я предвидел это. Мы нанесём удар сейчас, как можно скорее, чтобы вам не приходилось опасаться чего-то такого.

Мор'Тал оскалился, обнажая клыки из чистой тьмы:

— Дай мне легионы. Я прорвусь к его логову и принесу тебе его голову.

Силь'Ара холодно улыбнулась:

— Ты уже пробовал, Теневой Клинок. В прошлой войне.

И отступил.

Мор'Тал развернулся к ней, его тень всколыхнулась:

— Я не отступал. Я перегруппировался.

— Тихо, — произнёс Архон, оба замолчали. — Споры бессмысленны. Наследник не будет ждать. Он сам пойдёт к Трещине. Наша задача — не дать ему дойти.

Он простёр руку, и над проекцией Трещины развернулась голографическая карта континента — точная, детальная, украденная из архивов Древних тысячи лет назад.

— Мор'Тал поведёт авангард. Гончие Пустоты, Глубокие Тени, Ткачи. Ты ударишь первым, когда они выйдут из своей норы.

— Силь'Ара и Морбус зайдут с флангов. Вы отрежете им путь к отступлению. Заморозьте землю, отравите воздух, превратите камни в гниль.

— Мать Скорби и Жнец Душ ударят в центре, когда они будут наиболее ослаблены. Пусть их воины увидят, как их товарищи корчатся от боли и как их души вырываются из тел.

— Нулл...

Архон посмотрел на безмолвную фигуру.

— Ты будешь ждать. Твоя цель — сам Наследник. Не атакуй, пока он не останется один. Ударь тогда, когда он меньше всего ждёт. Ты — наша главная надежда.

Нулл не ответил. Только холод вокруг него стал чуть сильнее.

— А я, — закончил Архон, — буду координировать из цитадели, а также на мне сбор информации. Уверен мир сильно изменился во время нашего бездействия. А если понадобится, выйду лично. Наследник скорее всего силён. Иначе господин не опасался бы его. Но он всё ещё смертен. А также он всё ещё человек. А люди... люди, к счастью, умирают.

Морбус издал булькающий звук, который мог бы быть смехом:

— А что насчёт городов? Они же есть? Мы можем выжечь их прямо сейчас. Я чувствую скопление жизни — там столько жизни, столько плоти, готовой гнить...

— Города не важны, — перебил Голос Пожирателя, Морбус осёкся. — Важен Наследник. Когда он умрёт, миры падут. Все миры. Не только этот. Терпение.

Архон кивнул:

— Выступаем на рассвете.

Они расходились молча, им нечего было обсуждать друг с другом. Каждый в свою тьму, в свой холод, в свою пустоту. Последним ушёл Архон. Он стоял у проекции Трещины и смотрел, как расширяется трещина на обелиске. Его голубые огоньки-глаза мерцали — единственное, что осталось от мага, которым он был пятнадцать тысяч лет назад. Помнил, как был тем самым Древним

Он помнил всё. Помнил, как первым из Древних не смотря на запрет начал изучать нечто. А следом с группой таких же энтузиастов смог открыл портал Пустоты. Помнил, как

его коллеги по изучению называли его безумцем. Помнил, как они оказались правы во всем что говорили — и как это уже не имело никакого значения, когда Пустота заговорила с ним.

Теперь он служил только ей. Не из страха. Не из жажды награды. Из убеждения. Жизнь была ошибкой. Бытие — болезнью. Всё живое было ошибкой бессмысленной и пустой искрой бытия. Пустота давала ответ. Тишину. Покоем. Концом всему.

— Пятнадцать тысяч лет, — прошептал он. — Пятнадцать тысяч лет я ждал этого момента. И теперь какой-то инженер из другого мира смеет вставать на их пути.

Он сжал посох. Кристалл на его навершие вспыхнул чёрным пламенем.

— Ничего. Он умрёт. Они все умрут. И тогда наступит абсолютная тишина.

В ту же ночь, за тысячу лиг к югу, в горах, где тихо спала база Лекса, произошло нечто странное. Прошла волна, погасившая все огни как магические, так и обыкновенное пламя свечей.

В главном полуразрушенном храме Стального Шпиля тоже погасли все свечи. Верховный жрец Нергал который чудом выжил, читавший ночную молитву, захрипел и рухнул на алтарь, из его рта хлынула кровь. Смерть всё же настигла его.

В кузнице Кор-Дума на базе Лекса горн, горевший даже

ночью, вдруг погас. Металл, который старый дворф держал в щипцах, мгновенно остыл и потускнел.

В Механосе магические светильники на главной площади замигали и погасли, погрузив город во тьму. В таверне «Пьяный гоблин» старый Зиг, торговавшийся с клиентом, вдруг осёкся и уставился в потолок, чувствуя, как по спине бежит холодок.

В небесной кузнице, на орбитальной станции Древних, Кователь уронил молот. Тот ударился о наковальню, звон разнёсся по пустым залам. Бог-кузнец, покровитель ремесла и тайный защитник людей, застыл, глядя в глубины мироздания. Его лицо, обычно суровое, исказилось от сильной боли. Он опустился на одно колено — впервые за всю свою вечную жизнь — закрыл лицо рукой.

— Прости, Наследник, — прошептал он. — Я думали, у тебя есть еще время. Мы жестоко ошибались.

Лирна, богиня жизни, появившись когда тоже почувствовала неладное и стоявшая рядом, опустила голову. Из её глаз текли слёзы — нет не вода, а чистый свет, который, падая на пол кузницы, заставлял камень цвести крошечными белыми цветами.

— Мы должны, нет мы обязаны им помочь, — произнесла она.

— Да мы поможем. — Кователь поднялся. — Но будет ли этого достаточно?

Лекс проснулся от пронизывающего холода.

Не от того холода, что приносит зимний ветер или метель в горах. От холода, который шёл изнутри из самого его бытия — от цепочки на его шее. Той самой цепочки, которую он носил с первого дня как очнулся в этом мире, на Кристаллических полях, везде, где бы он не находился. Он снимал ее лишь пару раз. Она холодела перед каждой опасностью, которая спасла ему жизнь больше раз, чем он мог сосчитать.

Сейчас она была не просто холодной. Она была ледяной. Такой холодной, что кожа под ней горела. Терпеть было почти невозможно.

Он открыл глаза. Темно. Свет кристалла в их с Айрин комнате почему-то погас. Рядом спала Айрин — её дыхание было ровным, она не чувствовала того, что чувствовал он, да и не могла этого сделать. Так как, по сути, была обычным человеком, пусть и некоронованной королевой.

Он встал — осторожно, чтобы не разбудить свою любимую девушку, — подошёл к бойнице.

Над горами висели всё те же звёзды. Те же две луны — золотая и серебряная — как и всегда светили ярко. Ничего не изменилось в небе. Но внизу, на земле, как будто что-то изменилось.

Он активировал эфирное зрение — замер в испуге.

Лей-линии мира дрожали. Как струны, по которым ударили невидимым молотом. Они вибрировали, искажаясь, от этой вибрации по всему континенту расходились волны — медленные, неотвратимые, как круги от брошенного в воду

камня. Никогда в этом мире после ухода Древних такого не происходило. Там, на севере, за горами, за перевалами, за Запретными землями, куда не ступала нога живого уже тысячелетия, он увидел *это*!

Дыру. Дыру в самой реальности, которая медленно, но неотвратимо расширялась, дышала, жила — смотрела на него.

В этот миг, когда его эфирное зрение было открыто полностью, он увидел ещё кое-что. Не глазами — внутри, в сознании. Образ, вспыхнувший на долю секунды: Кователь, бог-кузнец, покровитель ремесла, стоит на коленях в своей небесной кузнице. Его молот лежит на полу. Его лицо — лицо бессмертного — искажено болью. Он шепчет, и его шёпот проходит сквозь пространство, сквозь эфир, сквозь саму ткань реальности:

«Прости, Наследник. Мы думали, у тебя есть время. Мы ошибались».

Лекс вздрогнул. Образ исчез. Но цепочка на его шее стала ещё холоднее. Быстро обмотал медальон тряпкой, но всё равно холод просачивался сквозь неё.

Он понял. Не разумом — чем-то более древним, самим инстинктом, что просыпается только перед лицом неминуемой опасности или гибели. Он понял, что началось то, ради чего Древние создали Выключатель. То, от чего они погибли. То, ради чего он, Лекс, инженер с Земли, был приведён в этот мир. Не просто освободить угнетенных и победить бо-

гов.

— Что-то идёт, — прошептал он.

Айрин проснулась. Он не слышал, как она встала, — только почувствовал её теплую руку на своём плече.

— Лекс? Что случилось?

Он обернулся. В лунном свете её лицо было бледным, но спокойным. Живот, уже заметный под простой рубахой, делал её одновременно уязвимой и несокрушимой. Но в тоже время такой неотразимой и любимой.

Он взял её за руку. Цепочка на его шее холодела всё сильнее.

— То, ради чего Древние создали Выключатель, — повторил он. — То, что они запечатали пятнадцать тысяч лет назад. Ценой своего существования. Оно вновь пробудилось.

Она не спросила: «Ты уверен?» Она не сказала: «Может, ты ошибаешься?» Она просто сжала его пальцы, спросила:

— Сколько у нас есть времени?

— Не знаю. Может, год, месяцы. А может и дни.

— Тогда не будем терять ни минуты.

Он посмотрел на неё. На её лицо, на её живот. На ту которая всегда и во всем поддерживала его. Кто любил его не за силу или власть, а просто за то, что он есть.

— Знаешь я боюсь! Боюсь так как никогда в жизни не боялся — сказал он.

Это были слова, которые он не говорил никому. Даже себе.

— Я тоже, — ответила она. — Но мы справимся. Мы всегда справлялись.

Он не знал, что в этот самый миг, в тысяче лиг к северу, в Чёрной цитадели, семеро Архитекторов Пустоты уже делили весь мир между собой, чтобы собрать последний урожай. И погрузить его в ничто.

Он не знал, что на рассвете их легионы уже выступят на юг.

Он не знал, что боги, которые его не поддерживали и выступали всегда против, уже объявили его врагом.

Он знал только, что цепочка на шее холодеет, что где-то далеко, за горами, за перевалами, за гранью реальности, открылось нечто похожее на глаз — и этот глаз смотрел только на него.

Пожиратель проснулся.

И мир ещё не понимал, что это значит, и к чему приведёт.

Акт I: Враг моего врага

Глава 1. Хрупкий мир

Месяц Келемвар, 2002 г. Э.С.

Раннее утро

База Лекса в Красных горах — главный зал

Свет и даже огонь не желают просыпаться.

Так говорила старая Агафья, когда кристаллы-светильники начинали барахлить. А костры затухать по неизвестной причине. «Свет и огонь наверное очень устали», — ворчала она, подкручивая расшатавшееся крепление или подсыпая в гнездо светильника свежей толчёной эфирной пыли. Но сегодня даже это не помогало. Кристаллы в главном зале или не горели вовсе, или горели вполнакала, едва разгоняя тени по углам, и в их желтовато-синем, больном свечении лица людей казались выцветшими, измождёнными, будто сама жизнь понемногу вытекала из них.

Агафья стояла на коленях перед очагом, на котором постоянно готовила утреннюю еду, для дозорных и всех тех, кто в меру своей занятости не мог сделать этого сам. Перед ней лежали кресало, трут и горка сухих щепок — всё, что нужно, чтобы развести огонь. Она чиркала кресалом уже в шестой раз. Искры сыпались, попадали на трут, но тот лишь дымил, не желая заниматься огнем.

— Да что ж ты... — прошептала старуха, поднося трут поближе ко рту и тихонько дуя. — Ну давай же, родимый. Давай.

Трут замерцал оранжевым, по нему пробежала тонкая алая полоска — и снова погасла. Агафья выругалась сквозь зубы, помянула Кователя, духов очага и того неизвестного, кто отвечал за невезение, и снова ударила кресалом. На этот раз искра упала то ли более удачно, или Кователь смиловался над ней. Над кучкой сухого мха заплясал робкий небольшой огонёк. Старуха замерла, боясь спугнуть его дыханием, осторожно подложила щепку. Огонь несмело, как будто чего-то опасаясь лизнул дерево, затрещал, разгораясь.

— Вот так-то, — выдохнула она, пересаживаясь на корточки и вытирая лоб тыльной стороной ладони. — А то «свет спит». Свет не спит. Свет боится. Тфу на это всё.

Лада, тоненькая девочка с вечно серьёзным лицом, расставляла на длинном столе глиняные миски. Ей было не так много лет, но двигалась она с сосредоточенностью взрослой женщины. Ложки она раскладывала слева от каждой миски, хлебные лепёшки — справа, и ни разу не перепутала. Она знала, что у Клыка миска с отбитым краем — он к ней привык, что Кор-Дум любит, когда хлеб лежит на салфетке, а не прямо на столе, что Шило обязательно заговорит с ней, пока она будет накладывать кашу, и скажет что-нибудь смешное, от чего она фыркнет. Сегодня она ждала этого. Ждала, что всё будет, как всегда.

Но всё уже не было, как всегда.

Кристаллы горели тускло. Огонь в очаге разгорался неохотно, словно ему что-то мешало. Даже Барс, её мохна-

тый друг, существо, созданное магами, но выбравшее свободу, сегодня не спал. Он лежал у очага, положив огромную голову на лапы, и водил ушами — туда-сюда, туда-сюда, — ловя какие-то звуки, недоступные человеческому слуху. Лада знала эту его привычку. Так он делал, когда поблизости были хищники.

— Бабушка Агафья, — тихо спросила она, — а почему все сегодня такие... странные?

Старуха выпрямилась, потирая поясницу, посмотрела на девочку. Та стояла с миской в руках, в её больших серых глазах застыл вопрос, на который Агафья не знала ответа.

— А ты сама не чувствуешь?

Лада замерла. Чувствовала. С самого пробуждения — смутное, липкое беспокойство. Оно не имело ни формы, ни названия, но оно было здесь, в воздухе, в тенях, в том, как дрожал огонь в очаге. Как будто его постоянно кто-то пытался задуть. Только ветра никакого не было — за окнами, насколько можно было судить из глубины горы, стояла ясная осенняя погода.

— Вроде чувствую, — призналась она. — Как перед грозой. Только грозы нет.

— Вот именно.

Агафья могла бы рассказать ей. О том, что проснулась сегодня от холода, хотя очаг ещё горел. О том, что слышала, как Кор-Дум ругался в кузнице — его горн погас сам собой, и он никак не мог раздуть его заново. О том, что воздух в ба-

зе стал другим — не спёртым и тёплым, как обычно, а словно выстуженным, хотя зима ещё даже не началась. Еще она могла бы рассказать, что старые люди — как и старые звери — чуют беду загодя, что сегодня ощущением этой беды пропитано всё вокруг.

Но она не стала пугать девочку, не за чем ей эти переживания.

— Неси миски, малая, — сказала она, погладив Ладу по голове. — Людей надо кормить. Остальное — как Кователь рассудит.

Лада кивнула и понесла миски дальше расставлять на столы.

Лекс стоял у бойницы смотря на горы и небо над ними.

Он не спал. Он даже не ложился, после того как проснулся от обжигающего холода. После того, что он увидел несколько часов назад — дыра, расширяющаяся на севере, дрожащие лей-линии, Кователь на коленях в своей небесной кузнице, — сон казался чем-то невозможным, сюрреалистичным. Почти преступным. Как можно закрыть глаза и забыться, когда сама реальность трещит по швам?

Сжимая рукой цепочку на шее. Маленькую, тонкую, почти невесомую — и всё же она была тяжелее любого груза, который ему приходилось таскать. Она уже не обжигала холодом, как ночью, но всё ещё немного холодила кожу. Лекс прижимал её к груди, пытаясь согреть теплом собственного тела, но тепло тела не помогало согреть ее. Холод шёл не

снаружи. Холод шёл изнутри неё самой.

За спиной, на лежанке, застеленной грубым шерстяным одеялом, спала Айрин, он всё-таки уговорил её еще поспать. Её дыхание было ровным, спокойным — дыхание человека, который не чувствует всего того, что чувствует Наследник. Она была обычным человеком. Не оператором древних машин, не приёмником эфирных сигналов, не тем, кому Архитектор нашёптывает в сознание схемы и прогнозы. Для него она была просто любимой женщиной. Той, которую он любил больше всего на свете. Будущей матерью его ребёнка.

Лекс обернулся, посмотрел на неё. В предрассветном свете, падавшем из бойницы, её лицо казалось таким прекрасным и спокойным. Живот под одеялом едва заметно округлился — пока ещё не сильно, но уже достаточно, чтобы он чувствовал это, когда обнимал её. Ребёнок. Его ребёнок, готовившийся появиться в такое неспокойное время. Он до сих пор не мог привыкнуть к этой мысли.

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, уверенные — так ходил только один человек на всей базе.

— Ты не спишь, — констатировал очевидное Кор-Дум, останавливаясь в дверях.

— Как вижу ты тоже друг.

— Я старый. Мне положено мало спать. А ты молодой. Тебе нужны силы, много сил. — Дворф задумчиво помолчал. — Ты вообще то ложился?

— Да.

Кор-Дум хмыкнул и вошёл в комнату. Он двигался осторожно, опасаясь разбудить Айрин. Он понимал, что она пережила, сколько не спала во время предыдущего сражения. Его перевязанная рука висела на перевязи, и за ранения в спину. Стрела прошла насквозь и сломала ключицу. Но он держался прямо, как и всегда, с достоинством мастера дворфа а в его глазах, окружённых сеткой морщин, горел всё тот же упрямый огонь.

— Горн погас, — сказал он. — Вот так взял просто и погас, посреди работы. Молотом мне по печени, чтоб мне век пива не пить. Я более ста лет кую в кузне, парень. Горны не гаснут просто так. С ними что-то должно случиться. За углем н досмотрели и он кончился, или тяга упала, или ещё что. А я не первый раз молотом стучу по наковальне, не мог я так ошибиться и не досмотреть. А тут вон как — просто взял и погас. Я такого не видел никогда.

— Знаю, — ответил Лекс. — Я видел кое-что похуже.

— Ты знаешь больше, чем мне сейчас говоришь. — И это был не вопрос.

— Да, ты прав.

Кор-Дум прошёл к бойнице, встал рядом, глядя в ту же сторону куда смотрел Лекс. Некоторое время они оба молчали. Задумавшись каждый о своем.

— У меня была бабка, — заговорил дворф. — Бригитта её звали. Из клана Глубинных Странников. Те, которые глубже всех в Бездну лазают, туда, куда даже мы, Стальной Мо-

лот, не суёмся. У них там свои легенды, свои сказки. И вот она рассказывала мне одну. Про глубинное зло. Будто глубоко-глубоко, ниже всех шахт, ниже всех нор, ниже всего, что мы знаем, сидит в темноте такое... нечто. Не зверь, не дух, не бог — что-то другое. И ждёт. И когда мир становится слишком шумным, слишком живым, оно просыпается и приходит за тишиной. Не за смертью — за тишиной.

Он замолчал. Лекс ждал.

— Я, дурак, смеялся. Говорил: «Ба, ну какой такой бабайка может там сидеть? Это ж сказка, чтобы дети в глубокие шахты не лазили и не терялись». А она смотрела на меня и молчала. Вот как ты сейчас. И я только теперь понял, что это был за взгляд. Она не сердилась. Она сильно боялась.

Кор-Дум повернулся к Лексу.

— В твоих глазах сейчас точно такой же страх как у неё. Ты так сильно чего-то боишься.

— Да.

Дворф выдохнул — не испуганно, а как-то обречённо. Словно он давно ждал этого ответа и очень надеялся, что ошибётся. Их лидер не побоялся выступить против самих богов, а тут чего-то испугался.

— Я надеялся, что ошибся.

— Я бы тоже хотел, чтобы я ошибался, но нет. Я в этом уверен.

Совет собрали довольно-таки быстро. Лекс не любил долгих приготовлений — если беда пришла, надо встречать её

лицом к лицу, а не рассаживаться поудобнее. Кроме того, каждая потерянная минута работала на врага. Трещина расширялась. Он не видел её сейчас, не активировал эфирное зрение, но чувствовал всем естеством — где-то там на севере, в темноте, что-то росло и ширилось с каждым часом, каждой минутой.

Они собрались в командном центре — небольшой комнате, примыкавшей к главному залу. Стены здесь были, как и положено увешаны картами, исписанными пометками и стрелками. На столе, грубо сколоченном из досок, лежали кристаллы-связки, пара рабочих чертежей и один из первых прототипов глушителя — Лекс так и не убрал его после вчерашних испытаний. Здесь пахло металлом, оружейным маслом и чем-то ещё — тем самым запахом, который появляется в помещениях, где люди проводят слишком много времени, готовясь к войне.

Первым пришёл Кор-дум, так как шел почти сразу за Лексом. Вторым был Грым, молодой дворф бывший ученик, а теперь помощник Лекса. На плече у Грыма сидел Писк, дроид-разведчик, похожий на металлического жука с выпуклой линзой вместо глаза. Писк жужжал тихо, его линза постоянно вращалась, сканируя пространство — он явно нервничал.

— Пап, — кивнул Грым, усаживаясь рядом с Кор-Думом. — Я проверил силовые кабели. Эфирный фон в норме, накопители заряжены. Но Писк... — он покосился на дроида, — Писк сам не свой. С утра сканирует всё подряд, как будто

ждёт нападения.

— Писк — умная железка, — проворчал Кор-Дум. — Если он нервничает, значит, есть причина. Железо не обманешь.

Следом явился Клык. Глава сталкеров был одет в свою бессменную потёртую куртку с множеством карманов, которую он не за что не желал менять. В каждом из которых лежало что-то полезное — от запасных кристаллов до метательных ножей. Он двигался бесшумно, по привычке проверяя помещение взглядом — профессиональная паранойя, выработанная годами ходок в руины. За ним, чуть прихрамывая, шёл Шило — его правая рука, шутник и балагур, который сегодня не проронил ни одной шутки. Это было заметно сразу, и это беспокоило больше, чем всё остальное.

Серафима вошла в своём обычном одеянии — простом сером платье, подпоясанном верёвкой. На груди мерцал амулет Бога-Механизма — золотая шестерёнка, внутри которой пульсировал мягкий свет. Сегодня этот свет был ярче обычного, даже сама Серафима выглядела так, словно не спала всю ночь. Она молча заняла своё место за столом, сложила руки на коленях, но пальцы её то и дело сжимались в кулаки, выдавая напряжение.

Грук, вождь орков, явился одним из последних. Он пригнулся, проходя в дверь — рама была слишком низка для его роста, — и занял место в углу, сложив руки на груди. От него пахло степью, сухой травой и потом. Его воины остались в

главном зале — ждать. Он не стал садиться за стол, предпочитая стоять. Да и если бы он и сел, то занял бы очень много места. Лекс уже привык к этой его особенности — орки вообще не любили сидеть в замкнутых помещениях.

Эрвин, старый ингриец, пришёл, опираясь на посох. Его лицо, иссечённое морщинами, было спокойным, но глаза — светлые, выцветшие от возраста — смотрели всё еще остро и цепко. Он сел рядом с Серафимой и приставил посох к столу. Лаэрон, эльфийский союзник из дома Силь'Верен, встал у двери — молчаливый, собранный, как и всегда. На него была возложена большая ответственность по связям с людьми. Так же на совет пришла еще одна недавняя союзница из Механоса приведшая много так необходимых им людей. Верховная жрица богини Лирны, мать Иллария.

И, наконец зашла Айрин.

Она вошла последней. Простое платье, поверх него — лёгкий доспех, не столько для своей защиты, сколько для того, чтобы защитить того, кто рос под её сердцем. Живот под платьем уже округлился — как минимум пятый месяц, Агафья и Серафима сказали, что будет мальчик, — но не смотря на всё она держалась прямо, как и подобает королеве.

Она встала рядом с Лексом и положила руку ему на плечо. Жест был простым, почти незаметным, но он говорил больше любых слов. *Я здесь. Мы вместе.*

Лекс обвёл взглядом собравшихся. Его команда. Его семья. Те, с кем он делил хлеб и кровь, победы и поражения,

страх и надежду. Кор-Дум — старый ворчун с золотыми руками. Грым — мальчишка, ставший мужчиной раньше срока. Клык — человек, который видел слишком много смертей, но не разучился верить. Шило — шутник, чьи шутки были бронёй от боли. Серафима — женщина, чья вера прошла через такие испытания, что давно перестала быть просто верой. Мать Илария — сделавший свой окончательны выбор. Грук — приведший своих могучих воинов, и не раз ходивший с ним в смертельные походы, ставший другом. Эрвин — хранитель памяти народа, у которого отняли всё, кроме этой памяти. Лаэрон — эльф, выбравший сторону людей и склонивший к этому свой род. И его Айрин. Всегда Айрин.

— Я собрал вас всех, — начал он, голос его прозвучал глухо, как камень, брошенный в колодец, — потому что этой ночью я видел то, чего не видел никто из живущих. То, что, как я надеялся, навсегда останется в сказках и легендах.

Он начал рассказывать. Не торопясь, но и не растягивая. О своём пробуждении от холода. О цепочке, которая обожгла кожу. О том, что он увидел, активировав эфирное зрение: лей-линии, дрожащие, как струны, дыру в реальности на севере. О Кователе, которого он увидел на мгновение — бог стоял на коленях в своей небесной кузнице, и его лицо было искажено болью. О словах, которые Лекс услышал.

— На севере, в Запретных землях, в глубине, о которой мы ничего не знаем, есть обелиск, — сказал он. — Древние называли его Выключателем. Они создали его пятнадцать

тысяч лет назад, чтобы запечатать Пустоту — то, что едва не уничтожило этот мир. А следом из-за сдвига, появилась эфирная чума и Древние кто погиб, а кто-то бесповоротно изменился. Сегодня ночью по обелиску пробежала трещина. И то, что было запечатано веками, пробудилось.

Тишина. Тяжёлая, вязкая. Даже Писк перестал жужжать.

— Кто же это? — тихо произнёс Кор-Дум.

— Пожиратель, что жаждет вернуть мир в ничто —, пояснил Лекс.

— Моя бабка рассказывала. Я думал, сказки. Это же невероятно.

— Это не сказки.

— Как это выглядело? — внезапно спросил Клык. Его голос был спокоен, но пальцы сжимались в кулак. — То, что ты видел. Дыра. Как она выглядела?

Лекс посмотрел на него.

— Ты видел когда-нибудь, как гниёт дерево? Изнутри. Оно ещё стоит, ещё кажется целым, но внутри — труха. А потом... — он сжал кулак, — в один момент оно ломается. Вот так и с реальностью. Там, на севере, дыра. Не в земле, не в небе. В самой ткани мира. Она расширяется. Медленно, но неуклонно.

— И что будет, когда она расширится полностью? — прогудел Грук. Его низкий голос прозвучал на удивление спокойно.

— Всё исчезнет, — просто ответил Лекс. — Не умрёт. Не

разрушится. Исчезнет. Как будто никогда не было. Не будет ни воспоминаний, ни теней, ни пепла, даже самого мира не станет. Только пустота.

По комнате как будто пробежал холодок. Но не тот, что от сквозняка — тот, что рождается где-то глубоко внутри.

— Нужно отправить немедленно моих разведчиков, — заговорил Клык, все повернулись к нему, — Пускай разведают обстановку, и появились ли какие-то там неестественные изменения. Я предлагаю отправить четверых или шестерых.

Шило молча положил ему руку на плечо. Молчаливо поддерживая друга.

Эрвин, старый ингриец, откашлялся. Его голос, надтреснутый и тихий, зазвучал как шелест старых страниц:

— В наших хрониках, в тех, что уцелели после падения столицы, есть записи о Тёмной Войне, мы долго собирали эти знания, пытаясь перевести эти записи. Никому, никогда, не показывая, что мы обнаружили. О том, как Древние сражались с чем-то, пришедшим извне. Они называли это Пустотой. Они писали, что она не убивает — она стирает. Человек исчезает, а вместе с ним исчезает память о нём. Словно его никогда не существовало. Хроники обрываются на полуслове. Дальше — только пепел.

— Значит, это правда, — сказал Грук. — Мои шаманы... они тоже говорили о чем-то похожем. Эта история передавалась между ними от шамана к шаману. На севере спит что-то старше богов. Что-то, что не знает ни жалости, ни голода —

только пустоту. Мои воины не боятся смерти. Смерть в бою — честь. Но это... — он покачал головой. — Против этого не выставишь щит. Это даже не враг. Это как... как сама смерть. Только намного хуже.

Серафима подняла амулет. Золотая шестерёнка вспыхнула ярче, осветив её лицо.

— Искра, — сказала она. — То, что осталось от Бога-Механизма. Она тоже чувствует. Мироздание дрожит. Как сказал Лекс, как струна, по которой ударил неумелый музыкант. Я не знаю, сколько у нас времени. Может...

Она не договорила. Но все поняли.

Лаэрон шагнул вперёд.

— Мой отец, лорд Силь'вариэн, заметил странные колебания в эфире. Наши маги не смогли дать логические объяснения. Такого не было со времён Падения Древних. Он просил передать, что дом Силь'Верен остаётся верен союзу. До конца.

Лекс кивнул, принимая сказанное, опёрся руками о стол.

— И так мы готовимся к войне, — сказал он. — Но не к такой, как прежде. Не с эльфами, не с баронами, даже не с богами. С тем, что хуже всего этого вместе взятого. С Пустотой. Первым делом мы должны обезопасить тылы. Механос — наш южный оплот. Если он падёт, мы потеряем кузницы, торговые пути и выход к равнинам. Стальной Шпиль — твердыня. Если и он падёт, нам негде будет держать оборону.

— Механос, — проворчал Кор-Дум. — Рагнар.

— Да. Рагнар предал нас. Продался равнинным эльфам, поддержал их за золото и обещания, которые скорее всего никогда не выполнили. Мы должны забрать город. Как можно скорее.

Мать Иллария поднялась со своего места — Я верховная жрица Богини жизни и очень долго прожила в Механосе. Мне не хочется крови и жертв. Но я понимаю, как он прогнил и если не очистить эту опухоль, то она разрастется. Придется ждать удар в спину постоянно. Поддерживаю.

Клык поднял голову:

— Мои сталкеры готовы. Мы знаем каждый проход в этом крысятнике.

— Мои воины тоже, — прогудел Грук. — Кулаки чешутся. Давно не было хорошей драки.

— И я пойду, — усмехнулся Шило. — У меня там есть один должок. Один торгаш задолжал мне три серебряных. Пора взыскать.

По комнате пробежал смешок. Короткий, нервный — но это был смех, который хоть немного разрядил обстановку. Первый за всё утро.

— Хорошо, — сказал Лекс. — После Механоса — Стальной Шпиль. Там сидит Мираэль и магистры, которые еще верят, что могут вернуть власть. Мы покажем им, что они ошибаются. А потом... — он сделал паузу, — мы попытаемся договориться с богами. У нас нет выбора.

— С богами? — Грым поднял бровь. — После всего, что они сделали?

— Не все боги хотят нашей смерти. Кователь и Лирна — на нашей стороне. Может быть, мы сможем убедить и других, что Пустота — общий враг. А если нет... — Лекс пожал плечами. — Тогда будем драться и с ними.

— Мне нравится этот план, — хмыкнул Кор-Дум. — Особенно та часть, где мы дерёмся.

— Тогда, — Лекс выпрямился, — все знают свои задачи. Клык, Грук, Шило — готовьте отряд. Выступаете как можно скорее. Грым, Кор-Дум — кузницы Механоса должны заработать круглосуточно, как только мы возьмём город. Мне нужно оружие: «Крохи», «Гром-палки», глушители, импульсные винтовки, по образцу из Гнезда. Всё, что можно успеть. Серафима и Мать Иллария ваша задача защитить и сократить жертвы с обеих сторон не каждый будет драться по своей воле. Многие заблуждаются или их принуждают. Айрин...

Он повернулся к ней.

— Ты остаёшься здесь. Координируй оборону. Если со мной что-то случится — ты поведёшь их.

Она встретила его взгляд. Ни слова возражения. Только короткий кивок. Не время было возражать.

— Хорошо.

Все начали расходиться. Комната наполнилась звуками — стук сапог, звон оружия, обрывки разговоров. Грым и Кор-

Дум направились в кузницу. Клык, Шило и Грук — отправлять разведчиков и собирать отряд. Остальные разошлись по своим делам.

Лекс остался стоять у стола, глядя на карту.

Айрин подошла, встала рядом. Положила ему голову на плечё.

— Ты ведь не спал, — сказала она. — Я видела. Ты не ложился после того как проснулся.

— Не мог.

Айрин взяла его за руку и положила её на свой живот.

— У нас будет сын, — сказала она. — Мальчик. Здоровый. Крепкий. — Она улыбнулась, но в глазах стояли слёзы. — Будет, наверное, такой же упрямый, как его отец.

Лекс замер. Рука, лежавшая на её животе, дрогнула.

— Сын, наш сын — повторил он.

— Да.

Цепочка на его шее потеплела. Впервые за эту ночь и утро — по-настоящему.

— Я боюсь, — прошептал он. — Я так боюсь, что не могу дышать. Я боюсь не смерти. Я боюсь не успеть. Не защитить. Не справиться. Я боюсь, что этот мир, который мы начали строить, рухнет, и я ничего не смогу сделать.

— Я знаю, — ответила она. — Я тоже боюсь. Но я также знаю, что ты сделаешь всё, чтобы защитить нас. Ты всегда делаешь всё.

Она прижалась к нему, он обнял её — осторожно, словно

она была сделана из самого хрупкого материала.

— Я сделаю всё, чтобы он жил, — сказал Лекс. — Даже если для этого придётся разобрать этот мир до винтика и собрать заново.

— Я знаю. Поэтому ты станешь хорошим отцом. А теперь, — она мягко отстранилась, — иди. Тебе нужно готовиться взять Механос.

Он усмехнулся, несмотря ни на что.

— Ты гонишь меня на войну, будущая мать моего сына?

— Я гоню тебя делать то, что ты умеешь лучше всех. Чинить сломанное. А этот город, — она кивнула на карту, — определённо давно сломан.

Он поцеловал её — коротко, но крепко — и покинул помещение.

В коридоре его ждал Клык. Он стоял, прислонившись к стене, и вертел в руках метательный нож.

— Разведывательный отряд готов. Выступаем на Механос как только они вернутся.

— Хорошо. Мы будем ждать.

Клык помедлил.

— Лекс... то, что ты видел. Это правда? Конец всего?

Лекс посмотрел на него.

— Не знаю. Но мы сделаем всё, чтобы этого не случилось.

Клык кивнул соглашаясь и ушёл, сунув нож в ножны.

Лекс остался один в тёмном коридоре. Он посмотрел на свою руку — ту, что только что лежала на животе Айрин.

Пальцы всё ещё помнили тепло. Затем он сжал цепочку на шее. Она больше не источала холода. Она была тёплой.

— Я сделаю всё, — повторил он ещё раз в пустоту, так как никого рядом уже не было. — Клянусь.

И пошёл готовиться к бою. Потому что первый шаг к спасению мира — это вернуть город, который предал их. А дальше — больше. Дальше — всё остальное.

Глава 2. Тени на севере

Месяц Келемвар — Нарвион, 2002 г. Э.С.
Следующее утро после совета.

Рассвет над Красными горами только начинал золотить вершины, Клык уже стоял у ворот базы, сидя на коне. Короткая грива на загривке топорщилась. Его хвост бил по крупу короткими, отрывистыми ударами — верный признак того, что даже конь чувствовал тревогу.

— Проверьте крепления сёдел и упряжь, — бросил Клык сталкерам, которые седлали низкорослых, выносливых степных лошадей. — Мы не можем позволить себе потерять ни минуты на привал из-за хреновой подпруги.

Те сталкеры, что пошли на разведку, являлись лучшими из лучших. Те, кто выжил в Змеиных землях, кто охотился на тварей Пустоши, кто знал цену тишине и скорости. Клык лично отбирал каждого.

Четверо. Четверо теней в серо-зелёных плащах, с лицами, скрытыми под капюшонами. У каждого — гаусс-винтовка, извлечённая из древнего города «Гнездо». Оружие, способное пробить камень и металл. Тяжёлые магазины с конденсаторами. Кристаллы-связки на поясах — маленькие, в оправе из звёздного железа, чтобы переговариваться на расстоянии. Ножи из ингрийской стали. И главное — запас факелов.

— Командир, — окликнул его один из сталкеров, бывший

наёмник из Вольных городов, с сединой в рыжей бороде. — А пацан-то с нами? Серьёзно?

Клык обернулся.

Молодой охотник стоял у крайней лошади, пытаясь затянуть подпругу дрожащими пальцами. Лет семнадцать, не больше. Худой, с острыми скулами и слишком большими глазами. То ли от волнения и страха, а может, просто уродился таким. Месяц назад его выкупили из рабства в Механосе — он был слугой у какого-то купца, хотя рабство официально запрещено. Но потихоньку практиковалось. Его выкупили и дали свободу. Он выразил желание присоединиться к сопротивлению на базе Лекса. Вчера вызвался добровольцем на разведку. Сказал: «Я охотник. Мой отец учил меня читать следы. Я очень хочу быть полезным, а не дармоедом, просто так проедающим еду».

Клык тогда посмотрел на него долгим оценивающим взглядом — о чём-то задумался. Коротко кивнул, принимая решение.

— Да серьёзно, — ответил он Игнису. — Каждый, кто желает, должен пройти своё первое задание. Чем это задание хуже другого? Тем более в это совсем непростое для нас время. Я тоже когда-то был зелёным.

Бывший наёмник хмыкнул, но спорить не стал.

Через пятнадцать минут отряд выступил. Шесть всадников, семь лошадей — седьмая везла припасы, а также связку дров и факелов, так как в Запретных землях найти что-то

из горящего было сложно. За воротами базы, не так далеко, где кончалась проторённая дорога и начиналась дикая степь. Высокая трава, качающаяся под утренним освежающим ветром, — скоро он сменится опаляющим зноем. Вдали — сизые громады северных перевалов, куда очень редко кто-то ходил. А ещё реже — возвращался назад.

Клык ехал первым, на крупном чёрном жерёбце, который слушался каждого движения повода. Лошади сталкеров шли след в след, экономя силы. Говорили мало. Обычная разведка: смотреть внимательно вперёд и по сторонам, слушать, не донесёт ли ветер какие-то звуки, чувствовать землю.

— Сколько нам ещё до перевалов? — спросил молодой охотник у ехавшего рядом сталкера — самого старого из отряда, человека лет пятидесяти, с лицом, изрезанным шрамами.

— Два дня быстрым ходом, — ответил он, не поворачивая головы. — Если не будет тумана или ещё какой напасти. А если будет, то, не дай Кователь, другое — три. Или вообще никогда.

— Никогда?

— Туман в этих краях… не простой, парень. Говорят, он помнит тех, кто тут пропадал. И зовёт их. А они уже зовут живых.

Охотник побледнел, но всё же промолчал. Он сжал поводья побелевшими костяшками и уставился на спину Клыка.

В полдень сделали первый привал. Спешились, отпустили

лошадей попастись — здесь ещё была живая трава. Сталкеры достали сухой паёк: вяленое мясо, сухари, воду из фляг. Охотник жевал механически, не чувствуя вкуса.

— Имя-то у тебя есть? — спросил его здоровяк, которого почему-то все звали Молчуном — на самом деле самый разговорчивый из всех в отряде, просто говорил только по делу.

— Ян, — ответил парень. — Ну… меня так звали в детстве. Потом хозяин переименовал в «Шустрика».

— Ян, значит, — Молчун кивнул. — Очень хорошее имя.

Клык, сидевший чуть поодаль на камне, чистил ногти коротким ножом. Он слушал краем уха, но не вмешивался. Мальчишка должен найти своё место сам. Или сломаться. Так было всегда в отряде сталкеров. Либо вписывался, либо уходил, далеко не всегда живым, погибая на рейде.

На закате второго дня они всё-таки увидели перевал.

Горы подступали ближе, сжимая степь в узкое горлышко. Здесь уже воздух стал холоднее, сменяя жаркий воздух степей — почти на зимний, хотя календарь показывал середину осени — месяц Келемвар. Лошади начали ещё больше нервничать, фыркали, косили глазами на тени, как будто в них кто-то затаился.

— Дальше идём пешком, — приказал Клык, спрыгивая с седла. — Лошадей оставляем здесь. С ними останется… — он оглянулся на Яна. — Ты умеешь обращаться с лошадьми?

— Да, командир. Я в конюшне работал.

— Хорошо. Оставайся с лошадьми. Мы пойдём впятером,

ты ждёшь тут.

— Но я…

— Ты нужен здесь. Твоя задача — сохранить лошадей и дождаться нас, всего сутки, не более. — Клык во время походов и вылазок не терпел возражений, так как они могли привести к трагедии. Все претензии и разборы — по завершении миссии. — Если мы не вернёмся к завтрашнему вечеру — уводи лошадей как можно скорее и доложи Лексу. Понял?

Молодой охотник кивнул, стиснув зубы, явно неохотно. Его отправили стеречь лошадей. Как мальчишку. Как недомерка.

Клык взял с собой всех сталкеров, что пошли с ним. Дальше только пешком, вверх по каменистой тропе, где лошади поломали бы ноги и копыта. И тогда им пришлось бы идти назад пешком, что сократило бы их шансы на выживание и увеличило бы время на выполнение задания.

Три непростых часа подъёма по осыпям, мимо замшелых валунов, мимо корявых сосен, которые становились всё более редкими с каждым метром подъёма, а потом и вовсе исчезли. Только камни. Серые, холодные камни. И глубокая тишина.

Один из сталкеров первым заметил странность.

— Командир, — позвал он шёпотом. — Смотри, что-то не так с травой.

Клык опустил взгляд. Трава здесь была… серой. Не увяд-

шей — нет, увядшая трава желтеет или буреет. Эта была как будто пепельной, словно кто-то вытянул из неё все краски жизни. Клык нагнулся, провёл пальцем по стеблю. Стебель от прикосновения рассыпался в пыль.

— Не жжёная, — сказал сталкер, тоже рассматривая один из пучков. — И даже не сухая от солнца. Просто… мёртвая.

— Дальше будет ещё хуже, — буркнул другой сталкер. — Задницей чую.

Они выдвинулись дальше. К исходу третьего дня по счёту от выхода из базы отряд достиг перевала.

Перевал открылся перед ними внезапно — как порез на горной гряде. Узкая седловина между двумя пиками, за которой лежала… пустота.

Не буквально. Земля там была. Но она была мёртвой.

Клык поднял руку, приказывая остановиться. Сталкеры послушно замерли, бесшумно, как и подобает. Оружие вскинуто. Благо они одними из первых прошли обучение и тренировки, как пользоваться этими винтовками.

Они будто стояли на границе жизни и смерти.

Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась равнина, покрытая серой, ломкой травой, которая рассыпалась в пыль от малейшего ветерка. Деревья — чёрные, хрупкие, словно обугленные, но без малейшего признака пожара. Ни дыма, ни гари. Просто… цвет ушёл. Жизнь ушла.

— Господи помилуй, — выдохнул кто-то из сталкеров, в его голосе впервые за много лет прозвучал неподдельный

страх. — Что ж это такое?

— Тишина, — сказал другой сталкер. — Слышишь?

Клык прислушался. Ничего. Ни птиц, ни стрекота насекомых, ни шороха зверья. Ветер — да, ветер иногда проходил по мёртвой траве, заставляя её шуршать, как сухой песок. Но это был не живой звук. Это был звук пустоты.

— Абсолютно мёртвая земля, — прошептал ещё один. — Я такого никогда не видел. Даже в Пустоши есть мухи, падальщики, хоть что-то. А здесь… как будто бы вообще ничего.

Клык шагнул вперёд, на серую траву. Под его сапогами она не просто хрустела — она исчезала, превращаясь в облачко пепла. Он сделал ещё несколько шагов. Подошёл к ближайшему чёрному дереву. Оно было как уголь, холодное. Клык постучал рукоятью ножа по стволу — дерево раскололось с сухим треском, внутри оказалось таким же чёрным.

— Ни мха, — сказал он, разглядывая камни у корней. — На камнях нет мха. И лишайников. Даже плесени. Ничего.

— Командир, — позвал его Ветер. — Смотри.

Ветеран показывал на небо. Там, в вышине, кружила одинокая ворона. Она делала широкие круги, но почему-то не садилась на мёртвые деревья. А потом вдруг сложила крылья и камнем упала вниз — прямо на серую траву. Ударилась о землю и замерла.

— Вот и всё, — сказал Клык. — Даже птицы не хотят здесь жить.

— Или не могут, — поправился Клык. Он вытащил кристалл-связку, активировал. — Клык — Базе. Приём.

Треск помех, потом голос Лекса, искажённый расстоянием:

— Слышу тебя. Докладывай.

— Мы на перевале. Земля мёртвая, совсем. Трава серая, деревья чёрные, ни зверья, ни насекомых. Только что ворона упала мёртвая с неба.

Пауза. Лекс переваривал.

— Ещё что-то видели?

— Нет. Но мы только на границе. Дальше не заходили.

— Не заходи. Разбейте лагерь, наблюдайте. Если что-то будет не так — немедленно уходите. Живыми вернуться важнее информации. Понял?

— Понял, — Клык убрал кристалл. Повернулся к сталкерам. — Лагерь здесь, на границе. Мы должны понять, что происходит. Костра не жечь — дерево не горит, а если и загорится, неизвестно, что привлечёт. Разжигаем из того, что принесли с собой, готовим горячую еду и сразу тушим. Спать по очереди. Факелы держать наготове.

Они нашли неглубокую пещеру в скальном выходе — естественный грот, достаточно глубокий, чтобы укрыть пятерых. Двое собрали камни для баррикады. Третий выставил сигнальную нить с колокольчиками у входа. Клык лично проверил все факелы — каждый давал яркое, живое пламя, которое немного разгоняло тьму и давало хоть немного

ощущение жизни.

В бой шли с гаусс-винтовками наготове, но Клык очень надеялся, что до боя всё же не дойдёт. Задача — наблюдать, засвидетельствовать и в итоге всем вернуться. На поверхности вечер опускался быстро. Тени удлинялись, но это были самые обычные тени от камней, остатков деревьев. В пещере и так было прохладно, а к вечеру стало ещё холодней. Сталкеры быстро разожгли огонь из принесённых с собой сухих досок. Подогрели походный паёк в котелках. Им же и поужинали, передавая друг другу флягу с холодной водой.

— Командир, — спросил один, жуя вяленое мясо. — А что это вообще за хрень? Траву убивает, деревья убивает, птиц… нас тоже того?

— Нет. Это Пожиратель, — коротко ответил Клык. — То, что мы видим, в целом безвредно. Пустота просачивается в наш мир. Она не живёт — она уничтожает жизнь.

— И как с этим бороться?

— Лекс что-нибудь придумает, по крайней мере я очень надеюсь на это. Поэтому мы здесь. Чтобы он понял больше.

Второй, сидевший у входа с винтовкой, скептически хмыкнул:

— Наш инженер… он, конечно, умный. Но против такого? Против того, от чего боги страшатся?

— Заткнись, — рыкнул Клык. — Не для того мы его выбирали, чтобы сейчас сомневаться. Наше дело — разведка. Его — война и выживание. Каждый делает свою работу.

Игнис пожал плечами, но всё же замолчал.

Ночь наступила. Темнота здесь была особенной — не просто отсутствие света, а густая, давящая, словно кто-то накрыл мир одеялом из чёрной непроглядной ткани. Луны не было видно за густыми облаками. Как, впрочем, и звёзд. Только редкие всполохи далёких эфирных бурь подсвечивали горизонт фиолетовым.

Клык взял первую вахту. Он сел у входа, положив винтовку на колени, всматривался в непроглядную темноту. Костёр и факелы уже потушили, чтобы не привлекать внимание. Глаза постепенно привыкли, но он не видел ничего. Только холодные камни, остовы бывших деревьев и холодную землю.

И вдруг — движение на грани чувствительности. Можно было бы и пропустить, но на фоне абсолютной тишины и мёртвой обстановки не заметить было трудно.

Слева, у подножия скалы, что-то шевельнулось. Клык напрягся, нащупал факел. Прищурился.

Тень. Но не от камня. Тень, которая двигалась сама по себе. Плоская, двумерная, как кусок чёрной бумаги, скользящая по земле, по камням, по вертикальным поверхностям — для неё, казалось, не существовало преград.

— Подъём! — рявкнул Клык, вскакивая. — Там кто-то есть!

Сталкеры среагировали мгновенно — результат тренировок и боевого опыта. Двое уже держали факелы, третий вски-

дывал винтовку.

Но то, что пришло, не стало ждать.

Они появились беззвучно, как и подобает теням. Сначала одна, потом две, следом ещё десять. Они скользили по стенам пещеры, по земле, по спинам сталкеров — холодные, липкие, словно прикосновение страха и ощущения неизбежной смерти.

Ещё один часовой — самый молодой из сталкеров — стоял у входа, чуть в стороне от основных сил. Он успел только вскинуть факел, когда тень коснулась части его оголённой ноги.

Лис замер. Его лицо начало сереть за секунду — краски уходили, как вода из опрокинутой чаши. Он не успел закричать, даже не охнул. Просто рухнул, как подкошенный, и больше не шевелился.

— Лис! — заорал Молчун.

— Свет! Давай свет! — Клык зажёг два факела и сунул их в сторону теней.

Живое пламя дрогнуло, но, справившись, ярко вспыхнуло, отгоняя тьму. Тени заметались, раздражённо, как будто зашипели — Клык мог поклясться чем угодно, что услышал шипение, хотя откуда у теней голос? — и отпрянули, сползая в углы, где свет был слабее всего.

Тот, что с винтовкой, тоже зажёг факел. Четыре огня скрестились в пещере, создавая островок безопасности. Тени жались к стенам, но не уходили. Ждали любого момента, любой

оплошности живых людей.

— Немедленно отходим! — скомандовал Клык. — Забираем Лиса и отходим к лошадям!

— Он мёртв, командир! — крикнул один из сталкеров, проверив пульс у посеревшего тела. — Мгновенно!

— Забираем! — повторил Клык. — Тело надо показать Лексу. Узнать, от чего умер.

И тут случилось то, чего Клык не ожидал никогда.

К ним пришёл молодой охотник — Ян, который оставался внизу у перевала с лошадьми: — Впустите меня, мне там одному страшно и холодно. Не хочу быть один.

— Ян! Стоять! Откуда ты здесь взялся? И почему тебя не трогают? — рявкнул Клык, но парень как будто не слышал. Или всё же слышал, но не хотел или не мог уже ответить.

Он аккуратно зашёл в круг света, опустив голову. Тени как будто обходили его стороной. А он всё канючил, чтобы его пустили.

— Чтоб тебя… — почувствовав сталкерским чутьём опасность, выругался Клык. — Молчун, это, скорее всего, уже не Ян, стреляй!

Молчун, не споря с командиром, выстрелил в голову, доверяя чутью командира, не раз спасавшему их из передряг. Ян вскинул голову — и вот тогда они увидели посеревшее лицо с обсидиановыми чёрными глазами. Молчун выстрелил ещё несколько раз, и только тогда Ян произнёс: — Вы все останетесь тут и погрузитесь в вечное ничто. С вас всё

начнётся. — Упал на спину, из его открытых глаз вырвалась тень, заметавшаяся на свету.

— Молчун, Игнис — прикрываете отход с телом, остальные — со мной!

Он рванул наружу, выставив факел перед собой как копьё. Игнис с Молчуном, который тащил два тела, — за ним, пыхтя и матерясь на чём свет стоит.

Снаружи было темно, хоть глаз выколи. Лун нет, звёзд нет. Только слабое фиолетовое зарево на горизонте. Клык и сталкер, что пошёл с ним, подняли факелы выше, свет заметался по равнине.

— Все за мной! Молчун, ничего не знаю, несёшь два тела через не хочу, мы тебя прикрываем светом и огнём факелов.

Тишина. А вот направление было выбрать почти нереально — в глухой ночи, в которой не было никакого света, кроме факелов.

— Туда! — Клык почему-то выбрал именно этот путь.

Они бежали по мёртвой траве, которая рассыпалась под ногами в пепел. Бежали, размахивая факелами, чтобы тени не смели приблизиться. Молчун начал отставать из-за тяжести двух тел — его лёгкие были не те, что в молодости.

Клык с остатками отряда добрался до края какой-то расщелины — широкой трещины в земле, куда не проникал свет его факела, в ней как будто роились эти тени. Они явно шли не в ту сторону.

— Командир, я не выдержу нести так долго двоих, у нас

кончатся факелы, и нас задавят всех. Нужно кого-то оставить, взяв что-нибудь для доказательства.

Клык, недолго думая, приказал положить охотника на землю, наклонился, сдёрнул с него плащ. Края были разорваны — словно он с кем-то дрался. Или что-то тащило его за этот плащ.

— Эх, Ян! Кто бы знал, что так будет.

Он посветил факелом в расщелину. Огонь осветил каменные стены, уходящие вниз, в непроглядную черноту. Там, на глубине, мелькали тени. Или показалось.

— Командир, всё, его нет. Мы ничего не сделаем, тем более в таком месте и темноте. Надо возвращаться.

— Я знаю, — Клык сжал плащ в кулаке. — Знаю. Из-за того, что мы шли не туда, у нас мало факелов, их не хватит. В пещере — запас дров и факелов.

Они вернулись в пещеру. Ветер и Молчун вытащили тело Лиса наружу, завернув в плащ Яна. Факелы продолжали гореть, отгоняя тени, которые снова сползлись к пещере, как змеи к теплу.

— Сразу на рассвете уходим. Сейчас сидим здесь, разжигаем быстро огонь, светим во все стороны, никому даже не думать спать. Ждём утра.

Четыре часа. Целых четыре часа они сидели в пещере, окружённые тенями, которые не решались приблизиться к огню, но и не собирались уходить. Клык подкладывал сухие ветки и ручки факелов, что заканчивали гореть, в костёр,

следом зажигая свежие факелы, предусмотрительно взятые с собой. Один из оставшихся держал свой, хотя рука уже дрожала от усталости. Второй, держа факел, читал молитву — старую ингрийскую, какую не вспоминал лет двадцать. Ещё один сжимал винтовку вместе с факелом, смотрел в одну точку.

Тени ждали. Они знали, что огонь не может гореть вечно.

Но к счастью и большому облегчению для всех в отряде, рассвет наступил раньше, чем догорели факелы.

Первые утренние лучи осеннего солнца — негреющие, слабые, пробивающиеся сквозь низкие облака — упали на перевал. Тени исчезли. Не отступили — а именно исчезли, как будто их никогда и не было в этой серой округе.

Клык осторожно вышел из пещеры, щурясь на свет. Вокруг — всё та же мёртвая земля, серая трава, чёрные деревья. Ни следов теней, ни признаков вчерашней — то ли схватки, то ли попытки бегства. Только тело одного из них, завёрнутое в плащ молодого охотника, лежало у входа.

— Все встали, — сказал он хрипло. — Уходим как можно скорее из этого проклятого места. Оно явно опаснее, чем может показаться изначально.

Они спускались с перевала молча. Не говорили о том, что видели. Не обсуждали потери. Каждый нёс своё: один — что не спас товарища и друга, другой — молитву, сорванную на полуслове, третий — злую, глухую ярость.

Клык же нёс тело Лиса на плечах. Это была тяжесть не

столько физическая, сколько моральная. Лис был молод. У него осталась девушка в Механосе — Молчун как-то видел, как они целовались у ворот кузницы. А теперь Клык принесёт ей свёрток с телом и скажет: «Прости, он погиб героем».

Героем. Какое глупое слово для того, кто просто стоял на часах и не успел даже выстрелить.

К полудню они добрались до места, где оставили на страже молодого и лошадей. Лошади так и стояли стреноженные; поначалу никто даже не задумался, почему тени не тронули лошадей. Но очень скоро чуть в отдалении заметили ещё заводную лошадь. Неудивительно, что её никто не заметил: она лежала сморщенная, серая и сухая, как будто с неё отжали всю влагу. Очень странное поведение. Попросту никто из ранее известных врагов никогда просто так не убивал лошадей. Так и здесь: все лошади оставались целыми, кроме одной — заводной, что везла их припасы.

Никто не стал долго задумываться над этим. Всем хотелось побыстрее покинуть это место.

Они привязали тело к свободной лошади, остальные сели в свои седла. Молчун взял в повод свободную. Клык сел на своего жеребца, оглянулся на перевал.

— Уходим. Полным ходом. Нам необходимо быть в базе через день.

Они двигались всю ночь, освещая дорогу факелами. Клык гнал лошадей без жалости, но всё же иногда приходилось останавливаться и давать им хоть немного времени на отдых

— на привалах по полчаса. Кроме этих остановок — больше никуда, только вперёд. Только домой.

На рассвете второго дня они увидели Красные горы — родные, привычные, живые. Здесь не было мёртвой земли. Здесь ещё пели птицы. Здесь был воздух, который можно было вдыхать без страха, что он высушит лёгкие.

Клык въехал в ворота базы, когда солнце только поднялось над стенами. Его ждали. Лекс сам вышел навстречу — без свиты, без охраны, в простой рубахе и штанах, с закатанными рукавами. Айрин стояла чуть позади, положив руку на цепочку фамильного медальона.

Клык спрыгнул с коня. Земля качнулась под ногами — он не спал почти двое суток. Но не подал виду.

— Докладывай, — сказал Лекс тихо. — Но не здесь, я вижу у тебя потери. Пойдём.

Они прошли в командный центр. Клык приказал одному из сталкеров принести свёрток туда же и помалкивать пока.

— Я потерял двоих, — голос Клыка был сухим, ровным, почти без эмоций. — Один — на часах, мгновенно. Касание тени. И тот парень… охотник, доброволец. Пришёл в панике ночью, говорил, что напуган, что ему холодно. Я только чутьём понял, что это уже не он, только выстрел в голову его остановил. Попытались выйти ночью, но не смогли сориентироваться в такой серости и тьме. Пришлось бросить одного, иначе бы не вышли. Это нас и спасло. И ещё странность: лошадей не тронули, кроме заводной.

Он снял с тела на полу обёрнутый вокруг него свёрнутый плащ, положил на каменный стол.

— Вот. Его плащ. Забрали хоть что-то.

Лекс взял плащ, осмотрел. Потом перевёл взгляд на тело, которое сталкеры сняли с лошади. Лицо Лиса было серым — неестественно, не как у мёртвого, а как у того, из кого вынули саму суть жизни.

— Что же это было? — спросила Айрин, подходя ближе.

— Тени, — ответил Клык. — Двумерные силуэты. Не боятся оружия — пули проходят сквозь них. Им страшен свет. И только свет. Ну, по крайней мере, мы только о таком способе знаем. Факелы отогнали, но не убили. Мы даже не видели врага по-настоящему. Только какие-то тени на стенах.

Он помолчал, глядя на плащ Яна.

— Он был молодым. Хотел доказать, что может быть полезным.

Тишина повисла над двором. Сталкеры молчали, опустив головы. Лекс сжал плащ в кулаке, потом аккуратно сложил и отдал стоявшему рядом Эрвину. На какое-то время крепко задумался, смотря на тело сталкера.

— Слушай меня внимательно, друг, необходимо немедленно сжечь и коней, и тело. Но по отдельности, нужно кое-что проверить. Видно, было, что решение принимается не просто. Если ничего не произойдёт — то слава богу. А вот если — тогда у нас будут ценные сведения.

— После этого похороните с почестями, — сказал он ти-

хо. — Обоих. Мальчишка вызвался добровольцем. Это стоит уважения.

Он положил руку на плечо Клыка. — Я понимаю, что ты устал, но сталкера мы должны сжечь сами, чтобы не пошли слухи. Коней жалко: если не транспорт, то хоть еда. Но не будем о печальном. Лошадей сожгут орки, я попрошу.

Вызвали Гурка, попросив зарезать и сжечь коней дотла. Сами же сложили за стенами небольшой погребальный костёр, водрузив на него погибшего. Присутствовали: Лекс, Айрин и Клык со своим отрядом из троих человек.

— Он был смелым и, несмотря на молодость, опытным сталкером, — сказал последнюю речь Клык. Остальные молча стояли, отдавая последнюю дань погибшему. Клык поднёс факел. Огонь жадно занялся на сухих дровах, перекинулся на тело. Поначалу всё было как обычно, но в какой-то момент тело выгнуло дугой, из глаз повалило что-то чёрное. Оно попыталось с воем кинуться к ближайшему стоящему сталкеру, но не успело. Растаяло на солнце — и правда, как тень.

— Вот оно как, — произнёс Лекс. — Они пытались не просто вас убить, но и захватить, потому и лошадей оставили. Если бы то, что поселилось в ваших погибших телах, добралось до нас ночью…

Пришёл Грук с докладом, что лошадей забили и жгут.

— Жалко столько вкусной еды. Можно было пир устроить.

— А ничего странного не было? — спросил Лекс.

— Нет, всё, как всегда. Огонь, мясо — необычного мы не ели, и всё.

— Ладно, друг, иди к своим, доделайте дело и отдыхайте. На совете всё расскажу.

— Всё-таки, если бы они ещё и захватили лошадей, то вряд ли бы по солнцу они выжили, а так — самые обычные лошади. Да и заводная им не к чему. Вот и вся загадка.

— И ты иди отдыхай, Клык. Тебе нужны силы. Завтра с утра совет. Теперь мы знаем, что враг не ждёт.

Клык кивнул. Повернулся, пошёл в казарму, не оглядываясь. За ним последовали остальные сталкеры. Они несли своё горе молча, как несли его всю жизнь.

Лекс и Айрин остались во дворе, глядя на север, туда, где за горами лежала мёртвая земля и скользили тени, а может, и не только тени.

— Тени, — прошептал он. — Всего лишь тени.

Но в его голосе не было облегчения. Потому что он знал: если тени уже здесь, то тот, кто их отбрасывает, стоит за горизонтом и делает первый шаг.

Айрин подошла, взяла его крепко за руку.

— Ты найдёшь способ, — сказала она.

— Обязательно, — ответил Лекс, переведя взгляд на костёр. — Сделаю всё возможное и невозможное.

Глава 3. Та, что носит тень

Месяц Нарвион, 2002 г. Э.С.

Глубокая ночь

Тайный кабинет Леди Мираэль в подземельях Стального Шпиля

В кабинете, как обычно, было темно и мрачно. Только три неизменные свечи на столе из чёрного дерева отбрасывали дрожащие тени на стены, всё так же иногда принимающие причудливые, почти живые формы — то ли крадущегося зверя, то ли сгорбленного старика, то ли ещё кого похуже. Мираэль сидела почти неподвижно, её пальцы, унизанные перстнями, лежали на столе, только один из них — указательный на правой руке — чуть заметно постукивал по полированной поверхности. Ритм, который никто не мог бы услышать за толстыми стенами. Ритм, который выдавал её то ли волнение, то ли нетерпение.

Стук. Пауза. Стук. Пауза. Стук-стук-стук — быстрее, быстрее, пока она не одёрнула себя усилием воли.

Она ненавидела ждать. Ненавидела это липкое, вязкое чувство беспомощности, когда всё, что ты можешь сделать — сидеть и смотреть, как мир катится в бездну, а ты не в силах ничего изменить. По крайней мере, пока. Она ждала не гостя — ждала ответа на вопрос, который мучил её уже несколько часов. С того самого момента, как эфир содрог-

нулся. С того самого момента, как осколок в ней ожил.

Мираэль поднесла ладонь к лицу. Иллюзия, скрывавшая багровый узор, всё ещё держалась, но с трудом — вена под ней пульсировала так яростно, что маскировка истончилась, сквозь неё проступал зловещий, ритмичный свет. Казалось, сама тьма сочится сквозь её кожу, рвётся наружу, требуя внимания. Она чувствовала его — не сколько физически, а както глубже, на уровне инстинктов. То, что было лишь сгустком энтропии в её руке, теперь резонировало. Резонировало с чем-то огромным, древним и невероятно далёким, необъятным. С чем-то, что так внезапно пробудилось.

Это там, на севере, — подумала она, по спине пробежал холодок — не тот, что от сквозняка, тот, что рождается глубоко внутри, когда ты понимаешь: случилось нечто, чему нет объяснения. За горами, за перевалами, за Запретными землями.

Она не знала, что это такое. У неё не было легенд дворфов о Пожирателе, не было ингрийских хроник о Тёмной Войне. Она была магом-прагматиком, а не хранителем древних тайн. Она начала ощущать чужой голод. Абсолютный, всепоглощающий, не сравнимый ни с чем, что она испытывала когда-либо раньше. Так мог бы чувствовать себя кролик, впервые ощутивший взгляд волка — только волк был размером с гору, а может быть и больше. И смотрел он не на неё одну, а как будто на весь мир сразу. Ещё она чувствовала холод. Тот самый холод, который она ощутила, когда впервые позволи-

ла осколку коснуться своего разума. Тогда он был лишь отголоском, шёпотом из бездны. Теперь он ревел, как ураган, от этого рёва у неё сводило зубы.

Мираэль не была дурой. Она понимала: если эта сила вырвется на свободу, от мира не останется ничего. Ни Шпиля, ни Механоса, ни Лекса, ни его жалкой армии. Но что самое главное не станет её самой. Ни единого следа, ни единой памяти — только пустота, пустота, пустота. Это знание должно было бы повергнуть в ужас кого угодно — и, надо признать, на мгновение она именно это и почувствовала, как внутри что-то сжалось, что-то древнее, животное, требующее бежать, прятаться, спасаться.

Она подавила и этот порыв. Потому что там, где другие видели гибель, она видела возможность.

Хаос — это лестница. Так говорил один мудрец имя, которого стерлось во времени, сам того не зная, описывая её философию. И сейчас эта лестница вела к вершине, о которой она не смела и мечтать. Но чтобы взойти на неё, нужно было обезопасить свой путь. Убрать главное препятствие.

Лекса.

Она произнесла это имя мысленно — и тут же почувствовала, как багровая вена на руке вспыхнула ярче, словно отзываясь на её ненависть. Да, ненависть. Мираэль не привыкла обманывать себя — она ненавидела Лекса. Ненавидела его самоуверенность, его принципы, его проклятое благородство. Ненавидела за то, что он — человек, жалкий чело-

вечишка из другого мира — посмел бросить вызов системе, которую они выстраивали веками. Ненавидела за то, что он уже победил Нергал и теперь стоял на пути к её собственной победе.

Он ещё не захватил Механос, но она знала — это вопрос времени. Её шпионы докладывали: его армия на марше, его лазутчики уже проникли в город. Этот жалкий торгаш Рагнар слишком труслив и слишком жаден, чтобы оказать серьёзное сопротивление. Он либо сдастся, либо будет раздавлен, как вошь под ногтем. После Механоса придёт очередь Стального Шпиля. Её города. Её крепости. Её источника власти. Лекс не оставит ей ничего — он раздавит Магистериум, распустит тайную канцелярию, лишит её влияния, которое она выстраивала столетиями. Всё, чего она добилась — положение, власть, страх в глазах подчинённых и уважение в глазах врагов, — всё это обратится в пыль.

При мысли об этом её кулаки сжались, ногти впились в ладони. Она очень отчетливо представила, как Лекс входит в её кабинет, как садится в её кресло, как разбирает её бумаги своими грубыми человеческими пальцами. Представила — и едва не задохнулась от дикой ярости.

Если она не ударит первой.

Мираэль резко поднялась — кресло откатилось назад и ударилось о стену — подошла к карте, развёрнутой во всю стену. Пальцы пробежали по южным границам, задерживаясь на отметках, обозначавших скопления войск. Азур. Бог

войны, чья армия была потрёпана в предыдущих стычках, но не уничтожена окончательно. Она знала — Человек в Сером доложил ещё вчера, — Азур собирает остатки своих воинственных легионов в южных равнинах. Его жрецы мечутся по городам, вербуя всех кого удастся заманит посулами и золотом, обещая что то одно а иногда и всё сразу. А иногда и прощение грехов, что для некоторых было не менее важно. Его аватары всё ещё сияют в храмах, призывая к священной войне против еретика что посмел выступить против богов. Человечишку Лекса.

Азур очень силён. А ещё он был зол. Зол на Лекса за дерзость — она понимала эту злость, она сама чувствовала её каждый раз, когда думала о Наследнике. Она находила это забавным: боги, оказывается, тоже умеют чувствовать, совсем как смертные. Он злился на саму судьбу — и тут уже она не могла его винить. А гнев, как известно, делает даже самых разумных существ предсказуемыми. Предсказуемый бог — это полезный бог. Инструмент, который можно направить в нужную сторону, пока он сам уверен, что действует по своей воле.

«Ты дашь мне то, что мне нужно», — прошептала Мираэль, в её шёпоте было что-то почти интимное, как в обещании любовнику.

Она закрыла глаза, сосредоточилась. Магия иллюзий была её второй натурой, но сейчас ей требовалось совсем иное — магия поиска, магия связи. Она вытянула руку вперёд, вена

вспыхнула ярче, отзываясь на её волю со всей готовностью, которая уже не пугала, а приносила радость. Она не призывала Азура нагло, как вызывают никчемного слугу — это было бы глупо и опасно на данном этапе, боги не прощают такого. Она отправляла сигнал. Маяк. Крошечную, едва уловимую искру своего присутствия, замаскированную под молитву жрицы, под случайный всплеск эфира, под что угодно. Искру, которую мог заметить только тот, кто сам искал союзников.

Ответ пришёл быстрее, чем она ожидала. Намного быстрее. Значит, бог войны действительно почти в отчаянном положении, если так жадно хватается за любую протянутую руку. Мираэль усмехнулась про себя. Отчаяние — это слабость. А слабость — это то, чем она умела пользоваться лучше всего. А с осколком сердца той кто лучше других умел манипулировать эмоциями, её умение кратно усилилось.

Воздух в кабинете сгустился, стал тяжёлым, как перед грозой. Запахло озоном и чем-то ещё — чем-то металлическим, горячим, как раскалённый меч, опущенный в воду. В центре комнаты начало формироваться свечение. Сначала — едва заметное, как марево над раскалённым песком. Потом — ярче, ослепительнее, пока, наконец, перед Мираэль не предстал аватар.

Она видела его однажды, много лет назад, на какой-то церемонии в храме. Но тогда он был далеко, на возвышении, окружённый жрецами и дымом благовоний. Теперь он стоял

в двух шагах от неё — и это было совершенно другое ощущение.

Он был огромен. В три человеческих роста, с головы до ног закованный в доспехи из чистого света, которые, казалось, были выкованы из солнечных лучей. За его спиной пылали два огненных крыла, не обжигающих, но излучающих такую мощь, что свечи на столе замигали и едва не погасли, а кожа Мираэль начала нагреваться, несмотря на все защитные чары. В правой руке он держал меч — длинный, прямой, с клинком из белого пламени, которое гудело, как растревоженный улей. Его лицо скрывал шлем, но даже сквозь прорези для глаз не было видно ничего, кроме ослепительного сияния — сияния, в котором, как ей показалось, можно было разглядеть отблески далёких сражений, крики умирающих и звон мечей.

Мираэль не встала. Сердце билось где-то в горле, но она не позволила себе даже вздрогнуть. Она лишь чуть склонила голову — ровно настолько, чтобы жест можно было принять за уважение, но не за подобострастие. Она знала, что боги, особенно такие, как Азур, не ценят раболепия от тех, кого считают ниже себя. Они ценят силу — а сила сейчас была в том, чтобы не отвести взгляд.

— Великий Азур, — произнесла она, и её голос прозвучал ровно, без дрожи, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Я польщена, что ты откликнулся на мой зов.

— Ты звала меня, смертная. — Голос аватара звучал как

раскат грома, отражаясь от каменных стен так, что с потолка посыпалась каменная крошка. — Говори. У меня очень мало времени. Война не ждёт.

— Как и все мы. — Мираэль позволила себе лёгкую, едва заметную улыбку — ту самую, которая так бесила её врагов и так успокаивала союзников. — Я знаю, что ты собираешь армию. Я знаю, что Лекс — твоя цель. И я знаю, что прямо сейчас он идёт к Механосу, чтобы захватить его, сделав его своим оплотом.

Аватар сделал шаг вперёд. Пол под его ногами задрожал, Мираэль почувствовала, как вибрация отдаётся в костях.

— Это известно каждому, у кого есть уши. Зачем ты отвлекла меня, женщина? У тебя есть что-то, чего я не знаю? Так говори не тяни время!

«О да, мой бог — подумала она, — у меня есть то, чего ты точно не знаешь. У меня есть осколок сердца твоей мёртвой сестры в руке, и я только что заключила сделку с существом, которое древнее тебя в тысячу раз». Но вслух она сказала совсем другое.

— У меня есть то, чего нет у твоих жрецов. — Мираэль поднялась и подошла к карте, остановившись в шаге от сияющей фигуры. Жар, исходивший от аватара, был почти невыносим — она чувствовала, как кожа на лице начинает сохнуть, как по спине бегут струйки пота, — но она не отступила. — Лекс сейчас слаб. Его силы рассеяны, его союзники ещё не стянули войска. Дворфы только-только начали моби-

лизацию, орки ещё не собрали свои племена, а эльфы дома Силь'Верен колеблются — я знаю это от своих агентов. Но если он возьмёт Механос — а он возьмёт, если мы не остановим его, — он получит доступ к кузницам, к ресурсам, к новым рекрутам. Он станет сильнее втрое. А когда он возьмёт Механос, следующей целью станет уже мой город — Стальной Шпиль. Мой дом.

Она сделала паузу, давая Азуру осмыслить сказанное. Потом продолжила — тише, но от этого не менее убедительно:

— Я не намерена этого допустить. Я слишком долго и слишком упорно работала, чтобы какой-то выскочка разрушил всё, что мне дорого. У меня есть шпионы в каждом крупном городе. У меня есть доступ к информации, которую не получают даже твои верховные жрецы. У меня есть влияние в самом Шпиле — влияние, которое я выстраивала столетиями, кирпичик за кирпичиком, союз за союзом. Я знаю, как Лекс мыслит, как он действует, где его слабые места. Я могу дать тебе то, чего не могут дать молитвы и жертвоприношения — точную, своевременную информацию и удар в спину в самый неожиданный для него момент. Вместе мы можем раздавить его, пока он не стал слишком силён. Поодиночке — мы оба проиграем. Ты уже пробовал воевать с ним в одиночку. Результат известен.

Последняя фраза была очень рискованной — напоминать богу о его поражении было почти самоубийством. Но Мираэль знала, что делает. Она должна была показать, что не бо-

ится его. Что она — не просительница, пусть не совсем равный, но всё же партнер.

Азур молчал. Меч в его руке гудел, этот гул заполнял комнату, давил на уши, заставлял зубы ныть от боли. Мираэль чувствовала, как её иллюзия, скрывающая багровую вену, трещит под этим давлением, как маскировка истончается еще больше, готовая развеяться в любой момент. Если он узнает, что она носит в себе осколок сердца Нергал тогда…. Она удерживала иллюзию усилием воли, вкладывая в неё всю свою концентрацию. Капля пота скатилась по виску. Она надеялась, что Азур примет это за реакцию на его присутствие.

— Что ты хочешь взамен? — спросил он наконец. Голос его стал тише, но от этого не менее опасным. Так рычит хищник перед прыжком к своей жертве.

Мираэль позволила себе вдохнуть. Самый опасный момент миновал. Теперь начинались переговоры.

— Пост Верховного магистра. После победы. С неограниченными полномочиями. Я хочу править Стальным Шпилем — от твоего имени, разумеется. Я хочу, чтобы все Дома Крови склонили головы передо мной. Я хочу, чтобы моё слово стало законом для каждого эльфа от Изумрудных Лесов до Серебряных Озёр.

Аватар издал звук, похожий на смех — сухой, лишённый веселья, как скрежет металла о камень.

— Ты хочешь власти. Все вы, смертные, одинаковы. Что

ж, по крайней мере, ты честна в своей жадности. Это лучше, чем притворное смирение твоих коллег по Магистериуму.

— Я хочу справедливости. — Мираэль позволила своему голосу стать твёрже, вложила в него те интонации, которые так хорошо действовали на подчинённых — смесь уверенности, достоинства и скрытой угрозы. — Я служила этому городу дольше, чем многие твои жрецы живут на свете. Я поднялась с самых низов, скрывая то, что могло бы меня уничтожить. Я отдала этой работе всю свою жизнь — у меня нет ни семьи, ни друзей, ни привязанностей. Есть только долг. И я вижу, как Лекс разрушает всё, что я строила. Он освобождает рабов — и экономика трещит по швам. Он уничтожает Кристаллические поля — и мы теряем источник энергии. Он подрывает авторитет Магистериума — и Дома Крови начинают грызться между собой, как собаки за кость. Если он победит, мир погрузится в анархию. Тысячи лет порядка, традиций, законов — всё обратится в пыль. Я этого не хочу. Я хочу стабильности. Я хочу, чтобы эльфийская цивилизация выжила и процветала. И я готова служить тебе, чтобы этого достичь.

Это была полуправда, искусно смешанная с откровенной лестью. Мираэль действительно хотела стабильности — но только такой, где она сама стояла бы на вершине. Она действительно презирала хаос, который нёс с собой Лекс — но не из любви к традициям, а потому что в хаосе трудно контролировать ситуацию, трудно предсказывать следующие хо-

ды, трудно манипулировать. И она точно не собиралась служить Азуру ни минутой дольше, чем это будет выгодно ей самой. Но ему то об этом знать совсем не обязательно.

Азур, казалось, колебался. Его сияние то вспыхивало ярче, то тускнело — признак того, что бог размышляет, взвешивает, оценивает.

— Я подумаю, — произнёс он наконец. — Если ты говоришь правду, если твои сведения помогут мне раздавить гадкого еретика, ты получишь свою награду. Я вознесу тебя так высоко, как ты и мечтать не смела. Но знай: если всё же ты лжёшь, если ты попытаешься предать меня или использовать в своих целях... — он не договорил, но в этом не было нужды. Жар, исходивший от аватара, на мгновение стал почти невыносимым, Мираэль почувствовала, как её кожа начинает гореть даже сквозь магическую защиту. Боль была настоящей, не иллюзорной — он хотел, чтобы она запомнила этот момент.

— Я не лгу, — сказала она, выдерживая этот жар с улыбкой, хотя внутри всё кричало от боли. — Я предлагаю тебе союз. Выгодный для нас обоих.

Аватар начал меркнуть, рассеиваться, и через несколько секунд в кабинете снова воцарилась тьма, нарушаемая лишь светом трёх свечей.

Мираэль выдохнула — длинно, с присвистом, как человек, который слишком долго пробыл под водой и наконец вынырнул на поверхность. Она не показывала этого при Азу-

ре, но напряжение последних минут дало о себе знать: спина взмокла так, что платье прилипло к телу, сердце билось где-то в районе горла, а руки, лежавшие на коленях, мелко дрожали. Иллюзия на правой руке едва не развеялась — багровая вена пульсировала так яростно, словно хотела вырваться наружу, показать себя миру. Она поправила маскировку небрежным жестом, восстанавливая совершенную эльфийскую бледность.

Но она, кажется, справилась. Она, смертная полукровка, только что смогла обмануть бога. Нет даже не просто обманула — а использовала его, как пешку на своей доске. И он даже этого не заметил.

«Ты глуп, бог войны», — подумала она, глядя на то место, где только что стоял аватар. На каменном полу остался выжженный след — два отпечатка огромных ступней, от которых ещё поднимался лёгкий дымок. «Ты думаешь, что я стану твоей марионеткой. Что я буду счастлива служить тебе за подачку в виде поста Верховного магистра. Ты думаешь, что я — всего лишь амбициозная женщина, готовая на всё ради власти. И да ты прав. Я амбициозна. Я готова на всё. Он думает, что держит поводок. Но поводок давно в моей руке. Ты ослабишь Лекса. Ты отвлечёшь его. Ты заставишь его истратить силы и ресурсы. А потом, когда вы оба будете лежать на пепелище, когда вам обоим будет уже всё равно, кто победил, — я поднимусь из тени и заберу всё. И никто даже не вспомнит, что когда-то я была всего лишь твоей со-

юзницей».

Она подошла к огромному зеркалу в полный рост, стоявшему у противоположной стены. Серебряная рама была старой, покрытой патиной, но стекло хранило идеальную гладкость и чистоту — результат дорогого зачарования, на которое она не пожалела средств. Мираэль сняла иллюзию.

Это был ритуал. Каждый раз, оставаясь наедине с собой, она делала это — позволяла себе увидеть своё истинное лицо. Не из тщеславия — тщеславиться ей было нечем. Из необходимости. Ей нужно было помнить, кто она такая на самом деле. Потому что, если она забудет, если начнёт верить в собственную ложь, она станет уязвимой. А уязвимость в её положении была равносильна смерти.

Стекло отразило лицо полукровки — с заострёнными чертами и болотной мутью в глазах. Уши были короче, чем у чистокровного эльфа — почти человеческие, — а кожа имела тот неуловимый оттенок, который выдавал смешанную кровь. Некрасивое, Неправильное лицо. Лицо, которое эльфийская аристократия сочла бы сверх оскорблением. Лицо, которое её отец-эльф приказал бы утопить в ведре, если бы знал о его существовании. Лицо, которое она скрывала всю свою жизнь, с того самого дня, как мать-рабыня прошептала ей на ухо: «Никогда не показывай им, кто ты есть. Никогда. Иначе они убьют тебя».

Мать была права. Они убили бы. Но она выжила — стала сильнее их всех.

В глубине зеркала, за её плечом, что-то шевельнулось. Другой силуэт — выше, тоньше, с размытыми чертами, словно сотканный из дыма и багрового света. Силуэт женщины. Силуэт богини. Той, чьё разбитое сердце теперь пульсировало в её руке.

— Ты видела? — прошептала Мираэль, обращаясь к силуэту, в её голосе прозвучало что-то почти детское — гордость, смешанная с возбуждением. — Всё идёт по моему плану. Азур клюнул, как рыба на блесну. Он приведёт свою армию, он ударит по Лексу, они сцепятся, как два пса над костью, и пока они будут рвать друг друга, мы будем ждать. Ждать и копить силы.

Силуэт не ответил. Он лишь качнулся, словно ветка на ветру, багровая вена на руке Мираэль за пульсировала чуть быстрее. То ли в знак согласия, то ли в предвкушении. А может быть, и в том, и в другом.

Мираэль улыбнулась своему отражению — силуэт в зеркале улыбнулся вместе с ней, от этой синхронной улыбки веяло чем-то жутким, потусторонним.

— Ты научила меня прятаться, Нергал, — прошептала она. — Ты, сама того не зная, была моей наставницей. Все эти годы я наблюдала за тобой, за тем, как ты манипулируешь, как ты скрываешь свои истинные цели, как ты наносишь удар тогда, когда никто не ждёт. Ты была богиней тайн, интриг и иллюзий. Ты была моим образцом для подражания, хотя ты никогда об этом не знала. А теперь ты — часть меня.

И я научу тебя тому, чего ты не умела. Я научу тебя тому, что обещала, править. Потому что ты, при всём своём могуществе, так и не научилась этому — ты полагалась на страх, а страх рассеивается, притупляется. Я же полагаюсь на ум. А ум не подводит.

Она провела пальцем по стеклу, и её отражение исказилось, пошло рябью.

— Или хотя бы мстить, — добавила она почти легкомысленно. — Твой убийца — Лекс. Мой враг — тоже он. У нас общая цель. А когда цель общая, разница между богиней и смертной стирается. Мы с тобой, Нергал, две стороны одной монеты. И эта монета упадёт той стороной, какой захотим мы.

Она снова наложила иллюзию — привычным, отработанным до автоматизма жестом. Черты лица смягчились, уши удлинились, кожа приобрела аристократическую бледность. Из зеркала на неё смотрела Леди Мираэль Тенеплета — глава тайной канцелярии Магистериума, женщина, которую боялись даже члены правящего совета. Женщина, которую никто не видел без маски.

— Вот так-то лучше, — сказала она своему отражению, поправляя причёску. — Красота — это тоже страшное оружие. И я намерена использовать его до конца.

Впереди была долгая ночь. Нужно было отправить кое кого на базу Лекса — маленькую, незаметную женщину, которая могла стать тем самым гвоздём, что в нужный момент

пробьёт копыто. Нужно было связаться с оставшимися агентами в Механосе, чтобы подготовить почву для саботажа — пусть Лекс не думает, что город достанется ему легко. Нужно было укрепить оборону Шпиля — не против Лекса, нет, против того, что пробудилось где-то там на севере. Потому что Мираэль не была дурой. Она понимала: даже если Лекс и Азур уничтожат друг друга, это существо — чем бы оно ни было — тем более не остановится. И к тому моменту, когда это дойдёт до Шпиля, у неё должно быть достаточно сил, чтобы либо остановить его, либо... использовать.

Она ещё не решила, что именно.

Мираэль почувствовала его за мгновение до того, как он проявился. Не звук шагов, не скрип двери — просто воздух в углу кабинета стал чуть плотнее, чуть холоднее, и тени там сгустились так, что, казалось, начали жить своей собственной жизнью. Она не обернулась — она знала, что это он.

Она села в кресло, коснулась осколка — теперь уже навсегда вплавленного в её плоть, ставшего частью её тела, как сердце или лёгкие, — закрыла глаза. Где-то там, на севере, пробудилось нечто, чему не было имени в эльфийских летописях. Что-то, что жаждало поглотить всё. Что-то, чей голод она ощущала как свой собственный. И Мираэль, Леди Теней, полукровка, скрывающая своё происхождение, бывшая глава тайной канцелярии, а теперь — тайный союзник Азура, улыбалась в темноте. Потому что она знала: когда боги и герои истребят друг друга, на пепелище останется только она

одна. И она построит новый мир. Свой мир. Мир, в котором не будет места ни людям, ни эльфам, ни богам. Только ей — и тем, кого она сочтёт достойными.

Тени в углах кабинета, казалось, стали гуще. И среди них, едва различимая, но бесспорно присутствующая, стояла фигура в сером балахоне — не человек, не дух, нечто среднее. Она не шевелилась, не говорила. Она просто ждала. Как всегда. Человек в Сером — её верный слуга, её вторая тень, её правая рука. Он был здесь с самого начала, с того момента, как она впервые надела маску. Он знал все её секреты — и поэтому никогда не покинет её живым, если она того пожелает. Но он был очень полезен. А полезные инструменты не выбрасывают.

— Приведи её, — приказала Мираэль, не открывая глаз. — У меня для неё задание. Особое.

— Слушаюсь, госпожа.

Тень исчезла бесшумно, как всегда — просто перестала быть, растворилась в темноте, из которой состояла. Мираэль осталась одна, наедине со своими мыслями и багровым пульсом в запястье, который отсчитывал время до конца всего.

До конца старого мира.

И до начала нового — того, который она создаст сама.

Глава 4. Захват Механоса

Месяц Нарвион — Халдир, 2002 г. Э.С.
Несколько дней после совета
Механос

За некоторое время до того, как Лекс с армией вошёл в Механос, Мать Иллария получила письмо.

Его принёс мальчишка-посыльный — запыхавшийся, перепуганный, с грязным пергаментом в дрожащей руке. Иллария как раз заканчивала утреннюю молитву в маленькой часовне, которую она обустроила в одном из залов базы Лекса, недалеко от почти такой же часовенки Серафимы. Здесь так же пахло свечным воском и сушёными травами, только на алтаре, вырезанном из простого камня, стояла чаша с родниковой водой — символ Лирны. Она была здесь с тех пор, как Лекс принял её и её людей к себе, и за это время успела стать не просто гостьей, а одним из столпов, на которых держался дух сопротивления.

Письмо было от старого друга — настоятеля храма Лирны в Механосе, отца Ардрея. Он писал, что умирает. Что хочет увидеть её перед смертью. У него якобы есть важные сведения, которые он не может доверить бумаге.

Иллария не колебалась ни минуты. Она была верховной жрицей, её долг перед умирающим собратом был превыше всего. Она собралась за час, попрощалась с Серафимой,

оставила наставления своим помощницам и выехала в Механос с небольшим эскортом — тремя сталкерами, которых выделил Клык для безопасности.

Она даже подумать не могла, что отец Ардрей умер за день до того, как письмо было отправлено. И письмо это написал совсем не её друг, а человек Рагнара.

Ворота Механоса закрылись за её спиной с глухим, зловещим стуком. Тяжёлые дубовые створки, окованные железом, сомкнулись, отрезая город от внешнего мира. Иллария обернулась, в её глазах мелькнула тревога. Она уже поняла: что-то не так.

Их ждали. Не у храма — у ворот. Выглядели далеко не почетным караулом или сопровождением. Десяток наёмников Рагнара с арбалетами наизготовку. И даже сам Рагнар — в дорогом плаще, с неизменной самодовольной улыбкой победителя на жирном лице. Он стоял, заложив руки за спину, смотрел на неё так, как смотрят на товар, который только что удачно приобрели.

— Мать Иллария, — произнёс он, его голос сочился притворным радушием, — какая неожиданная радость. А я уж думал, вы совсем забыли о нашем скромном городе, даже знамя гильдии унесли.

— Где отец Ардрей? — спросила она, игнорируя его тон. Её голос внешне был спокоен, но пальцы, сжимавшие посох, побелели от напряжения.

— Отец Ардрей? Ах да, тот старик... Боюсь, он... как бы

это сказать... отошёл в мир иной. — Рагнар изобразил на лице скорбную мину, которая больше напоминала оскал чем сожаление. — Весьма прискорбно. Но вы ведь понимаете, все мы смертны. Кроме богов, разумеется. И тех, кто вовремя делает правильный выбор.

— Это ловушка, — прошептал один из сталкеров, выхватывая меч.

— О, несомненно, какой догадливый солдатик — кивнул Рагнар. — Но вам, господа, не обязательно умирать. Сложите оружие, и я гарантирую вам справедливый суд.

— Справедливый суд? — переспросила Иллария. — С тех пор как ты продался эльфам, Рагнар, в этом городе не осталось справедливости.

— Продался? Какое грубое слово. Я предпочитаю «заключил взаимовыгодное соглашение». Азур собирает армию, дорогая моя жрица. Огромную армию. И когда он придёт сюда — а он придёт, — я хочу, чтобы мой город встретил его с распростёртыми объятиями, а не с глухой обороной. Лекс — смертник. И все, кто идут за ним, — смертники. Я же предпочитаю быть на стороне победителей.

— Ты всегда был трусом, Рагнар. В прошлый раз ты просто сбежал и закрыл ворота. Но теперь ты стал ещё и предателем.

— В прошлый раз я был осторожен. А теперь я стал прагматиком, — поправил он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Взять их.

Наёмники двинулись вперёд. Сталкеры попытались сопротивляться, но силы были далеко не равны. Первого убили сразу — арбалетный болт пробил ему горло, он рухнул на мостовую, захлёбываясь кровью. Двое других бросились вперёд, прикрывая Илларию. Один успел зарубить наёмника, прежде чем его самого пронзили тремя клинками одновременно. Второй дрался до последнего — даже когда ему отрубили руку, он продолжал биться, пока следующий болт не пробил ему грудь.

Илларию схватили за руки. Рагнар подошёл к ней вплотную, заглянул в глаза.

— Ты могла бы быть на моей стороне, — сказал он почти ласково. — Ты умная женщина. Ты понимаешь, что Лекс обречён. Почему ты выбрала его?

— Потому что он дал людям надежду. А ты — только страх.

— Надежда не спасёт тебя от ямы, — усмехнулся Рагнар. — Бросьте её в долговую. Пусть подумает о своём выборе. В темноте и холоде.

Илларию потащили прочь. Она не кричала, не вырывалась. Она шла, высоко подняв голову, и её губы шептали молитву. И те, кто видел это — стражники, случайные прохожие, — отводили глаза. Потому что смотреть на то, как бросают в яму женщину, которая лечила их детей, было невыносимо.

Через час храм Лирны опечатали. Ещё через час по горо-

ду поползли слухи: Рагнар объявил Лирну врагом Механоса. Её жриц хватали на улицах, её символы срывали со стен. Город, который когда-то гордился своей свободой, становился тюрьмой.

Лекс узнал об этом на рассвете, когда холод ещё не отступил от камней, а небо над горами только начинало сереть. Он стоял в командном центре, склонившись над картой, когда дверь распахнулась, в комнату ввалился Зиг.

Гоблин выглядел так, словно пробежал без остановки от самого Механоса. Его одежда промокла от пота, дыхание с хрипом вырывалось из груди, а в глазах горела злая, отчаянная решимость.

— Закрыл! — выпалил он, хватая ртом воздух. — Ворота закрыл, гад! Всех, кого успел, кто за вас, — в яму! Илларию тоже, одну из первых!

Лекс медленно выпрямился. Клык, стоявший у стены, перестал точить нож. Шило, дремавший в углу, открыл глаза. Тишина стала такой плотной, что, казалось, её можно потрогать.

— Рагнар? — спросил Лекс. Голос его прозвучал ровно, даже спокойно, но те, кто знал его, понимали: это спокойствие хуже любого крика.

— Он! — Зиг сплюнул на пол. — Помнишь, что он выкинул в прошлый раз? Тогда он отдал наемников баронам и просто сбежал, закрыв ворота, трус поганый. А теперь — всё. Окончательно продался эльфам. Золото взял, сволочь.

Много золота. Я сам видел — ящик в его кабинете, полный кристаллов. Сказал, город нейтральный, а сам уже договорился с ушастыми. Их патрули уже у южных ворот!

Зиг замолчал, переводя дыхание. Потом добавил, уже тише:

— Илларию прямо с дороги взяли. Она ехала к умирающему другу, а попала в лапы к Рагнару. Он её в долговую яму бросил. Люди напуганы. Многие не знают, на чью сторону встать.

— А что говорят сами люди? — спросил Клык.

— Люди? — Зиг скривился. — Люди разделились. Половина хочет драться. Половина боится. Кто-то уже собирает вещи, чтобы бежать в горы. А кто-то шепчет, что, может, Рагнар прав. Может, и правда лучше сдаться эльфам, чем умирать за Лекса.

Клык выругался сквозь зубы. Лекс молчал. Его пальцы, лежавшие на карте, медленно сжались в кулак. Он думал о Рагнаре — человеке, которого он когда-то считал союзником. Человеке, который уже однажды предал их, просто сбежав и закрыв ворота. И вот теперь — снова. Окончательно. Бесповоротно. Он не просто предал — он продал город эльфам за золото и обещания.

— Поднимай отряд, — сказал он Клыку. — Всех кроме охранения и патрулей крепости. Мы выступаем немедленно.

Через два часа отряд был готов. Они собрались у входа в старый гоблинский туннель — тот самый, что вёл в самое

сердце Механоса, в обход всех стен и всех постов. Лекс оглядел своих людей.

Клык — глава сталкеров, человек без возраста и без иллюзий. Его лицо, покрытое шрамами, было спокойным, но вот в глазах горел холодный, расчётливый огонь. Он проверял снаряжение — метательные ножи, кристаллы-связки, запасной глушитель. Каждое движение было точным, выверенным, как у хирурга перед операцией.

Рядом с ним — Шило. Правая рука Клыка, шутник и балагур, чьи шутки сегодня исчезли без следа. Он молча точил свой меч, и звук стали о камень был единственным, что нарушало тишину. Его обычная ухмылка исчезла, сменившись жёсткой, напряжённой линией рта. Он думал о Матери Илларии, которая когда-то спасла ему жизнь, выходив его после ранения. Долг платежом красен.

Грук — вождь орков, огромный, как скала. Его воины, числом около тридцати, стояли за его спиной — молчаливые, угрюмые, сжимающие топоры и дубины. Они не очень любили подземелья, но они очень любили хороший бой. А сегодня этого будет много. Грук лично проверил каждого воина, осмотрел их оружие, дал последние наставления. Он знал, что некоторые из них не вернутся, но это была цена, которую орки платили с особой гордостью. Каждый из его воинов стоил троих, а то и четверых людей.

Зиг со своими гоблинами — пятёркой юрких, остроглазых существ, каждый из которых знал туннели лучше, чем

собственную ладонь. Они тихо переговаривались на своём щёлкающем языке, размахивая руками и показывая куда-то в темноту. Зиг лично отвечал за маршрут. Он знал, что если они заблудятся, то погибнут, даже не добравшись до города.

Писк — маленький дроид-разведчик, которого Грым отправил с отрядом, — жужжал у плеча Лекса. Его линза вращалась, сканируя проход, и время от времени он издавал короткие, тревожные сигналы. Он был их глазами и ушами в темноте.

И, наконец, Айрин.

Она вышла проводить его. Живот под платьем был уже заметен, но держалась она прямо, как всегда.

— Ты готова? — спросил Лекс.

— Я должна спросить это у тебя. — Она положила руку ему на плечо. — Механос — это только начало. После него — Шпиль, потом — боги. Ты уверен, что хочешь идти этим путём?

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда. Ты просто выбрал этот.

Он помолчал, потом кивнул.

— Я вернусь. Обещаю.

— Ты всегда возвращаешься. — Она улыбнулась, но в глазах стояли слёзы. — Иди. И пусть Кователь хранит тебя.

Он поцеловал её — коротко, крепко, — шагнул в темноту туннеля следом за отрядом.

Подземный ход был старым. Очень старым. Зиг говорил,

что его прорыли ещё до основания Механоса — то ли гоблины, то ли кто-то похуже. Стены здесь были грубыми, неровными, со следами кирок или когтей, а воздух — спёртым и влажным, пропитанным запахом плесени и ещё чего-то, о чём лучше было не думать. Каменные своды давили сверху, и даже гоблины, привыкшие к тесноте подземелий, чувствовали себя далеко неуютно.

Отряд двигался почти в полной тишине, нарушаемой только стуком капель и редким шорохом осыпающейся породы, а также шорохом ног. Зиг шёл впереди, его глаза светились в темноте слабым желтоватым светом — природная особенность гоблинов, позволявшая им видеть в кромешной тьме. Он знал каждый поворот, каждый завал, каждую ловушку. Время от времени он останавливался, принюхивался, проводил рукой по стене сверяясь и только потом давал знак идти дальше.

За ним шёл Грук. Орк пригнулся, чтобы не задеть свод головой, и изредка ворчал что-то насчёт «крысиных нор». Его воины шли следом, цепочкой, держа оружие наготове. Они не боялись темноты — они боялись только одного: что враг окажется слишком слабым. И им не хватит на всех.

Клык, Шило и их сталкеры замыкали колонну. Сталкеры двигались бесшумно, привычно сканируя пространство. Они провели в таких туннелях больше времени, чем хотели бы помнить, и знали: опасность может быть за каждым углом, прийти откуда угодно. Сверху, снизу, из боковых проходов,

о которых даже Зиг мог не знать.

Лекс шёл в середине всего отряда. Писк жужжал на его плече иногда соскакивая и убегая к Зигу что бы предупредить об опасности. И его сигналы становились всё чаще по мере приближения к городу.

— Об..нару..жена ло..ву..шка, — сообщил Писк, останавливаясь перед грудой камней. Его линза замерцала красным. — На..жим..ная пли..та. Акт..иви..рует об..вал. Вес ак..тив..ации — от три..дца..ти кил..огр..ам..мов.

— Обойдём, — сказал Зиг, указывая на боковой проход. — Здесь. Узко, но пролезть должны.

Они свернули. Туннель стал ещё уже, и Груку пришлось протискиваться боком, ругаясь сквозь зубы на своём гортанном языке.

— Когда выберемся, — прорычал он, — я лично сверну шею этому Рагнару.

— В очередь, — отозвался Шило. — У меня там должок. Три серебряных.

— Ты готов убить человека за три серебряных? — хмыкнул Клык.

— Я готов убить человека за то, что он предал нас. Серебро — приятный бонус.

По колонне пробежал тихий смешок. Короткий, нервный — но это был смех. И в этом смехе была уверенность в своей правоте.

Через час они услышали звук. Далеко впереди, едва раз-

личимый, но неуклонно нарастающий — гул. Гул города, который жил своей жизнью, не подозревая, что его судьба уже решена.

— Пришли, — прошептал Зиг. — Дальше — как можно тише.

Они вышли в Нижнем городе уже глубокой ночью.

Туннель заканчивался в подвале старого склада, заброшенного ещё до войны. Зиг отодвинул ржавую решётку, служившую лишь ширмой. Отряд выбрался наружу — в лабиринт узких улочек, заваленных мусором и хламом. Здесь пахло гнилью, дымом и чем-то ещё — тем особым запахом, который бывает только в трущобах больших городов. Запахом бедности, страха и отчаяния.

Нижний город никогда не был красивым. Но сегодня он выглядел особенно мрачно. Улицы были пусты, окна закрыты ставнями, и только редкие фигуры теней скользили в темноте, избегая даже лунного света. Где-то вдалеке слышались крики — то ли пьяная драка, то ли что-то похуже. Где-то плакал ребёнок, да лаяла собака и тут же замолкла, словно её резко заткнули.

Клык поднял руку, приказывая остановиться. Он прислушался — его обострённые чувства, выработанные годами выживания в руинах, сканировали пространство не хуже, чем сенсоры Писка.

— Чисто, — сказал он наконец. — Они не ждут нас здесь. Слишком уверены в своих стенах и количестве.

— Их ошибка, — ответил Лекс.

Они разделились. Так было решено заранее: Клык и Шило пойдут по знакомым трущобам поднимать верных людей, Грук с орками ударит по Гильдии с фронта, а Зиг с гоблинами обеспечит связь и отход. Лекс оставался в центре, координируя действия через Писка.

— Помните, — сказал он, прежде чем они разошлись, — мы не каратели. Мы освободители. Те, кто сдастся без боя, не должны пострадать. Но те, кто окажет сопротивление...

Он не закончил. В этом не было нужды.

Клык и Шило шли от дома к дому, от подвала к подвалу, стуча в двери условным стуком — два быстрых, пауза, три медленных. И редко когда двери оставались закрытыми. Двери намного чаще открывались. И сталкеры, ремесленники, бедняки — все, кто помнил, что такое свобода, и кто не хотел возвращения эльфийского ярма. Все они выходили с оружием — старым, ржавым, но готовым к бою. Они выходили молча, их глаза горели той же холодной решимостью, что и у Клыка.

Но к сожалению не все были рады им. В одном из переулков Клыка остановил старый торговец — седой, сгорбленный, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дерева. В его глазах плескался страх, смешанный с обречённостью.

— Вы зря пришли, — прошептал он, озираясь по сторонам, словно боялся, что его подслушают. — Рагнар говорит,

Азур скоро будет здесь. Если мы поддержим Лекса, бог войны сожжёт город дотла. Моя дочь... у неё дети. Двое мальчиков. Я не хочу, чтобы они погибли из-за вашей войны.

Клык посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Он видел этого старика раньше — на рынке, кажется. Тот продавал ткани и всегда давал скидку сталкерам. Не из страха — из уважения.

— Твоя дочь и её дети уже погибли, — сказал Клык. Голос его прозвучал жёстко, но в нём не было злобы. — В тот день, когда ты решил, что лучше жить на коленях, чем умереть стоя. Но если ты хочешь, чтобы у них был шанс, — дай нам пройти. И не мешай.

— Ты не понимаешь, — прошептал торговец. — Рагнар обещал защиту. Он сказал, что, если мы не будем вмешиваться, он договорится с Азуром. Наш город останется нейтральным. Мы выживем.

— Выживете? — Шило шагнул вперёд, его глаза сузились. — Ты думаешь, эльфы оставят вас в покое? Ты думаешь, им нужны нейтральные города? Они превратят вас в рабов. Твою дочь — в наложницу, твоих внуков — на Кристаллические поля. А ты будешь стоять и смотреть, как они умирают, и говорить себе: «Я сделал это, чтобы выжить».

Торговец отшатнулся, прижался к стене. Его губы дрожали.

— Я не воин, — прошептал он. — Я просто хочу, чтобы всё закончилось.

— Всё закончится, когда мы победим, — сказал Клык. — Или, когда умрём. Третьего увы не дано.

Торговец опустил глаза, медленно отошёл в сторону, освобождая проход. сталкеры прошли мимо, через мгновение старик растворился в темноте, словно его и не было.

Таких разговоров было много. В каждой подворотне, в каждом подвале находились те, кто боялся. Кто устал. Кто хотел просто жить, а не умирать за чужие идеалы. И Клык их не винил. Он сам когда-то был таким — до того, как потерял всё что имел. Но он знал: если они сейчас отступят, то потеряют не только город. Они потеряют себя.

Через час в Нижнем городе собралась армия. Нет конечно не регулярная, не обученная, но готовая драться насмерть. Около двух сотен человек — мужчины и женщины, старики и подростки. У кого-то был меч, у кого-то — топор, у кого-то — просто дубина с вбитыми в неё гвоздями. Но у каждого в глазах горел огонь. Огонь, который не могли погасить ни страх, ни сомнения.

Грук не стал ждать сигнала.

Он и его орки вышли из переулка, когда луна скрылась за тучами и город погрузился в почти полную темноту. Здание Гильдии торговцев возвышалось перед ними — массивное, каменное, с узкими окнами-бойницами и тяжёлыми дубовыми воротами. Когда-то это был символ богатства и процветания Механоса. Теперь — символ предательства.

У ворот стояла стража — полтора десятка наёмников в

лёгких доспехах. Они топтались у жаровни, грея руки, и тихо переговаривались. Они не ожидали атаки. Они вообще ничего не ожидали в эту ночь.

Грук вышел из темноты первым. Его топор — огромный, двуручный, с лезвием, способным разрубить человека пополам, — сверкнул в свете факелов. Он не кричал. Он не издавал боевого клича. Он просто шёл, и каждый его шаг был тяжёлым, как удар молота. Земля дрожала под его ногами.

Наёмники заметили его, когда он был уже в десяти шагах. Кто-то закричал, кто-то выхватил меч, кто-то попытался поднять арбалет. Слишком поздно.

Первый удар — и голова ближайшего стражника покатилась по мостовой, разбрызгивая кровь. Второй удар — и ещё один наёмник рухнул с проломленной грудной клеткой, его щит разлетелся в щепки. Третий попытался ударить Грука в спину, но орк, не оборачиваясь, ударил локтем назад, и нападавший отлетел к стене, хрустнув костями.

Орки же не стали скрываться с рёвом вырвались из темноты — три десятка воинов, каждый из которых стоил пятерых. Они крушили всё на своём пути, их топоры и дубины превращали людей в кровавый фарш. Это была не битва. Это была бойня.

Стража Гильдии пыталась, конечно, оказать сопротивление — кто-то выхватил меч, кто-то попытался закрыть ворота изнутри. Но орки были быстрее, сильнее, и намного злее. Они прорубались сквозь ряды наёмников, как горячий нож

сквозь масло, оставляя за собой только трупы и лужи крови, черневшие в лунном свете.

Грук лично выбил ворота одним ударом ноги. Тяжёлые дубовые створки, которые должны были выдержать удар тарана, разлетелись в щепки, словно были сделаны из соломы. Орк даже не замедлился. Он просто прошёл сквозь них, как проходят сквозь паутину.

Во внутреннем дворе их встретили арбалетчики — десяток стрелков, занявших позиции на балконах второго этажа. Первый залп сразил двух орков — болты вошли глубоко, пробив доспехи из толстой кожи. Один из них, молодой воин, рухнул на колени, захлёбываясь кровью, но даже умирая, он метнул свой топор в стрелявшего, топор раскроил наёмнику череп.

Второй залп — ещё один орк пал, пронзённый тремя болтами сразу. Грук взревел, его ярость была такой, что стены, казалось, задрожали. Он бросился на стрелков, даже не пытаясь уклоняться. Одна стрела чиркнула его по плечу, оставив кровавую борозду. Вторая вонзилась в бедро — глубоко, почти до кости. Он даже не заметил. Он добежал до лестницы, взлетел наверх, и через несколько мгновений с балкона посыпались тела. Орк крушил арбалетчиков голыми руками — ломал им шеи, швырял на каменный пол, разбивал головы о стены. Его рёв эхом разносился по всей Гильдии.

— Кровь! — ревел он, и его голос был подобен грому. — Дайте мне больше крови!

Наёмники дрогнули. Они видели, как их товарищи падают один за другим, и понимали: им не победить эту зеленую напасть. Они начали отступать, бросая оружие, умоляя о пощаде. Некоторые падали на колени, закрывая головы руками. Другие просто бежали, уже не разбирая дороги.

Лекс, наблюдавший за штурмом через Писка, отдал приказ прекратить резню. Грук, скрепя сердце, остановил своих воинов. Орки подчинились — неохотно, с ворчанием, но подчинились. Они уважали Лекса. И этого уважения было достаточно.

— Двор зачищен, — доложил Писк. — Внутренние помещения — сопротивление минимальное. Обнаружена активность в кабинете главы Гильдии. Вероятно, цель пытается скрыться.

— Шило уже там, — ответил Лекс.

Рагнар попытался бежать. А как тут не побежать, когда вся твоя подготовка летит к чертям.

Он знал, что игра окончена, в тот самый момент, когда услышал крики и звон оружия во дворе. Он не был воином — он был торгашом да хитрым, изворотливым, но всё же торгашом, его единственным оружием были деньги и ложь. Но сейчас ни то, ни другое никак не могло ему помочь.

Он бросился в свой кабинет, сорвал со стены ключ от тайного хода, спрятанный за портретом основателя Гильдии, открыл потайную дверь. За ней был узкий, тёмный коридор, ведущий к старому водостоку. Этот ход как он был уверен,

знали только трое: он сам, его предшественник и архитектор, которого он предусмотрительно отравил сразу после завершения строительства.

Он бежал, спотыкаясь в темноте, прижимая к груди мешок с кристаллами — самыми крупными, самыми ценными, какие только были в его сокровищнице. Он уже представлял, как доберётся до порта, наймёт корабль, уплывёт на юг, в эльфийские земли, где его примут с распростёртыми объятиями. У него было золото. У него были связи. У него было всё.

Кроме одного.

У выхода из водостока, прислонившись к сырой стене и лениво поигрывая ножом, его уже ждал Шило. Лунный свет падал на его лицо, и в этом свете его ухмылка казалась особенно зловещей.

— Далеко собрался, торгаш? — спросил он, его голос был почти дружелюбным. Почти.

Рагнар замер. Мешок выпал из его рук, кристаллы рассыпались по грязному полу, засверкав в лунном свете, пробивавшемся сквозь решётку. Их блеск был, оскорбительно красив — как насмешка над всем происходящим.

— Я... я могу заплатить, — пробормотал Рагнар, пятясь. — Много заплатить. Больше, чем ты когда-либо видел. Больше, чем ты можешь представить. Золото, кристаллы, земли — всё, что захочешь! Я сделаю тебя богатым! Самым богатым человеком в Механосе!

Шило шагнул к нему. Его нож всё так же лениво вращался в пальцах — привычный, почти ласковый жест.

— Знаешь, что меня в тебе бесит больше всего? — спросил он, его голос стал тихим, почти интимным. — Не то, что ты предал нас. Не то, что ты продался эльфам. Даже не то, что ты бросил Илларию в яму. Меня бесит, что ты думал, будто это сойдёт тебе с рук. Что ты, жалкий торгаш, можешь обмануть людей, которые прошли через ад, и они ничего не заметят и ничем не ответят. Ты что серьёзно?

— Я не... я не хотел...

— Заткнись падаль.

Рагнар заткнулся как велели. Его зубы стучали, как в лихорадке.

Шило сделал ещё шаг. Теперь он стоял вплотную к предателю, его глаза — холодные, как лёд, — смотрели прямо в душу. Рагнар чувствовал его дыхание, чувствовал запах стали и пота, и этот запах был для него пострашнее любых угроз.

— Ты предал не того человека, — сказал Шило. — И сейчас ты сам в этом убедишься.

Удар был молниеносным. Кулак Шило врезался в челюсть Рагнара с такой силой, что тот отлетел к стене, ударился головой о камень и сполз на пол, потеряв сознание. Кровь потекла из разбитой губы, смешиваясь с грязью на полу.

Шило посмотрел на него, потом наклонился, подобрал с пола один из кристаллов, повертел в пальцах. Кристалл был чистым, истинным не с полей, а еще крупным, размером с

грецкий орех — такой стоил не три серебряных, а все три золотых, если не больше.

— Это, — сказал он, обращаясь к бесчувственному телу, — покроет твой долг. Три серебряных. С процентами.

Он взвалил Рагнара на плечо — тот был еще тяжелее, чем выглядел, — пошёл обратно, насвистывая старую сталкерскую мелодию.

Утро встретило Механос тишиной.

Не той тишиной, что назревает перед бурей, и не той, что наступает после резни. Это была тишина ожидания. Площадь перед Гильдией была заполнена людьми — сталкерами, ремесленниками, бедняками из Нижнего города, торговцами из Верхнего. Все они пришли, потому что слышали: сегодня будет суд.

Лекс стоял на возвышении, где обычно зачитывали указы Гильдии. Рядом с ним — Клык и Шило, Грук с перевязанным плечом, Зиг с неизменной хитрой ухмылкой. И Мать Иллария, которую Лекс лично вывел из долговой ямы всего час назад.

Когда он спустился в яму, его встретила тьма. Не та тьма, что бывает в туннелях — к ней он уже привык. Это была тьма отчаяния, тьма безнадёжности, тьма, которая душила даже сильнее, чем отсутствие света. В этой тьме сидели люди — десятки людей, брошенных сюда за то, что они посмели поддерживать Лекса. Худые, грязные, измученные. Некоторые не могли стоять. Некоторые уже не дышали.

Илларию он нашёл в дальнем углу. Она сидела, прислонившись к стене, и её губы шептали молитву — ту самую, которую она читала каждое утро в своей часовне. Даже здесь, в грязи и темноте, она не перестала верить.

Когда Лекс протянул ей руку, она подняла на него глаза. Её лицо было осунувшимся, под глазами залегли тени, но в этих глазах горел тот же огонь, что и всегда.

— Ты пришёл, — прошептала она, в её голосе было столько облегчения, что у Лекса сжалось сердце.

— Я не бросаю своих, — ответил он.

— Я знаю. — Она улыбнулась, эта улыбка была прекраснее любого рассвета. — Я знала, что ты придёшь.

Он помог ей подняться. Она была слаба — слишком слаба, чтобы идти самой, — он почти нёс её на руках, поднимаясь по лестнице, ведущей из ямы наверх, к свету. Когда они вышли на поверхность, толпа ахнула. Многие здесь знали её — женщину, которая лечила их детей, которая молилась за их души, которая никогда не отказывала в помощи. И то, что Рагнар сделал с ней, вызывало не просто гнев — вызывало ярость.

Теперь она сидела рядом с Лексом на возвышении, и толпа смотрела на неё с обожанием, смешанным со стыдом. Стыдом за то, что они позволили всему этому случиться.

Рагнара вывели вперёд. Его руки были связаны за спиной, на лице красовался огромный синяк, а некогда роскошная одежда превратилась в рваньё. Он выглядел жалко. Именно

так, как должен выглядеть предатель перед лицом тех, кого он предал.

Толпа загудела. Кто-то крикнул: «Смерть ему!» Кто-то бросил в Рагнара гнилым яблоком — оно попало ему в плечо и разлетелось ошмётками. Кто-то плюнул в его сторону. Торговец, стоявший в первых рядах, — тот самый старик, которого Клык встретил ночью, — молча смотрел на Рагнара, в его глазах не было ненависти, а чистое презрение. Он больше не боялся. Он видел, что Рагнар — всего лишь обычный человек. Слабый, жалкий, трусливый человек.

— Рагнар, — начал Лекс, его голос разнёсся над площадью, отражаясь от каменных стен, — тебя обвиняют в предательстве. Ты закрыл ворота города перед теми, кто защищал его. Ты арестовал невинных. Ты продался эльфам. Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Рагнар поднял голову. В его глазах горел страх — животный, липкий, — но он всё ещё пытался сохранить остатки своего достоинства. Он обвёл взглядом толпу, словно искал хоть одно сочувствующее лицо. Не нашёл.

— Я спасал город! — выкрикнул он, и его голос сорвался на фальцет. — Азур собирает армию! Если бы я не закрыл ворота, он раздавил бы нас всех! Я думал только о людях! Я думал о вас!

— Ты думал о себе и своей шкуре, — перебил его Лекс. Голос его был спокоен, но в нём звенела сталь. — Ты думал о своём золоте. О своих кристаллах. О своей власти. Ты предал

их. — Он указал на толпу. — Ты предал её, ту кого уважал и любил весь город. — Он указал на Мать Илларию, и его рука на мгновение задержалась в воздухе. — Ты предал всех, кто тебе доверял.

Он сделал паузу. Тишина стала такой плотной, что было слышно, как бьётся сердце Рагнара — быстро, неровно, испуганно.

— В прошлый раз ты просто сбежал, — продолжил Лекс. — Закрыл ворота и надеялся, что мы не вернёмся. Но мы вернулись. И теперь ты ответишь за всё.

Он кивнул Клыку. Тот шагнул вперёд, выхватил тесак — свой любимый, с узким лезвием и костяной рукоятью, — и одним точным движением перерезал верёвки на запястьях Рагнара.

Тот непонимающе уставился на свои руки. Толпа замерла.

— Ты умрёшь быстро, — сказал Лекс. — Не потому, что ты этого заслуживаешь. А потому, что мы всё же не звери.

Клык развернул Рагнара лицом к толпе. Тот стоял, ничего не понимая, трясясь от страха. Его губы шевелились, но не издавали ни звука.

— На колени, — приказал Клык.

Рагнар не двинулся. Тогда Грук, стоявший рядом, одним движением своей огромной лапы толкнул его в спину, предатель рухнул на колени, ударившись о камни так, что хрустнули коленные чашечки. Он вскрикнул от боли.

Лекс подошёл к нему, встал рядом. Толпа затаила дыха-

ние.

— Смотри на них, — сказал Лекс, указывая на людей. — Смотри на тех, кого ты предал. Запомни их лица. Потому что это — последнее, что ты увидишь.

Рагнар всхлипнул. Он хотел что-то сказать — может быть, попросить прощения, может быть, проклясть, — но из горла вырвался только сдавленный хрип. Его глаза бегали по толпе, ища хоть каплю сочувствия. Но находили только ненависть. И презрение. А также облегчение — облегчение от того, что всё наконец то закончилось.

Клык занёс тесак. Лезвие сверкнуло в утреннем свете, поймав луч восходящего солнца.

— Нет! — закричал Рагнар. — Помилуйте! Я...

Нож опустился. Крик оборвался на полу слове. Хоть это было ой как не просто ножом хоть и таким большим отрубить голову, но ему удалось.

Голова Рагнара упала на камни, покатилась, оставляя за собой кровавый след. Тело рухнуло следом, дёрнулось раз, другой — и совсем затихло.

Над площадью повисла тишина. Толпа молчала, переваривая произошедшее. А потом всё же кто-то — кажется, старый сталкер с седой бородой и шрамами на лице — поднял кулак, прокричал:

— Свобода!

И вот тогда толпа уже взорвалась. Крики, слёзы, смех — всё смешалось в единый гул, который разнёсся над городом,

над горами, над миром. Люди обнимались, плакали, кричали. Свобода. Это слово, которое они шептали в подвалах и на шахтах, теперь звучало в полный голос.

Но не все кричали и радовались.

В задних рядах, у стены, стояла группа горожан — ремесленники, лавочники, несколько женщин с детьми. Они молча смотрели на казнь, и в их глазах был только страх.

— Это не свобода, — прошептала одна из женщин, прижимая к себе ребёнка. — Это новая война. Он убил его. Просто взял и убил.

— Тише, — оборвал её муж. — Они победили. Теперь они — власть. Не привлекай внимания.

Женщина замолчала, но её глаза всё так же продолжали смотреть на Лекса с немым укором. Она не видела героя. Она видела человека, который только что убил другого человека. Она боялась. Боялась за своих детей. Боялась за своё будущее.

Лекс заметил её взгляд. Он выделил её из толпы — не потому, что она была особенной, а потому, что её лицо было единственным, не искажённым радостью. Совсем наоборот. И тогда на мгновение что-то дрогнуло в нём. Он хотел подойти к ней, сказать что-то, объяснить. Но что он мог ей сказать? Что смерть Рагнара была необходимой? Что это было правосудие, а не убийство? Она бы всё равно не поняла. И он её не винил.

Мать Иллария, заметив его колебания, положила руку ему

на плечо.

— Не все поймут, — тихо сказала она. — Не все примут. Но ты сделал то, что должен был. А остальное... остальное придёт со временем. Или же не придёт. Это не важно. Важно, что ты дал им шанс.

— Шанс на что? — спросил Лекс, не отрывая взгляда от женщины с ребёнком.

— Шанс выбрать. Шанс жить без страха. Шанс быть свободными. Даже если они этого ещё не понимают.

Лекс кивнул. Потом повернулся к толпе и поднял руку. Крики стихли.

— С сегодняшнего дня Механос — свободный город, — сказал он. — Здесь не будет ни эльфийских наместников, ни продажных торгашей, ни чужих законов. Вы сами будете решать свою судьбу. Через Совет, который вы выберете. Сами.

Толпа снова взорвалась криками. Но на этот раз Лекс не слушал. Он смотрел на женщину с ребёнком. И видел, как она медленно, нерешительно, но всё же поднимает руку вместе со всеми.

Уже к вечеру Механос начал оживать.

Клык и Шило как изначальные жители этого города взяли на себя организацию обороны. Они расставили посты, укрепили ворота — те, что остались после штурма, — распределили боеприпасы. Сталкеры, знавшие город как свои пять пальцев, стали его глазами и ушами. Никто не мог войти или выйти незамеченным. Клык лично обошёл все посты, прове-

рил каждую позицию, дал последние инструкции. Он знал: эльфы обязательно вернутся. И когда они вернутся, город должен быть к этому готов.

Грук со своими орками взялся за патрулирование улиц. Его воины, ещё вчера бывшие врагами, теперь ходили по городу как хозяева, и никто не смел им перечить. Впрочем, они не злоупотребляли властью — Лекс чётко дал понять, что мародёрство и насилие будут караться так же, как предательство. Грук лично свернул шею одному из своих воинов, который попытался ограбить лавку. Видите ли ему понравился запах оттуда. А он по праву сильного. Потому и пришлось. Это послужило уроком для всех остальных.

Мать Иллария занялась тем, что получалось у неё лучше всего, лазаретом. Раненых было много — и среди горожан, и среди нападавших. Она лечила всех без разбора, потому что для Лирны не было своих и чужих. Её храм, разорённый Рагнаром, снова открыл двери. И люди потянулись туда — за помощью, за советом, за надеждой.

Лекс стоял на балконе Гильдии и смотрел на город. Заходящее солнце окрашивало крыши в золотой цвет, и в этом свете Механос казался почти красивым. Почти мирным.

Рядом с ним стояла Мать Иллария. Она тоже смотрела на город, и в её глазах отражалось закатное небо.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь — война, — ответил Лекс. — Настоящая война. Не с торгашами и предателями. С богами. С Пустотой. Со

всем, что пытается уничтожить этот мир.

— Ты боишься?

— До ужаса.

Она помолчала, потом положила руку ему на плечо.

— Страх — это не слабость, Лекс. Слабость — это когда страх мешает тебе действовать. А ты действуешь. Ты всегда действуешь.

Он не ответил. Он просто смотрел на город и думал о том, что ждёт их впереди. Шпиль. Боги. Пустота. Бесконечная череда битв, в которых они могут и не победить.

Но сегодня они одолели врага. И ради этого стоило жить.

Через несколько дней ночью, когда город уже спал, Лекс спустился в кузницу. Здесь было жарко, дымно и шумно — молоты стучали без остановки, и Кор-Дум, старый дворф, прибывший из крепости, лично руководил работой. Его перевязанная рука всё ещё висела на перевязи, но он двигался так, словно не замечал боли.

— Мы получили доступ к складам Гильдии, — сказал он, не отрываясь от работы. — Металла очень много. Кристаллов — ещё больше. Рагнар, чтоб ему в Бездне гнить, запасы делал на случай осады. Не помогло. Через неделю у тебя будет первая партия глушителей. А через две — импульсные винтовки.

— У нас нет двух недель, — ответил Лекс.

— У нас никогда нет времени. Но мы делаем то, что можем. — Кор-Дум наконец поднял голову и посмотрел на Лек-

са. — Ты сделал хорошее дело сегодня, парень. Не каждый смог бы так быстро и чисто взять город.

— Это не я. Это они. — Лекс кивнул в сторону двери, за которой спали его люди. — Клык, Шило, Грук, Зиг. Даже Писк. Без них ничего бы не вышло.

Кор-Дум хмыкнул.

— Знаешь, что отличает хорошего лидера от плохого? Плохой говорит: «Я сделал это». Хороший говорит: «Они сделали это». Ты — хороший лидер, Лекс. Не забывай об этом.

Лекс не ответил. Он просто стоял и смотрел, как молоты опускаются на раскалённый металл, высекая снопы искр. Каждый удар приближал их к следующей битве. Каждый удар давал им шанс выжить.

Скоро, они выступали на Стальной Шпиль. Откуда всё началось и, к сожалению, всё это там не закончится.

Но сегодня они ещё праздновали свою победу. И это было правильно. Потому что завтра могло не наступить. А сегодня — было. И они прожили его достойно.

На рассвете Лекс стоял у ворот Механоса. Город за его спиной просыпался, и впервые за долгое время это пробуждение не сопровождалось страхом. Люди выходили на улицы, открывали лавки, здоровались друг с другом, обнимались. Жизнь продолжалась.

К нему подошёл Клык. Он выглядел уставшим, но крайне довольным.

— Разведка доложила: эльфы отступили. Они не ожидали, что мы так быстро возьмём город.

— Они вернутся.

— Конечно, вернутся. Но теперь у нас есть стены. И есть люди. Много людей. Рагнар думал, что запугал их, но он ошибся. Сегодня ночью к нам присоединились ещё три сотни добровольцев. И это не предел.

Лекс кивнул. Потом повернулся к Клыку.

— Ты хорошо поработал. Все вы хорошо поработали.

— Это наша работа. — Клык пожал плечами. — Мы сталкеры. Мы выживаем.

— Вы — не просто сталкеры. Вы — мои друзья.

Клык не ответил. Он просто хлопнул Лекса по плечу и пошёл обратно в город.

Лекс остался один. Он смотрел на дорогу, уходящую в горы, и думал о том, что ждёт их впереди. Шпиль. Боги. Пустота. Но теперь у него была опора Механос. У него была армия. У него была надежда и уверенность его людей.

И он очень хорошо знал, что делать дальше.

Глава 5. Кузницы не спят

Месяц Халдир — Дурин, 2002 г. Э.С. Механос, кузнечные цеха

Кор-Дум прибыл в Механос ещё за день до казни Рагнара.

Он въехал в город на старой телеге, запряжённой парой низкорослых горных пони. Те недовольно фыркали и опасливо косили глазами на суетящихся вокруг людей. Рядом с ним сидел Грым, а в повозке, укрытые промасленной тканью, лежали самые драгоценные для дворфа вещи — инструменты: молоты, клещи, зубила, свёрла, несколько заготовок для будущих глушителей и, самое ценное, несколько небольших слитков звёздного железа размером с кулак.

Кор-Дум не стал ждать, пока кто-то его встретит. Он спрыгнул с телеги, поморщился от боли в плече — старая рана, полученная ещё при осаде убежища, давала о себе знать при каждом резком движении, — огляделся и направился прямиком к зданию бывшей Гильдии торговцев. Вернее, к тому, что находилось под ним — к старым дворфийским кузницам, вырубленным в скальной породе ещё до того, как Механос стал городом людей. И эта гильдия использовала их сугубо в личных целях.

— Эй, старый! — окликнул его Клык, стоявший у входа в Гильдию. — Ты бы хоть отдохнул с дороги. Выпил бы эля,

закусил. У нас теперь есть нормальный эль, не то что гоблины в убежище поставляют.

Пока они переговаривались, Писк, перебирая лапками, наконец встретился с хозяином, радостно попискивая и мигая зелёным единственным глазом.

— Эль подождёт, — отрезал Кор-Дум. — Где кузницы?

Клык молча указал вниз. Кор-Дум кивнул и, не говоря больше ни слова, скрылся в тёмном проёме лестницы, ведущей в подземелье.

Грым, взвалив на плечо ящик с инструментами, последовал за ним. Писк включил подсветку, и его луч заметался по стенам, выхватывая из темноты грубую каменную кладку и следы копоти на потолке.

Кузницы Гильдии оказались именно тем, на что рассчитывал Кор-Дум — старыми, но довольно крепкими. Четыре больших горна, сложенные из огнеупорного камня ещё при его дедах; массивные наковальни, покрытые патиной времени, но всё ещё способные выдержать удар самого тяжёлого молота; система водяного охлаждения, питавшаяся от подземного источника — вода текла по желобам, высеченным в камне, и стекала в бассейн для закалки металла. Вдоль стен стояли стеллажи, пока ещё пустые, но готовые принять сотни новых заготовок.

Кор-Дум остановился в центре зала и глубоко вдохнул. Воздух здесь был какой-то странный — холодный, влажный, пахнущий старым камнем и ржавчиной. Но под этими запа-

хами, почти незаметный, таился другой — запах угля и металла, который никогда не выветривается до конца из хорошей кузницы. Как запах старой крови с поля боя, который не смыть никакими дождями.

— Сойдёт, — сказал Кор-Дум, оглядев помещение. — Даже лучше, чем я думал. Рагнар, при всей своей гнилой душонке, знал толк в хороших кузницах. Видно, что не сам стоял у наковальни.

— Тут, говорят, ещё при Империи работали, — заметил Грым. — Дворфы из клана Глубинных Странников заложили. Потом люди переняли.

— Тем лучше, сынок. Камень помнит молот. — Кор-Дум подошёл к ближайшему горну, провёл рукой по холодным камням, счищая с них вековую пыль. — Разжигай. Пора снова разбудить этих зверей.

Горны разгорались куда как неохотно.

Первый горн занялся только к вечеру.

Он долго не хотел гореть — уголь был сыроват, тяга слаба. Кор-Дум уже начал ворчать что-то про «человеческие кривые руки, которые всё портят», но тут в дело вмешался Грым. Он вспомнил, чему учил его отец, и переложил уголь по-другому — не горкой, а кольцом, оставляя в центре место для воздуха. Через несколько минут пламя вспыхнуло, загудело, заплясало на камнях очага.

Кор-Дум смотрел на огонь и молчал. Огонь был живым. Он дышал, шевелился, перетекал с угля на уголь. В его ры-

жих всполохах старый дворф видел лица — тех, кто ушёл, и тех, кто ещё остался.

— Учишься, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучало что-то похожее на гордость. — Я-то торопился, а ты сделал как надо. Глядишь, к сотне лет и мастером станешь.

— Я уже мастер, — проворчал Грым.

— Мастер — это не тот, кто умеет ковать. Мастер — это тот, кто может передать знания и научить других. А до этого тебе ещё расти и расти.

Грым не ответил. Он взял молот, взвесил в руке, примерился и обрушил его на раскалённую заготовку. Удар. Ещё удар. Искры брызнули во все стороны — золотые, оранжевые, белые, — застучали по каменному полу, зашипели, попадая в воду. В воздухе разлился запах калёного железа — резкий, но приятный, как запах грозы после долгой засухи.

К утру следующего дня в кузнице работали уже четверо. К Кор-Думу и Грыму присоединились Торгрим и Олаф — два молодых дворфа из бывших учеников Бруна. Они появились на пороге кузницы ещё затемно, с заспанными лицами и дорожными мешками за плечами. Узнав, что старый Кор-Дум ищет мастеров, они не раздумывали ни минуты, собрали инструмент и пешком проделали путь до Механоса.

Торгрим — широкоплечий, кряжистый парень с рыжей бородой, в которую он имел привычку вплетать мелкие металлические кольца. Каждое кольцо означало завершённый шедевр. Олаф, напротив, был худощав и жилист, с длинны-

ми, цепкими пальцами — идеальными для тонкой работы. Они были двоюродными братьями и с детства привыкли работать вместе, понимая друг друга без слов.

— Старый Брун говорил, что вы тут решили перековать мир, — сказал Торгрим, раздувая второй горн. — Ну, мы и подумали — вдруг пригодимся.

— Пригодитесь, — кивнул Кор-Дум. — Если не сломаетесь в первую же смену.

К полудню пришла ещё одна. Молодая женщина-дворф, дочь того самого Бруна, старого кузнеца, погибшего в одной из битв. Она была невысокой, коренастой, с мозолистыми руками и упрямым взглядом. Как только Кор-Дум увидел её, он недовольно нахмурился.

— Женщина в кузнице? — проворчал он. — Это не дело.

— Мой отец так не считал, — ответила она, с вызовом глядя ему прямо в глаза. — Он учил меня с пяти лет. Я могу ковать не хуже любого из вас. А может, и получше.

Кор-Дум молча пожевал губами, потом всё же кивнул.

— Как звать-то тебя, дочка Бруна?

— Бруна.

— Бруна? — Кор-Дум приподнял бровь. — В честь отца, что ли?

— Он хотел сына, но родилась я. И решил, что имя менять не будет. Сказал: «Брун — хорошее имя. Подойдёт и дочери».

Кор-Дум хмыкнул, и в его глазах на мгновение мелькнуло

уважение.

— Старый Брун всегда был тем ещё упрямцем. Докажи делом, что не зря носишь его имя.

И она доказала. Через час, глядя на то, как она обрабатывает заготовку для глушителя, Кор-Дум был вынужден признать: Брун научил дочь всему, что знал и умел сам. Её движения были точными, экономными, без суеты. Молот в её руке не дрожал, а удары ложились ровно, один к одному, именно туда, куда нужно. С тем особым ритмом, который бывает только у прирождённых кузнецов.

— Твой отец был хорошим кузнецом, — сказал Кор-Дум. — И, похоже, таким же хорошим учителем.

Бруна ничего не ответила. Только молот в её руке опустился чуть сильнее обычного, и звон от удара разнёсся по кузнице, как колокольный звон.

К вечеру второго дня в кузнице работали уже двенадцать человек. Дворфы и люди, мужчины и женщины, опытные мастера и зелёные подмастерья. Среди них был и Дрог — тот самый мальчишка, что когда-то помогал Бруну, а теперь, после его гибели, сам стал подмастерьем. Ему едва исполнилось четырнадцать, но он уже умел раздувать горн, поддерживать нужную температуру и даже выковывать простые гвозди. Кор-Дум, глядя на него, ворчал что-то про «сопляков, которые путаются под ногами», но сам же одним из первых показывал ему, как правильно держать молот.

— Не сжимай так сильно, — говорил он, поправляя паль-

цы мальчика на рукояти. — Молот — не твой враг. Он — продолжение твоей руки. Ты не бьёшь — ты направляешь. Понял?

— Понял, — отвечал Дрог, и его глаза горели тем же огнём, что и горн.

Кузницы Механоса полностью ожили. Да так, как не оживали, пожалуй, с самого основания города. Днём и ночью, без какого-либо перерыва на сон и отдых, здесь стучали молоты, гремели наковальни, шипел раскалённый металл, опускаемый в воду. Дым из труб валил столбом, его было видно далеко за городскими стенами — чёрный, густой, пахнущий углём и калёной сталью. Воздух в кузнице стал плотным, горячим, пропитанным тысячами запахов: едкий дым от угля, кисловатый запах окалины, сладковатый — разогретого масла для закалки, и надо всем — тяжёлый, железный дух раскалённого металла, от которого першило в горле и слезились глаза.

Лекс пришёл на третий день, ещё до казни Рагнара. Он вошёл в кузницу, когда Кор-Дум как раз закалял первую партию лезвий для глушителей, и молча протянул ему свёрнутый в трубку чертёж.

— Что это? — спросил Кор-Дум, разворачивая бумагу.

— Доработанные и улучшенные «Крохи», — ответил Лекс. — Миномёты для навесной стрельбы. Короткая труба на массивной плите, стреляет облегчёнными взрывпакетами. Нужны три человека на расчёт, но могут накрывать цели за

укрытиями. Да, я такие уже делал, но кустарно, почти без расчётов и толковых чертежей. Ты сам должен помнить, ещё те же «Гром-палки». Делали мы их в таких условиях, что вообще удивительно, как сами не поубивались при обороне.

Кор-Дум вчитался в чертёж, удивлённо приподнял бровь и присвистнул.

— Это ты сам придумал?

— Не всё. Архитектор помог со сложными расчётами. А то алгоритмы в уме сильно не поскладываешь.

— Архитектор, значит... — Кор-Дум покачал головой. — Вот уж не думал, что доживу до того дня, когда буду работать по чертежам Искусственного Интеллекта Древних. Эх, ещё больше работать придётся. Ну да ладно, кому ещё с металлом работать, как не нам. Сделаем.

Он передал чертёж Грыму. Тот пробежал его глазами, прикинул что-то в уме и кивнул.

— Сложно, но возможно. Нужна хорошая сталь для ствола. И кристаллы для детонаторов.

— Сталь я дам, — сказал Кор-Дум. — Кристаллы — это к Зигу. У него после разгрома Гильдии наверняка остались запасы.

— Уж у этого прохвоста всегда есть запасы, — хмыкнул Лекс. — Он же гоблин.

Через несколько дней к «Крохам» добавились доработанные «Гром-палки» — переносные пушки, стреляющие взрывными снарядами. Их конструкция была сложнее, тре-

бовала точной подгонки деталей и тщательной балансировки. Грым провёл над ними несколько бессонных ночей, перебирая чертежи и споря с Архитектором через Писка. В итоге получилось нечто среднее между арбалетом и катапультой — метровая труба из толстой стали на деревянной треноге, способная метнуть снаряд на сотни метров. Точность хоть и улучшилась, но всё равно оставляла желать лучшего, зато мощность стала просто огромной.

Затем пошли усиленные глушители. Их конструкция была уже отработана — Лекс создал прототип ещё несколько месяцев назад, — но теперь требовалось массовое производство. Каждый глушитель состоял из трёх кристаллов, заключённых в медную оплётку, и создавал «мёртвую зону» радиусом до пятидесяти метров. Магия в этой зоне просто переставала работать. Для эльфийских магов это было пострашнее любого оружия.

Импульсные винтовки стали самой большой проблемой. Их конструкция была очень сложна, требовала редких материалов и запредельной филигранной точности. Первые три образца, собранные Грымом лично, работали с перебоями — то перегревались, то недодавали мощности, то вовсе отказывались стрелять. После четвёртой неудачной попытки Грым в сердцах швырнул винтовку на верстак и ушёл, хлопнув дверью. Писк, жужжа, пополз за ним.

Кор-Дум нашёл его через час на заднем дворе. Грым сидел на перевёрнутом ящике и безучастно смотрел в небо.

— Не получается? — спросил Кор-Дум, садясь рядом.

— Не получается, — буркнул Грым. — Всё делаю по чертежам, а она не стреляет. Может, Архитектор ошибся? Может, эти винтовки вообще невозможно сделать без магии?

— Архитектор не ошибается. А магия тут ни при чём. — Кор-Дум помолчал. — Твой учитель делал их без магии.

— Лекс? — Грым поднял голову.

— Лекс. Он вообще не маг. У него нет ни капли эфира в крови. Но он сделал винтовку, которая пробивает эльфийские доспехи насквозь. Просто потому, что понимает, как она работает. Не по чертежам — вот здесь. — Кор-Дум постучал себя по лбу. — Ты тоже должен понять. Не скопировать — понять.

Грым долго молчал. Потом встал и пошёл обратно в кузницу. Через два дня он принёс Лексу готовую винтовку. Та выстрелила с первого раза.

— Я понял, — коротко сказал Грым. В его голосе не было гордости. Только удовлетворение.

Патроны из звёздного железа делали вручную, каждый был на вес золота, а может, и дороже. Металла, добытого Лексом в Гнезде, оставалось немного — несколько слитков размером с кулак, которые Кор-Дум хранил в отдельном ящике под замком. Из них можно было сделать ещё около трёх десятков пуль, и каждый выстрел должен был быть оправдан.

— Это не для обычного боя, — сказал Лекс, вертя в паль-

цах готовый патрон. — Это для аватаров. И для тех, кого не берёт обычная сталь.

— И для Пожирателя, — тихо добавила Эринния, стоявшая у двери.

Лекс не ответил. Он просто положил патрон обратно в ящик и аккуратно закрыл крышку.

Ночные смены были самыми тяжёлыми. К полуночи жара становилась почти невыносимой — пот заливал глаза, одежда прилипала к телу, а воздух делался таким спёртым, что каждый вдох давался с трудом. Мышцы гудели от усталости, в ушах стоял непрерывный звон, и даже у опытных мастеров начинали дрожать руки. Но именно в эти часы, когда город за стенами кузницы засыпал, здесь происходило что-то особенное.

Кор-Дум, раздувая горн в третью ночную смену подряд, вдруг запел.

Это была старая дворфийская трудовая — песня о кузнецах, которые куют судьбу мира на наковальне богов. Её пели ещё его прадеды в Стальгорне, когда выковывали первые рунические клинки. Голос у Кор-Дума был далеко не мелодичным — скорее, хриплым и низким, как скрежет камня о камень, — но в нём была своя особенная сила. Сила и уверенность, которые передавались от отца к сыну на протяжении столетий.

— Бей, молот, бей, куй, рука, — Чтоб сталь звенела, как река. — Чтоб клинок был острым, как зима, — Чтоб не сло-

мала вражеская тьма!

Грым подхватил почти сразу. Его голос, более молодой и чистый, вплёлся в отцовский, как нить серебра вплетается в грубую сталь. Торгрим и Олаф, не сговариваясь, начали отбивать ритм молотами — удар, пауза, удар. Тяжёлый, размеренный, как биение сердца горы. Дрог, который до этого клевал носом у горна, встрепенулся и начал подпевать, путая слова, но стараясь изо всех сил.

Бруна не пела. Она молча работала, но её молот стучал в такт песне, и в этом стуке было больше музыки, чем в ином хоре.

А потом кто-то из людей — один из бывших рабов, работавших у горна, — затянул уже другую песню. Не менее старую ингрийскую, которую когда-то пел Зураб. Он запел её тихо, неуверенно, словно боясь, что его прервут. Но его не прервали. Один за другим люди подхватывали мелодию, и вот уже вся кузница пела на два голоса — дворфы свою, тяжёлую и ритмичную, а люди свою, протяжную и горькую.

— Кузнец своего счастья куёт его сам, — Даже если молот тяжёл, — Даже если огонь не горит, — Даже если весь мир против — он идёт напролом. — Он куёт свою волю в огне, — Он куёт свою правду в металле, — Пока его молот стучит, — Его дух не сломать, не убить, не предать.

Две песни, два народа, две судьбы — сплетённые воедино в дыму и пламени кузницы.

А потом песня внезапно оборвалась.

Все замолчали разом, вспомнив Зураба — кузнеца, который потерял всё, но продолжал сражаться до конца. Кузнеца, который погиб, прикрывая друга. Кузнеца, чья кукла теперь жила у Лады, а молот — в руках его учеников. Кузнеца, который так и не увидел, как его народ снова стал свободным.

Тишина длилась недолго. Кор-Дум поднял молот и обрушил его на наковальню с такой силой, что звон разнёсся по всей кузнице, отразился от каменных стен и ушёл куда-то вглубь скалы, на которой стоял Механос.

— Работаем, — сказал он. — За него. За всех, кого уже нет.

И молоты застучали по наковальням с удвоенной силой. Писк, всё это время сидевший на плече у Грыма, издал короткий, мелодичный сигнал — почти музыкальный, — в котором слышалось что-то похожее на уважение.

Корона родилась в одну из тех редких ночей, когда работа ненадолго затихала, и кузнецы расходились по своим углам, чтобы поспать хотя бы пару часов, прежде чем снова встать к наковальне.

Кор-Дум и Грым остались вдвоём. Они не сговаривались заранее — просто оба знали, что есть работа, которую нельзя делать при всех. Не потому, что она секретная. Просто она слишком личная.

Маленький слиток звёздного железа, тот самый, что Лекс принёс из Гнезда, лежал на верстаке. Кор-Дум взял его в руки, повертел. Металл был холодным на ощупь, но в его глу-

бине всё так же мерцали далёкие звёзды — те, что погасли тысячи лет назад, но оставили свой свет в этом куске руды. Он был тяжёлым — тяжелее обычной стали, — и в то же время казался почти невесомым, словно не принадлежал до конца этому миру.

— Она должна быть лёгкой, — произнёс Кор-Дум. — Не как боевой шлем. Как напоминание.

— О чём? — спросил Грым.

— О том, что она — королева. Не потому, что носит корону по праву рождения. А потому, что заслужила её. Она должна быть напоминанием о том, через что ей и её народу пришлось пройти.

Грым кивнул. Он достал инструменты — тонкие, для ювелирной работы, — аккуратно разложил их на верстаке. Писк пристроился рядом, включил подсветку, чтобы мастерам было лучше видно.

Они работали всю ночь. Кор-Дум ковал основу — тонкий обруч, который должен был сидеть на голове Айрин как влитой, не давить, не спадать, быть почти незаметным. Звёздное железо поддавалось с трудом — оно было твёрже любой стали, каждый удар молота требовал всей силы, всего опыта и умения, накопленного за столетия. Грым занимался деталями — крошечными зубцами, которые должны были венчать корону, и узорами, которые он вырезал на металле тончайшим резцом. Узоры были ингрийскими — те самые, что Айрин носила на своих руках, родовые татуировки дома Белого

Волка.

— Откуда ты знаешь эти узоры? — спросил Кор-Дум.

— Эрвин показал. Сказал, это её наследие. То, что осталось от Ингрии.

Кор-Дум кивнул, ничего не сказал. Только молот в его руке опускался всё увереннее, и руны на обруче проступали всё яснее.

Когда на востоке начало сереть, корона была готова. Она лежала на куске бархата — по виду лёгкая, изящная, почти невесомая. Звёздное железо мерцало мягким серебристым светом, а в его глубине, казалось, действительно горели звёзды. Ингрийские узоры обвивали обруч, как вьюнки обвивают старую башню, в их изгибах читалась история и боль целого народа.

Но чего-то не хватало. Кор-Дум подошёл к верстаку, взял в руки резец, склонился над короной. Его губы шевелились, но слов слышно не было — он читал заклинание на древнем дворфийском, то самое, которое не произносил уже много лет. Руна защиты. Не магия — скорее, благословение. Просьба к камню, металлу и огню хранить того, кто носит эту корону.

Когда он закончил, руна на мгновение вспыхнула золотым светом и погасла, оставив после себя едва заметный узор на внутренней стороне обруча.

— Теперь твоя очередь, — сказал Кор-Дум, отступая.

Грым кивнул. Он взял крошечный кристалл-связку — ту,

что Лекс подарил ему несколько месяцев назад, — аккуратно вставил его в специальное гнездо на вершине короны. Кристалл мягко засветился, настраиваясь на эфирную частоту.

— Что он делает? — спросил Кор-Дум.

— Теперь владелец всегда будет знать, где находится корона, а также сможет связаться с теми, кто должен её охранять. И всегда сможет позвать на помощь в трудную минуту.

Кор-Дум кивнул. Он взял корону в руки, поднёс к свету. Звёздное железо переливалось, играло бликами на его пальцах. Теперь это было полностью законченное произведение искусства.

— Мы сделали её, не спросив, — сказал Грым. — Отец, ты думаешь, она примет её?

Кор-Дум помолчал, потом усмехнулся.

— Она не захочет. Она никогда не хотела быть королевой. Она хотела просто жить, любить, растить детей. Но именно поэтому она и станет лучшей правительницей для своего народа, чем все эти напыщенные эльфийские лорды вместе взятые, которые пекутся только о себе, а не о тех, за кого они отвечают.

Он бережно завернул корону в кусок бархата и убрал в ящик.

— Мы отдадим ей, когда придёт истинное время. А пока… — Он повернулся к горну, который уже начал остывать. — Пора снова за работу.

Грым кивнул. Взял молот, взвесил в руке и обрушил его

на раскалённую заготовку. Удар. Ещё удар. Искры брызнули в темноту, как падающие звёзды.

Вечером того же дня, когда последняя смена наконец разошлась по своим комнатам, Лекс зашёл в кузницу. Он не стал зажигать свет — пламени горна было достаточно. Кор-Дум, Грым и Писк по обыкновению оставались здесь втроём. Старый дворф сидел на перевёрнутом ящике, молча смотрел на огонь. Грым протирал инструменты — методично, тщательно, как учил отец.

— Не спится? — спросил Кор-Дум, не оборачиваясь.

— Как и тебе, — ответил Лекс, присаживаясь рядом на второй ящик. — Как ты, как продвигается работа? Справляетесь?

— А у нас есть выбор? Кузнецы с ног валятся, но дело делают.

— Спасибо всем вам. Ваш труд неоценим.

Кор-Дум хмыкнул.

— Не подлизывайся. Ты ведь не за этим пришёл.

— Нет. — Лекс помолчал, глядя на огонь. — Я пришёл попрощаться.

Кор-Дум резко повернулся к нему. В свете горна его лицо казалось высеченным из камня.

— Шпиль?

— Да, Шпиль. У нас просто нет времени тянуть дольше. Выступаем на рассвете. — Лекс смотрел на пламя, в его глазах отражались искры. — Я не знаю, сколько нас не вернётся.

Я не знаю, вернусь ли сам. И прежде, чем уйти, я хотел… — Он осёкся, подбирая слова. — Ты был одним из первых моих друзей в этом мире. Ты купил меня на рынке как раба, а в итоге сделал свободным. Бросил всё и пошёл за мной в неизвестность. Я никогда не говорил тебе этого, но… спасибо.

Кор-Дум долго молчал. Потом отвернулся к огню и проворчал:

— Вот уж не думал, что доживу до того дня, когда ты начнёшь разводить сопли. — Он помолчал. — Возвращайся. У нас ещё много работы.

Лекс кивнул и вышел. В коридоре его ждал Клык.

— Шпиль? — спросил сталкер.

— Шпиль, — подтвердил Лекс. — Выступаем на рассвете.

Клык кивнул и растворился в темноте. А в кузнице ещё долго стучали молоты, и искры летели в ночь, как падающие звёзды. Как надежда. Как обещание. Как клятва, выкованная в огне и стали.

Глава 6. Брак и коронация

Месяц Дурин, 2002 г. Э.С.
Вечер
Механос, главный зал Гильдии торговцев

Войско на Шпиль так и не выступило.

Не потому, что Лекс передумал или планы вдруг изменились. Даже не потому, что эльфы вдруг неожиданно сдались. А всё потому, что на третий день после того, как последняя «Кроха» была готова, Айрин зашла в командный центр, оперлась руками о стол и категорично заявила:

— Никакой войны, пока не будет свадьбы.

Лекс поднял голову от карты. Клык, стоявший у стены, поперхнулся элем. Кор-Дум, дремавший в углу, открыл один глаз и уставился на Айрин так, словно она только что предложила разобрать горн голыми руками.

— Что? — переспросил Лекс.

— Что слышал. Я не пойду под венец с животом. И уж тем более не пойду в бой. Негоже будущей королеве ходить безмужней. Ты меня понял?

Лекс открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Но Шпиль...

— Шпиль подождёт. — Айрин скрестила руки на животе, который был уже заметно округлён, и посмотрела на Лекса тем самым взглядом, которым смотрят женщины, когда во-

обще не принимают возражений. — Или ты хочешь, чтобы твой сын родился без отцовского имени?

В комнате повисла гробовая тишина. Клык медленно поставил кружку на стол, стараясь не стукнуть ею об стол. Кор-Дум закрыл глаз и сделал вид, что спит и его вообще тут нет, но его усы подрагивали от сдерживаемого смеха. Шило, заглянувший в дверь как раз в этот момент, замер с открытым ртом, а потом тихо, на цыпочках, вышел обратно в коридор осторожно прикрыв за собой дверь, чтобы не дай бог не попасть под горячую руку.

— Но... — попытался Лекс.

— Никаких «но», — отрезала Айрин. — Ты обещал мне, помнишь? На смотровой площадке, когда мы ещё были в убежище. Ты сказал: «Когда всё закончится». Так вот, всё ещё не закончилось, но я больше ждать не намерена. Я хочу, чтобы наш сын знал: его родители были женаты. По-настоящему. Перед людьми и богами.

Лекс смотрел на неё. На её решительно поджатые губы. На её глаза, в которых горел тот самый упрямый огонь, что когда-то заставил его поверить в неё. На её руки, которые она скрестила поверх живота — их будущего сына.

— Хорошо, — сказал он. — Будет свадьба. Я ж разве против. Но это как то всё не вовремя.

Айрин кивнула, развернулась и вышла из комнаты с таким видом, словно только что выиграла битву. Что, в общем-то, было не так далеко от истины.

Кор-Дум открыл оба глаза, посмотрел на Лекса и хмыкнул:

— Поздравляю, парень. Ты только что проиграл свою первую войну в качестве мужа. Привыкай.

Весть о свадьбе разнеслась по городу быстрее, чем эльфийские шпионы.

Готовили и готовились всем миром. Зиг раздобыл где-то рулон белой ткани — настоящего эльфийского шёлка, который он то ли выменял, то ли украл, то ли получил в счёт старого долга. Агафья и Лада сшили из него платье — простое, без вышивки и украшений, но сидящее на Айрин так, словно его кроили сами духи предков. Бруна, дочь старого кузнеца, выковала два кольца из ингрийской стали — без камней, без узоров, только с одной-единственной гравировкой на внутренней стороне: «Пока мир стоит».

Церемонию назначили на вечер. Местом выбрали главный зал бывшей Гильдии торговцев — тот самый, где когда-то Рагнар принимал эльфийских послов и плел свои интриги. Теперь здесь не было ни золочёных кресел, ни портретов напыщенных предков. Только каменные стены, колонны, увитые трофейными знамёнами, и сотни свечей, которые расставили по всему залу. Серафима сама зажигала каждую, шепча молитву — не богам, а самому мирозданию, прося благословить этот союз.

А снаружи, на площади перед Гильдией, собиралась толпа. Весть о том, что Лекс и Айрин женятся, облетела Ме-

ханос ещё утром, и теперь сотни людей — сталкеры, ремесленники, бедняки из Нижнего города, торговцы из Верхнего, орки, гоблины, дворфы — стояли плечом к плечу, ожидая, когда молодые выйдут на балкон. Многие держали в руках свечи, и площадь мерцала сотнями огней, как звёздное небо, упавшее на землю.

Когда Айрин вошла в зал, все разговоры стихли.

Она шла одна — без отца, без братьев, без эскорта. Только Лада впереди, разбрасывающая лепестки сушёных горных цветов. Белое платье струилось до пола, ингрийская коса была уложена вокруг головы, как корона, которой у неё пока ещё не было. Живот, уже заметный, она и не пыталась скрывать — наоборот, держалась так, словно это была её главная гордость.

Лекс ждал её у алтаря — простого каменного постамента, на котором лежали два кольца и старая книга ингрийских клятв. Он был в своей обычной походной куртке, только на этот раз без пистолета на поясе.

В этот момент внутри Лекса всё смешалось. Сердце колотилось так, словно он стоял перед финальной битвой, а не перед женщиной, которую любил больше всего на свете. Счастье было таким острым, что почти причиняло боль. Но вместе с ним пришёл страх — глубокий, холодный страх за неё и за ребёнка. «Что я делаю? — подумал он. — Завтра или послезавтра мы идём на Шпиль, а возможно, и дальше, навстречу тому, что хочет стереть нас всех. А я здесь, надеваю

на неё кольцо и корону, словно у нас есть будущее». Тревога за Айрин сжимала грудь. Он боялся не за себя — за неё. За их сына. За то, что может не успеть защитить.

Айрин тоже чувствовала, как внутри всё дрожит. Счастье переполняло её, но оно было горьким на вкус. Она несла в себе новую жизнь в мире, который мог исчезнуть в любой момент. «Если мы не выживем… — думала она, глядя на Лекса. — Пусть хотя бы наш ребёнок родится в браке. Пусть знает, что его родители любили друг друга по-настоящему».

— Вы готовы? — спросил Эрвин.

— Да, — сказал Лекс.

— Да, — сказала Айрин.

— Тогда повторяйте за мной.

Лекс взял её за руку. Её пальцы были холодными, но не дрожали.

— Я, Лекс, сын Земли и наследник Древних... — его голос прозвучал глухо, но твёрдо.

— ...беру тебя, Айрин ди'Ингрия, в жёны. Перед лицом этого мира и всех миров, что есть. Я клянусь быть тебе защитой и опорой. Я клянусь делить с тобой хлеб и кров. Я клянусь, что пока этот мир стоит, я с тобой.

— Я, Айрин ди'Ингрия, дочь Харальда и Сигрид, последняя из рода Белого Волка...

— ...беру тебя, Лекс, в мужья. Перед лицом этого мира и всех миров, что есть. Я клянусь быть тебе верной спутницей. Я клянусь идти с тобой до конца. Я клянусь, что пока этот

мир стоит, я с тобой.

— Пока мир стоит, — прошептал Лекс, и его голос дрогнул впервые за весь вечер.

Эрвин кивнул, и Бруна вышла вперёд, держа на бархатной подушечке два кольца из ингрийской стали. Лекс взял первое — тонкое, изящное, — надел его на палец Айрин. Она взяла второе — более широкое, с грубой насечкой, — надела на его палец. Их руки встретились, и на мгновение они замерли, глядя друг на друга.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказал Эрвин, и в его голосе впервые за много лет прозвучала радость. — То, что сковал Кователь, да не разорвёт никто.

Зал взорвался криками. Но это было только начало.

Первым к ним подошёл Клык. Он хлопнул Лекса по плечу так, что тот едва устоял на ногах, а потом повернулся к Айрин и, к всеобщему удивлению, отвесил ей неуклюжий, но искренний поклон.

— Я не мастер говорить речи, — сказал он, его голос, обычно резкий и отрывистый, звучал неожиданно мягко. — Но я хочу, чтобы вы знали: вы — лучшее, что случилось с этим миром. И я горжусь тем, что могу называть вас своими друзьями.

Он сунул руку в карман и достал маленький свёрток. Внутри был компас — старый, потёртый, но всё ещё работающий, в корпусе из тёмной бронзы.

— Это компас моего отца, — сказал Клык. — Он провёл

меня через половину руин этого континента. Пусть он ведёт и вас. Куда бы вы ни пошли.

Айрин взяла компас обеими руками и прижала к груди.

— Спасибо, — прошептала она.

Следующим был Шило. Он вышел вперёд с широченной улыбкой, которая на этот раз не была ни защитой, ни маской. Он просто улыбался — открыто, радостно, как ребёнок.

— Ну что, командир, — сказал он, подмигивая Лексу, — вот ты и попался. Теперь ты женатый человек. Никаких больше ночных вылазок без спросу. Никаких геройств в одиночку. Учти: я за тобой присматриваю.

Лекс усмехнулся.

— Ты и раньше за мной присматривал, Шило. Просто молчал об этом.

Шило рассмеялся и протянул Айрин свой подарок — маленький, но тяжёлый мешочек.

— Это серебрянка, — пояснил он. — Редкая трава. Завариваешь в кипятке, пьёшь перед сном. Успокаивает нервы и, говорят, помогает младенцам родиться здоровыми. Моя мать так меня выходила.

Айрин взяла мешочек. Потом шагнула вперёд и обняла Шило — коротко, но крепко.

— Спасибо, — сказала она. — За всё.

Потом к ним подошёл Грук. Огромный орк двигался осторожно, словно боялся что-то сломать. Он остановился перед Айрин, и его лицо, покрытое шрамами, на мгновение стало

почти нежным.

— Маленькая королева, — прогудел он. — Ты самая храбрая женщина, которую я когда-либо видел. А я видел многих.

Он протянул ей подарок — коготь горного ящера, оправленный в простую кожаную петлю.

— Это амулет моего прайда. Он означает «Защитница». Носи его, и пусть он напоминает тебе, что у тебя есть не только муж, но и целый прайд воинов, готовых умереть за тебя.

Айрин взяла амулет. Её глаза снова наполнились слезами.

— Я не знаю, что сказать, — прошептала она.

— Ничего не говори, — ответил Грук. — Просто будь собой.

За Груком последовала Серафима. Она не стала говорить речей — просто подошла, взяла руки Айрин в свои и заглянула ей в глаза.

— Ты несёшь в себе свет, — сказала она тихо. — Не бойся его. Не прячь его. Пусть он ведёт тебя.

Она сняла с шеи тонкую цепочку с крошечным кристаллом — тем самым, который когда-то подарил ей Грым, — и надела на шею Айрин. Кристалл мягко засветился, коснувшись её кожи.

— Это частица искры, — пояснила Серафима. — Когда тебе будет страшно или одиноко, коснись его. И ты почувствуешь, что ты не одна.

Эринния, стоявшая рядом, молча шагнула вперёд. Она

ничего не сказала — она вообще редко говорила. Но она положила руку на плечо Айрин, и её золотая жилка вспыхнула ярче. И в этом прикосновении было больше слов, чем в иной речи.

Потом пришла очередь Кор-Дума и Грыма.

Старый дворф двигался медленно, прихрамывая, но в его руках, завёрнутый в кусок бархата, лежал предмет, ради которого они с сыном провели бессонную ночь. Он остановился перед Айрин, и в зале снова стало тихо.

— Это тебе, девочка, — сказал он, разворачивая бархат. — От всех нас. Негоже королеве без короны.

Корона из звёздного железа мерцала в свете свечей. Она была лёгкой, почти невесомой, но в её серебристом сиянии чувствовалась такая сила, какой не обладал ни один эльфийский венец. Ингрийские узоры обвивали обруч, как вьюнки обвивают старую башню. Руна защиты, выгравированная Кор-Думом, едва заметно светилась на внутренней стороне. А на вершине короны, там, где сходились все узоры, горел крошечный кристалл-связка — тот самый, что Грым вставил последним.

Айрин смотрела на корону. Потом перевела взгляд на Кор-Дума. На Грыма. На всех, кто стоял в зале.

— Я... — начала она, и её голос сорвался. — Я не хотела быть королевой. Я хотела просто жить. Любить. Растить детей. Я никогда не просила короны.

— Поэтому ты и будешь лучшей королевой, — сказал

Лекс. — Лучшие короли те, кто не рвутся к власти. Лучшие правители те, кто берут её не ради себя, а ради других.

Он взял корону из рук Кор-Дума. Айрин посмотрела на него, потом на корону, потом снова на него — и медленно опустилась на одно колено.

— Встань, Айрин ди'Ингрия, — произнёс Лекс, возлагая корону на её голову. — Королева Ингрии и защитница свободных народов.

Корона вспыхнула мягким серебристым светом, этот свет, казалось, проник в самое сердце каждого, кто стоял в зале. Айрин поднялась — уже не просто женщина, не просто жена, не просто будущая мать. Королева. Настоящая королева.

Зал взорвался криками. Грук больше не сдерживал слёз — они текли по его щекам, оставляя дорожки на серой коже. Клык и Шило обнялись, как братья. Серафима опустилась на колени, шепча благодарственную молитву. А Писк, сидевший на плече у Грыма, выпустил облачко золотых искр.

А следом вперёд вышли Лада и Барс. Девочка держала в руках что-то, завёрнутое в чистую тряпицу.

— Это тебе, — сказала она, протягивая свёрток Айрин. — Мы с Барсом сами сделали.

Айрин развернула тряпицу. Внутри была кукла — маленькая, сшитая из лоскутков, с волосами из конского хвоста и глазами из двух блестящих пуговиц. Она была неуклюжей, неровной, но в ней чувствовалось столько любви, сколько не было ни в одном драгоценном подарке.

— Это для малыша, — пояснила Лада. — Чтобы ему не было одиноко. Ну... когда он родится.

Айрин опустилась на корточки, чтобы быть с девочкой одного роста, и взяла куклу в руки.

— Это лучший подарок, который мне когда-либо делали, — сказала она. — Спасибо, Лада.

Девочка улыбнулась — той самой чистой, робкой, но искренней улыбкой, которая бывает только у детей, переживших слишком много. Барс, её мохнатый друг, подошёл ближе и положил голову на колени Айрин, тихонько заурчав.

А потом Лекс взял Айрин за руку и вывел её на балкон Гильдии. Площадь внизу взорвалась криками. Сотни людей — сталкеры, ремесленники, бедняки, торговцы, орки, гоблины, дворфы, полуэльфы и бывшие рабы — подняли вверх свечи, факелы и просто руки, и площадь засияла сотнями огней.

— Свобода! — крикнул кто-то из толпы, и тысяча голосов подхватила этот крик. — Свобода! Свобода! Слава королеве! Слава Лексу! Свобода!

Айрин стояла на балконе, держа Лекса за руку, слёзы текли по её щекам — но она улыбалась. Корона на её голове мерцала серебристым светом, и в этом свете она казалась не просто королевой — символом. Символом надежды. Символом нового мира.

— Они любят тебя, — тихо сказал Лекс.

— Они любят нас, — поправила Айрин. — Мы сделали

это вместе. Мы все.

Лекс поднял их сцепленные руки вверх, и толпа взревела так, что стены Гильдии задрожали. Шило, стоявший в дверях балкона, присвистнул:

— Ну вот, теперь точно война подождёт. Такой праздник грех прерывать.

Ночь наступила тихо и незаметно.

Гости разошлись по своим комнатам. Свечи в зале догорели. Только в маленькой комнате, которую Айрин и Лекс делили с тех пор, как Механос был освобождён, всё ещё горел кристалл-светильник.

Айрин сидела на краю постели, держа в руках корону. На столике рядом лежали компас Клыка, мешочек с серебрянкой от Шило, амулет Грука, кристалл Серафимы и кукла от Лады. Сокровища, за которые не жалко отдать жизнь.

Лекс сидел рядом, положив руку ей на плечо.

— О чём думаешь, жена моя? — спросил он.

— О том, что будет после, — ответила она. — Когда всё закончится. Когда мы победим. Как править? Как не предать тех, кто верит в меня?

Лекс помолчал.

— Знаешь, что сказал мне однажды один старый дворф?

— Что?

— «Не бойся огня, парень. Бойся пустоты. Огонь даёт жизнь. Пустота её забирает». — Он взял её за руку. — Ты — огонь, Айрин. Ты всегда была огнём. Даже когда сама это-

го не знала. И пока ты горишь, те, кто верят в тебя, будут греться у этого огня. Ты не предашь их. Потому что ты — лучшая из нас.

Она посмотрела на него. Потом перевела взгляд на корону, на цепочку на его шее, на кольцо у себя на пальце.

— Ты правда так думаешь?

— Я это знаю.

За окнами, за толстыми каменными стенами, начинал падать снег — первый снег этой зимы. Крупные, тихие хлопья кружились в воздухе, укрывая землю белым покрывалом. Цепочка на шее Лекса теплела — так, как теплела всегда, когда они были вместе и когда всё было правильно.

— Пока мир стоит, я с тобой, — прошептала Айрин.

— Пока мир стоит, — ответил Лекс.

Они легли, обнявшись, и долго ещё лежали без сна, глядя на падающий за окном снег. А где-то далеко, за горами, за перевалами, за Запретными землями, пробуждалось то, что не знало ни жалости, ни любви. Но именно сегодня, в эту ночь, здесь, в маленькой комнате, двое людей были безмерно счастливы. И этого было более чем достаточно.

На рассвете их ждал трудный поход на Шпиль.

Глава 7. Захват Стального Шпиля

Месяц Борун, 2002 г. Э.С. Начало зимы

Стальной Шпиль — стены, ворота, улицы, подземелья Магистериума.

Армия выступила на рассвете.

Лекс стоял на холме и смотрел, как внизу, в сером предрассветном сумраке, разворачиваются боевые колонны. Это была не та армия, что сражалась на Равнинах — разрозненная, собранная с бору по сосенке, готовая драться насмерть, но не умеющая драться вместе, не имеющая слаженности и опыта. Теперь внизу шли закалённые в боях воины, знающие цену себе и друг другу.

Первыми — тяжёлая пехота Грука. Орки шагали размеренно, их топоры лежали на плечах, дыхание вырывалось из пастей облачками пара. Они не пели — орки вообще редко пели на марше, — но их молчание было красноречивее любого боевого гимна. За ними шли люди Клыка — сталкеры в потёртых куртках, с арбалетами за спиной и метательными ножами на поясах. Они двигались бесшумно, как тени, в их глазах горел холодный, расчётливый огонь. Дальше двигались дворфы Кор-Дума с глушителями на плечах. Их доспехи глухо лязгали в такт шагам, а бороды покрылись инеем. На флангах — дракониды Крэша, чья чешуя отливала сталью в утреннем свете, они присоединились к армии, когда

колонны уже выдвигались. Что ещё больше усилило армию Лекса.

И над всем этим стояла тишина. Не та тишина, что бывает перед бурей, а та, что наступает, когда люди принимают решение и больше не имеют сомнений в своих действиях. Когда все слова уже были сказаны и решения приняты, осталось только холодное расчётливое действие.

Лекс повернулся к Айрин, стоявшей рядом. Она была в лёгком доспехе, надетом поверх тёплого плаща. Корона из звёздного железа мерцала на её голове. Живот под плащом был уже хорошо заметен — седьмой месяц, — но держалась она прямо, в её руке, лежавшей на эфесе меча, не было даже намёка на дрожь.

— Ты уверена? — спросил он.

— Ты опять начинаешь? — Она даже не повернулась. — Мы это уже много раз обсуждали.

— Я не об этом. Я о том, что ты командуешь резервом. Если что-то пойдёт не так...

— Если что-то пойдёт не так, — перебила она, — резерв вступит в бой. Как и планировалось. — Она наконец посмотрела на него. — Я не собираюсь сидеть в обозе, Лекс. Я королева. И я буду там, где нужна моим людям.

Лекс хотел было возразить, но осёкся. Её глаза — те самые, что смотрели на него с вызовом ещё там, на Кристаллических полях, — говорили яснее всяких слов. Спорить в принципе было бесполезно.

— Хорошо, — тяжело выдохнув, сказал он. — Но держись всё же позади. Если ты полезешь в гущу...

— Я буду командовать резервом, — повторила она с нажимом. — А ты командуй авангардом. И постарайся не умереть, а то я тебя сама убью. У нас сегодня годовщина, надеюсь не забыл.

Лекс моргнул.

— Какая годовщина? Мы женаты даже месяц не прошёл.

— Месяц — это тоже годовщина, а со времени нашего знакомства а? — Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него всегда теплело на душе. — Возвращайся. Я тебя люблю и всегда жду.

Он поцеловал её — коротко, но крепко, — и пошёл вниз, к своему авангарду, которому скоро предстояло вступить в бой.

Стальной Шпиль встретил их тишиной.

Армия вышла на равнину перед городом к полудню. Солнце стояло высоко, но его свет казался каким-то блёклым, словно проходящим сквозь мутное стекло. Перед ними возвышались стены Шпиля — не каменные, как в Механосе, а сплетённые из магии и металла, созданные ещё Древними и усиленные поколениями эльфийских магов. Они мерцали в солнечном свете, переливаясь всеми оттенками синего и голубого, в этом мерцании было что-то завораживающее, почти гипнотическое.

Лекс смотрел на ворота, что возвышались перед ними, и

память вдруг обожгла его — неожиданно, резко, как пощёчина. Он уже был здесь. Полтора года назад — или целую жизнь? — эти ворота открылись перед ним, чтобы впустить внутрь. Тогда он сидел в рабской телеге, со связанными руками, оглушённый, ничего не понимающий. Его везли на продажу, как скот, он смотрел на эти стены снизу вверх, запрокинув голову, и думал: «Господи, какие же они огромные». Он помнил запах — грязь, пот, страх, — помнил, как тряслась телега на булыжной мостовой, помнил равнодушные лица эльфийских стражников наверху. Он был никем. Вещью. Лотом на аукционе. Теперь он стоял перед этими же воротами с другой стороны — с армией за спиной, с глушителями на изготовку, с женой, носившей его ребёнка, и с короной на её голове.

Он не стал говорить об этом вслух. Просто на мгновение закрыл глаза — увидел себя прежнего: грязного, избитого, ничего не понимающего. Резко открыл глаза и отдал приказ, который от него ждала многотысячная армия. Но перед этим всё-таки выслушал пояснения Архитектора.

— Магический барьер, — произнёс Архитектор через браслет. — Многослойный. Внешний слой — иллюзорный, отвлекающий. Средний — кинетический, способный отразить физический удар. Внутренний — эфирный, питаемый кристаллами-накопителями. Для прорыва потребуется синхронизированное применение глушителей.

Лекс поднял руку, и армия замерла в предвкушении даль-

нейшего развития. Тишина стала такой плотной, что было слышно, как ветер свистит в бойницах далёких башен.

— Глушители — вперёд! — скомандовал он, и его команда разнеслась над всем войском.

Дворфы Кор-Дума выдвинулись из строя. Их было около сотни — каждый второй нёс на плече усиленный глушитель, собранный в кузницах Механоса. А остальные шли с секирами на перевес как охранение. Они шли размеренно, не торопясь, и со стороны это напоминало какой-то древний магический ритуал.

— На счёт три, — сказал Кор-Дум, его голос, усиленный кристаллом-связкой, разнёсся над равниной. — Раз... два... три!

Пятьдесят глушителей активировались одновременно. Воздух задрожал, словно над равниной пронеслась невидимая волна. Магический барьер Шпиля вспыхнул ярче, запульсировал — и начал гаснуть, как свеча, на которую очень сильно дунули. Сначала исчез внешний слой, иллюзорный. Потом, с протяжным, почти жалобным звоном, рухнул кинетический. И наконец, после нескольких секунд напряжённого противостояния, всё-таки погас и внутренний слой.

Стены Шпиля остались голыми. Обычный камень, обычный металл. Никакой магии.

— Огонь! — крикнул Лекс.

И небо разорвалось.

«Крохи» и «Гром-палки» ударили почти синхронно, что

вызывало не поддельное уважение своей мощью. Десятки снарядов взмыли в воздух, прочертили дымные дуги и обрушились на стены. Грохот был такой, что земля задрожала под ногами. Каменная кладка брызнула осколками, одна из башен пошатнулась и начала оседать, поднимая тучи пыли. Ворота — массивные, окованные мифрилом, которые, по легендам, не мог пробить ни один таран, — треснули посередине, а одна из предвратных статуй, что держала посох, просто рухнула обломками.

Эльфы ответили не сразу, их объял шок и страх. Они вообще не ожидали, что барьер падёт так быстро — видимо, магистры слишком уверились в мощь и силу своей магии. Но когда первый шок прошёл, ответ последовал незамедлительно.

Со стен ударили все возможные заклинания. Огненные шары, ледяные копья, молнии — всё это обрушилось ливнем на головы наступающих. В воздухе запахло горелым мясом и озоном. Один из огненных шаров упал в гущу орков, трое воинов вспыхнули, как факелы, даже не успев закричать. Ледяное копьё пробило навылет двоих сталкеров, пригвоздив их к земле. Молния ударила в расчёты «Гром-палок» — и один из миномётов взорвался, разметав прислугу.

Лекс видел это. Он знал, что потери будут неизбежны, но как к этому не готовься, каждая смерть отзывалась в нём глухой, ноющей болью. Он смотрел на ворота. Если прорыв не удастся, если они застрянут под стенами, тогда потери будут

катастрофическими. Эльфы перебьют их всех. А свободных глушителей уже не было — все ушли на подавление щитов.

— Грым! — крикнул он в кристалл-связку. — Давай!

Грым не ответил. Он был уже на позиции — на передовом рубеже, в полусотне метров от ворот, под прикрытием рунных дворфских щитов, а также за импровизированным укрытием из обломков скалы. Турель М-7, которую он лично демонтировал со стен горного убежища, а потом тащил со всеми к полю боя и уже на месте собрал и настроил, была установлена на массивной треноге. Её ствол смотрел прямо в сердце ворот. Грым лежал на земле, прикрытый щитом, который держал один из орков Грука, а Писк, забравшись на камень, сканировал ворота, выискивая слабые и уязвимые места в мифриловой кладке.

— Писк, есть уязвимости?

— Об…на…ру…жена мик…ро…тре…щина в ле…вой створ…ке. Веро…ят…ность про…би…тия — 92 про…цен…та.

— Отлично. Активируй протокол.

— Акт… иви… рую, — отозвался дроид, и его линза замерцала красным.

Турель загудела, набирая мощность. Воздух вокруг неё задрожал, как над раскалённой плитой. А потом ударила лучом прямо в ворота.

Луч был ослепительным — белым, с голубым отливом, — нестерпимо ярким, таким что на мгновение всё вокруг

побелело. Он ударил точно в микротрещину, подсвеченную Писком, и мифриловые створки, которые выдерживали осады столетиями, лопнули, как яичная скорлупа. Осколки металла брызнули во все стороны, и в пролом, даже не дожидаясь, пока осядет пыль и остынут оплавленные края, уже врывались первые воины.

— Вперёд! — взревел во всю глотку Грук, его голос перекрыл грохот битвы.

Орки ринулись в прорыв. Их топоры крушили всё на своём пути — баррикады, щиты, доспехи. За ними шли дракониды Крэша, и их пламя выжигало укрытия, где прятались эльфийские лучники. Люди Клыка рассыпались по улицам, зачищая дом за домом, переулок за переулком.

Это была не битва. Это был штурм в полном его проявлении — яростный, стремительный, неудержимый. Уничтожалось всё, кто и что не успевало бросить оружие и сдаться.

Уличные бои захлестнули Шпиль сразу после прорыва. И в отличие от Механоса, где враг был сломлен и деморализован, здесь сопротивление было ожесточённым и хорошо организованным.

Эльфы отступали не хаотично — они отступали по заранее продуманному плану. Каждая улица, каждый поворот был подготовлен. Иллюзии наслаивались друг на друга, создавая ощущение присутствия целых отрядов там, где на самом деле стояли двое-трое магов. Камень под ногами вспыхивал рунами, мостовые разрывались, превращаясь в ловуш-

ки. Из подворотен вылетали стрелы, пропитанные ядом; с крыш падали заклинания, парализующие или сводящие с ума.

На втором ярусе первый отряд людей Клыка попал под перекрёстный огонь. Морок сработал идеально: бойцы увидели врага там, где его не было, и не смогли увидеть — там, где он был. Двое упали почти сразу — один с пробитым горлом, второй с обугленной грудью. Третий только и успел крикнуть — как исчез в ослепительной вспышке льда, превратившись в статую.

— Стоять! — рявкнул Лекс.

Он шагнул вперёд, активируя эфирное зрение. Мир расслоился. Иллюзии поблекли, став прозрачными, как дым. Настоящие маги засветились резкими, рваными контурами — напряжёнными, злыми, смертельно уставшими, но готовыми драться до конца.

— Справа, под аркой. Двое настоящих. — Он повернулся. — Грук, в лоб.

Орки пошли без колебаний. Молния ударила в грудь одного из них — молодого, с обломанным клыком. Он упал, не издав ни звука. Грук даже не замедлил шаг. Он просто перешагнул через тело и врезался в строй эльфов, ломая его грубой, неостановимой силой. Его топор описал широкую дугу, и один из магов рухнул с раскроенным черепом. Второго Грук схватил за горло и швырнул в стену с такой силой, что камень треснул от удара, а тело сползло с неё изломанной

куклой.

Дракониды Крэша работали выше — на балконах и крышах. Их пламя не жгло вслепую: они выжигали точки сопротивления, где засели лучники и маги поддержки. Несколько раз эльфы пытались поднять воздушные щиты — и каждый раз глушители Кор-Дума гасили их, как свечи на ветру.

Но Магистериум всё же не собирался умирать тихо.

Лекс шёл по улицам, его глаза, активированные даром, видели истинную картину боя. Фантомы для него были просто сгустками эфира — светящимися, полупрозрачными, неопасными. Он указывал на них бойцам, и те, следуя его командам, игнорировали иллюзии и били уже по настоящим врагам.

— Слева, за колонной, — говорил он, и арбалетный болт пронзал эльфийского мастера иллюзий, пытавшегося сплести заклинание. Тот рухнул, и его фантомы растаяли как утренний туман, открывая проход.

— Наверху, на балконе, двое, — и тут уже драконид Крэша взлетал, цепляясь когтями за стены, и обрушивал на стрелков поток пламени. С балкона донёсся короткий предсмертный вопль, и два обгоревших тела рухнули вниз.

— Под мостовой — ловушка, обойти справа, — и отряд менял маршрут, избегая засады. Вовремя — через секунду мостовая вздыбилась, и из-под неё вырвался столб чёрного пламени, который поглотил бы их всех.

Но, к сожалению, не всё можно было предвидеть.

На перекрёстке трёх улиц засел эльфийский маг-менталист. Он не использовал иллюзии — он бил прямо в разум. Лекс почувствовал его атаку за мгновение до того, как она обрушилась: цепочка на шее обожгла холодом, а в голове зазвучал чужой голос — вкрадчивый, ласковый, такой убедительный. «Ты ведёшь их на смерть. Они все умрут. Айрин умрёт. Твой сын никогда не родится. Поверни назад, прекрати всё это, пока не поздно».

Лекс замер. Его рука, державшая пистолет, дрогнула. Голос был таким убедительным, таким... правильным. Он понимал, что это ложь, но ложь эта питалась его собственными глубинными страхами и его собственной болью. Он видел лица погибших — они смотрели на него и шептали: «Ты виноват».

— Лекс! — Клык тряхнул его за плечо. — Лекс, очнись!

Он встряхнулся, его собственная воля и умение включилось в борьбу с менталистом. Эфирное зрение вспыхнуло, и он увидел мага — на третьем этаже, за заколоченным окном. Тот был сосредоточен, его аура пульсировала, как сердце.

— Туда, — сказал Лекс, и его голос был хриплым. — Глушитель.

Дворф развернул устройство, активировал его, и ментальная атака оборвалась, как перерезанная струна. Маг пошатнулся, схватился за голову — и в этот момент арбалетный болт Клыка пробил ему глазницу. Он рухнул внутрь комнаты, не издав ни звука, его смерть была быстрой и тихой.

Лекс выдохнул. Цепочка на шее всё ещё холодила кожу, но теперь это был просто холод металла.

— Продолжаем, не ослабляем натиск, — сказал он.

На четвёртом ярусе активировались древние защитные протоколы. Каменные статуи вдоль улицы ожили — Молчаливые Стражи, покрытые трещинами и рунами старше города. В отличие от тех предвратных изваяний, что рухнули под огнём артиллерии — обычного камня, пусть и искусно вырезанного, — эти были созданы для войны. Големы, в чьей груди пульсировали кристаллы-сердца, а в жилах вместо крови тек расплавленный эфир.

Их удары были медленными, но каждый — смертельным. Один из них раздавил сталкера, словно тот был сделан из глины. Второй схватил орка и просто сломал его пополам, даже не замедлившись.

Лекс взглянул на них, и снова память ожгла его. Он помнил эти статуи — вернее, те, что стояли у ворот. Когда телега въезжала в город, он, превозмогая боль, поднял голову и увидел их — две исполинские фигуры по бокам от ворот. Они стояли неподвижно, но в их каменных глазах ему почудилось что-то живое, следящее. Тогда он подумал: «Если бы они ожили, мы были бы уже мертвы». Тогда он не знал, что это просто камень. А теперь перед ним были настоящие стражи — и они действительно ожили. И теперь это он шёл против них. С глушителями. С орками. С драконидами. И каменные гиганты, которые когда-то казались ему воплоще-

нием неодолимой мощи, падали, разбиваясь на куски. Он не испытывал торжества. Только холодное удовлетворение.

— Глушители сюда! — приказал Лекс.

Дворфы работали быстро, но за каждую секунду приходилось платить. Третий Страж прорвался сквозь строй, и его кулак обрушился на расчёт глушителя. Дворф, не успевший отскочить, был раздавлен в лепёшку — только брызнула кровь и на месте удара остался сплющенный доспех. Глушитель взорвался, и волна эфирных помех накрыла улицу. Страж замер на мгновение, и этого уже хватило, чтобы Крэш, взлетев ему на спину, вонзил когти в трещину на шее. Камень хрустнул, и статуя начала рассыпаться.

Когда эфир вокруг последнего Стража погас, на мостовой осталось ещё пять тел — своих.

Лекс подошёл к телу раздавленного дворфа. Он не знал его имени — тот был одним из добровольцев, пришедших из Стальгорна. Молодой, с едва пробивающейся бородой. Он лежал, раскинув руки, его глаза на чудом уцелевшей голове были открыты, и уже безучастно смотрели в серое небо. Лекс наклонился, чтобы закрыть их, отдавая последнюю дань отважному воину.

— Мы похороним его, — сказал он. — И всех павших похороним. Со всеми почестями. Когда закончим.

Клык, стоявший рядом, ничего не ответил. Он просто смотрел на тело, его лицо было каменным. Он видел слишком много смертей, чтобы переживать над каждой. Но Лекс

знал: Клык всё равно запомнит. Он всегда запоминал.

Они так или иначе одерживали верх. Но победа приходила не красиво. Она приходила тяжело, скрипя зубами, через боль и крики. Её приходилось выдирать у врага зубами.

К часу после прорыва нижние ярусы были взяты. Улицы были завалены телами — эльфийскими, человеческими, орочьими. Дым стоял такой густой, что солнце превратилось в бледное пятно. Где-то в переулке отчаянно ржала раненая лошадь, и её ржание было страшнее любого боевого клича.

Они остановились на перекрёстке, чтобы хоть на мгновение перевести дух. Кто-то из сталкеров достал флягу с водой, кто-то просто сполз по стене, закрыв глаза. Раненых перевязывали прямо на мостовой — Серафимы и Агафьи с её товарками здесь не было, чтобы оказать помощь, и её искру, и руки женщин заменяли хоть и бинты, но всё же непростые, пропитанные серебрянкой и святой молитвой заживления, а также грубые мужские руки, не привыкшие к нежности, но исправно оказывающие первую помощь.

Грук сидел на обломках баррикады, тяжело дыша. Его топор лежал рядом, лезвие было покрыто запёкшейся кровью в несколько слоёв — эльфийской, своей, чужой. Он посмотрел на Лекса и вдруг неожиданно сказал:

— Знаешь, человек, я думал, что видел всё. Я был в битвах, где земля горела под ногами, а небо становилось красным от огня. Но это... — он обвёл рукой улицу, заваленную телами, — это другое. Здесь не было чести. Только бойня.

— Знаю, — ответил Лекс.

— И ты всё равно идёшь вперёд.

— У меня нет выбора.

Грук помолчал, потом кивнул.

— У тебя никогда его не было. Но ты всё равно встаёшь и упрямо идёшь. За это я тебя уважаю.

Он поднялся, взял свой верный топор и пошёл дальше.

Лекс на мгновение задержался, глядя на тела у стены. Он не знал имён всех, да это в принципе было невозможно — и именно это резануло сильнее всего. План был правильным. Расчёты — точными. И всё же кто-то сейчас лежал мёртвым именно потому, что он сказал «вперёд», «в атаку». Лекс не сомневался в цели и не жалел о решении, но впервые ясно понял: даже идеальная стратегия не освобождает от цены, и это судьба любого правителя и полководца. Он развернулся, не позволяя себе второго взгляда, и отдал следующий приказ.

Именно тогда Лекс вдруг понял то, что он не осознавал весь бой. Магистериум не защищает своих. Ни магов, ни солдат, ни город. Все эти ловушки, иллюзии и задержки были рассчитаны не на то, чтобы остановить или вообще победить его армию, а на износ — их и его. Мираэль вообще не пыталась удержать Шпиль. Она просто тратила время, тела и судьбы, как топливо. И эльфы под рунами, и его собственные бойцы в этом уравнении были одинаковыми переменными. От этой мысли его пробрал нестерпимый холод — не от

страха, а от ясности и ярости.

Мираэль не строила ад. Она просто убрала всё лишнее между идеей и результатом.

Осознание ударило сильнее любого заклинания. Лекс шёл дальше уже с этим холодом внутри. Теперь всё встало на свои места: почему эльфы отступали именно так, почему ловушки были рассчитаны на замедление, а не на уничтожение, почему подземные уровни до сих пор не были задействованы. Мираэль не обороняла город — она утилизировала его. Шпиль был для неё не домом и не цитаделью, а инструментом, который выполнил свою функцию и подлежал списанию.

Они вышли на площадь, и Лекс снова на мгновение остановился. Вот здесь. Вон там стоял помост, на котором продавали рабов. Он помнил запах — смесь пота, страха и дешёвого масла. Помнил, как его вывели вперёд, как кто-то грубо развернул его лицом к толпе, выкрикивая цену. Помнил, как встретился взглядом с Кор-Думом — старым дворфом, который пришёл купить раба, а купил себе друга. Помнил, как впервые увидел Айрин. Она стояла в той же толпе — не рабыня, но и не свободная, — и смотрела на него с чем-то средним между жалостью и вызовом. Тогда он не знал, кто она. Теперь она носила его ребёнка.

— Командир? — Клык тронул его за плечо. — Ты в порядке?

Лекс моргнул, стряхивая наваждение. Площадь снова ста-

ла полем боя. Он кивнул и пошёл дальше.

Над площадью повисла тишина. Оглушительная, звенящая. Тишина ожидания.

Лекс стоял у фонтана в центре площади — тот давно не работал, и чаша была заполнена не водой, а мусором и пеплом. Он смотрел на центральную башню, возвышавшуюся над городом, и думал о том, что где-то там Мираэль ждёт его. Ждёт, чтобы нанести последний удар.

Он не боялся её. Он боялся того, что она оставит после себя.

— Командир? — Клык подошёл к нему. — Передовые отряды готовы. Ждём приказа.

— Подожди, — сказал Лекс. — Дай им минуту, передохнуть.

Клык удивлённо поднял бровь.

— В разгар боя?

— Сегодня да. Они заслужили.

Клык помолчал, молча кивнул и отошёл. Лекс остался стоять у фонтана, продолжая смотреть на башню.

Бой постепенно смещался вверх, к центральной башне, где заседал Магистериум. Именно там, как докладывал Лаэрон, находилась леди Мираэль и последние из верных ей магов. Именно там будет решаться судьба Шпиля.

Мираэль знала, что проиграла, ещё за час до того, как Лекс вошёл в город.

Она не была глупой. И не была слепой. Падение барьера

она почувствовала не глазами и не ушами — оно ударило по ней через сеть, вплетённую в сам Шпиль. Как резкий обрыв нити, к которой привязано сердце.

Она стояла у панорамного окна центральной башни и смотрела вниз, на город, который называли вечным. На улицы, которые она знала поимённо. На дома, где выросла. На лаборатории, которые строила лично, кирпич за кирпичом, формула за формулой.

Магистериум не был жестоким по ошибке. Он был жестоким по расчёту.

— Наследник, — произнесла она вслух, впервые позволив себе это слово без иронии. — Ты думаешь, что я проиграла.

Она положила ладонь на кристалл управления. Потоки данных, судеб и приказов бежали под кожей, как живые.

— Но ты даже не понял, что именно ломал.

За её спиной стояли магистры. Те, кто ещё вчера клялся в верности, сейчас избегали её взгляда.

— Уходите, — сказала она спокойно. — Кто хочет — бегите. Я вас не держу.

Никто не побежал сразу. Но никто и не остался надолго.

Когда дверь за последним закрылась, Мираэль осталась одна.

И впервые за много лет — позволила себе честность.

— Азур не пришёл, — прошептала она. — Как и ожидалось.

Она не злилась. Она делала выводы.

Она повернулась к Человеку в Сером.

— Активируй протокол «Пепел».

Он замер.

— Госпожа… — голос дрогнул. — Это уничтожит всё. Архивы. Лаборатории. Даже…

— Даже доказательства, — закончила она за него. — Особенно доказательства.

Она подошла ближе. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Лекс победит сегодня. Я это принимаю. Но если он думает, что выйдет отсюда с истиной — он ошибается.

Человек в Сером сглотнул.

— Это убьёт тех, кто ещё в подземельях.

— Нет, — холодно ответила Мираэль. — Это убьёт то, кем они могли бы стать.

Она отвернулась.

— Магистериум не падёт как жертва. Он падёт как предупреждение.

Кристалл вспыхнул.

Где-то глубоко под Шпилем древние печати начали открываться — с сухим, механическим щелчком. Как у клетки, которую долго не смазывали.

— Активируй, — повторила она. — И уходи.

Когда он исчез, Мираэль позволила себе один вдох.

— Пусть Наследник увидит ад, — прошептала она. — Но не поймёт, кто его построил.

— Мы ещё встретимся, — сказала она пустому залу. — И

в следующий раз ты уже не будешь готов.

Она шагнула к потайной двери.

Перед тем как исчезнуть, она оглянулась в последний раз — в её взгляде не было ни грамма сожаления, а только холодный, профессиональный интерес. Как учёный, наблюдающий за удачным экспериментом.

— Ты сломал Шпиль, Лекс. Но ты даже не начал ломать систему.

Дверь закрылась.

А через мгновение подземелья завыли.

Подземелья взорвались.

А потом наступила тишина. Та особая, неестественная тишина, которая наступает, когда что-то, долго сдерживаемое, наконец вырывается на свободу.

Первый вход в подземелья они обнаружили за обрушенной башней — массивная решётка, сорванная с петель изнутри. Лестницы вели вниз слишком долго. Факелы горели ровно, без копоти — здесь не было сырости, только стерильная пустота. Стены были гладкими, без следов крови и борьбы, будто место никогда не предназначалось для какого бы то ни было сопротивления. Лекс поймал себя на мысли, что это не тюрьма и не лаборатория. Это хранилище. Склад того, что Магистериум счёл допустимым потерять.

— Архитектор, что это?

— Зафиксирована активация древних протоколов содержания, — ответил Архитектор. — Кто-то открыл клетки в

подземных лабораториях. На свободу вырвались эксперименты Магистериума. Химеры, кристаллические мутанты, Молчаливые Стражи с повреждёнными программами. Они движутся к поверхности.

— Сколько?

— По предварительным оценкам — не менее трёх десятков особей. Этого достаточно, чтобы уничтожить всех, кто находится на нижних ярусах.

Лекс выругался. Быстро активировал кристалл-связку.

— Всем отрядам! Кто нашел подземные ходы! Отойти от них! Повторяю: отойти от подземных входов! Грук, Крэш — зачистите нижние ярусы! Клык — ко мне!

Он развернулся и побежал вниз, к подземельям.

То, что он увидел, навсегда осталось в его памяти.

Они нашли камеры. Не все были пустыми. В некоторых лежали тела — целые, без ран, аккуратно уложенные, как образцы. В других — существа, которые дышали, но не реагировали. Магистериум не пытался сохранить им жизнь. Он сохранял результат. Лекс понял: здесь не решали, кто выживет. Здесь решали, что будет полезно дальше, а что пойдёт на переработку.

Подземелья Магистериума были не просто тюрьмой или лабораторией. Это был ад, созданный руками эльфов. Камеры, в которых десятилетиями держали людей-аномалов, пытавшихся пробудить в себе магию. Операционные столы, покрытые засохшей кровью. Стеллажи с банками, в которых

плавали заспиртованные органы — человеческие, эльфийские, и какие-то ещё непознаваемые. И записи. Горы записей — отчёты об экспериментах, дневники магов, протоколы вскрытий.

Лекс шёл по коридорам, его лицо становилось всё мрачнее. Клык, следовавший за ним, молчал. Ему не нужно было говорить — он и так всё видел. Кто-то тихо спросил, можно ли их освободить. Лекс не ответил сразу. Он смотрел на кристаллы питания, на печати с подписями магистров, на даты. Подземелья не были тайной. Они были политикой. Он дал знак двигаться дальше, понимая, что освобождение здесь — не милосердие, а приговор. И именно это делало место по-настоящему тёмным.

— Они делали это столетиями, — произнёс Клык наконец. — Столетиями, Лекс. И никто не знал. Или не хотел знать.

— Теперь узнают, — ответил Лекс. — Все узнают. Я прикажу всё задокументировать. Каждую камеру. Каждую запись. Каждый эксперимент. Пусть все видят, что здесь творилось.

Он остановился перед массивной дверью, за которой слышался чей-то стон — не звериный, не человеческий, а что-то среднее.

— А это, — сказал он, положив руку на дверь, — уничтожить. Всё. До основания. К сожалению, это не обратимо. Окажите им последнюю услугу, освободите их души от му-

чения.

Зачистка подземелий заняла остаток дня и всю ночь.

Химеры, выпущенные Мираэль, были опасны, но дезориентированы. Они бросались на всё, что движется, не разбирая своих и чужих, и большую часть перебили ещё в коридорах. Одна из них — тварь с телом льва и головой эльфа, кричащая на неизвестном языке, — прорвалась в операционный зал и убила троих бойцов, прежде чем Грук лично отсёк ей голову. Молчаливые Стражи, чьи программы были повреждены, либо застывали на месте, либо атаковали хаотично, и справиться с ними помогли, как и с другими, все те же глушители. Кристаллические мутанты — бывшие рабы, чьи тела срослись с кристаллами, — были самыми опасными. Один из них, огромный, как медведь, с торчащими из спины осколками, прошёл сквозь строй орков, как нож сквозь масло. Его остановили только объединёнными усилиями: Крэш поджарил его с фланга, а Грук отсёк ногу. Даже после этого мутант продолжал ползти, пока Клык не добил его выстрелом в голову.

Вечером того же дня Лекс стоял на вершине центральной башни Шпиля — там, где ещё вчера заседал Магистериум. Город внизу всё ещё дымился, но бои уже стихли. Эльфийские маги кто сдался, кто бежал, либо были убиты. Мираэль исчезла — её тайный ход вёл далеко за пределы города, и преследовать её сейчас не было ни сил, ни времени.

Рядом с Лексом стояли его соратники. Клык, чей отряд

понёс самые большие потери при зачистке подземелий. Грук, чьи орки первыми ворвались в пролом и первыми же приняли на себя удар эльфийской магии. Крэш, чьи дракониды сражались с яростью, удивившей даже Грука. Грым с Писком на плече — оба покрытые сажей и пылью, но живые. Кор-Дум, чьи глушители сломали оборону Шпиля. Лаэрон, чей дом Силь'Верен подтвердил свою верность союзу, прислав подкрепление в самый разгар битвы.

И конечно Айрин. Она стояла рядом с Лексом. Она вошла в город сразу после прорыва, возглавив резерв, и её присутствие на поле боя вдохновляло бойцов не меньше, чем глушители и турель.

— Мы взяли Шпиль, — сказала она. — Теперь что?

— Теперь, — ответил Лекс, — мы используем то, что нашли здесь. Знания. Артефакты. Карты. Всё, что поможет нам в войне с Пустотой. А ещё самое главное — надо понять, кто из эльфов, что сдались, не до конца погрязли во всей этой мерзости. Нам очень нужны воины и тем более маги в грядущей войне.

Он помолчал, глядя на закат.

— А потом — к богам. Но сначала — нужно разобраться с тем, что скрыто под Шпилем.

Айрин проследила за его взглядом. Туда, где в глубине скалы, под центральной башней, скрывались секреты.

— Ты думаешь, там есть ответы?

— Я думаю, там есть правда. А правда — это то, что нам

сейчас нужнее всего. Это наше главное оружие.

Он повернулся к соратникам.

— Отдыхайте. Все заслужили отдых. А завтра... завтра мы начинаем новую главу.

Соратники разошлись. Грук ушёл, прихрамывая, — его рана на бедре снова открылась, но он стойко отказался от помощи, сказав, что орки залечивают раны быстрее, чем люди сплетничают. Крэш повёл своих драконидов в нижние ярусы — там ещё оставались очаги сопротивления. Клык отправился проверять посты, а Шило, прихрамывая, как обычно поплёлся за ним, бормоча что-то о том, что «даже после победы ему нет покоя». Кор-Дум и Грым ушли проверять кузницы башни — старый дворф сказал, что хочет проверить, не повредили ли глушители при штурме, но Лекс знал: им просто нужно побыть вдвоём, а может и навестить тот дом, откуда они все бежали год назад.

Лекс и Айрин остались на вершине башни одни.

Ветер здесь, наверху, был сильным и холодным — он трепал её плащ, заставлял корону из звёздного железа звенеть, как хрустальный колокольчик. Внизу, в городе, всё ещё дымились пожары, но их уже тушили, а также простые люди пытались налаживать свой быт.

— Ты как? — спросил Лекс. — Весь день хотел спросить, но всё не было времени.

— Устала, — честно ответила она. — И замёрзла. А ещё зверски хочу есть. И ещё... — она положила руку на живот,

— этот маленький упрямец пинается так, словно тоже участвовал в штурме.

Лекс улыбнулся. Впервые за этот долгий, кровавый день.

— Можно? — спросил он, протягивая руку.

Она кивнула, и он положил ладонь на её живот. Ребёнок толкнулся — сильно, требовательно, словно хотел выбраться наружу и посмотреть, что там за шум. Лекс замер. Потом его глаза подозрительно заблестели.

— Лекс? — Айрин наклонилась, заглядывая ему в лицо. — Ты что?

— Ничего, — сказал он, отворачиваясь. — Просто... я думал, что не доживу до этого. До того, чтобы почувствовать, как он толкается. До того, чтобы стоять здесь, на вершине Шпиля, и знать, что ты рядом.

— Ты вот всегда думаешь, что не доживёшь, — мягко сказала она. — Но ты жив. Ты здесь. Мы здесь.

Она взяла его за руку — ту самую, что всё ещё лежала на её животе, — и переплела свои пальцы с его.

— Я боялась сегодня, — призналась она. — Не за себя. За тебя. Когда ты ушёл в прорыв, я стояла на холме и смотрела, как горят стены, и думала: «Только бы он вернулся. Только бы он вернулся».

— Я вернулся.

— Ты всегда возвращаешься. — Она улыбнулась, но в её глазах стояли слёзы. — Но каждый раз, когда ты уходишь, я боюсь, что этот раз будет последним.

Лекс притянул её к себе. Она прижалась к нему, положив голову ему на плечо. Корона из звёздного железа холодила его щёку.

— Знаешь, о чём я думал там, внизу? — спросил он. — Когда шёл по улицам и смотрел на всё это.

— О чём?

— О том дне, когда я впервые попал сюда. В рабской телеге. Я был никем. Просто вещью, которую везли на продажу. Я смотрел на эти стены и думал: «Я никогда не выберусь отсюда». А теперь я стою на вершине. С тобой. С нашим будущим сыном.

Айрин подняла голову и посмотрела на него.

— Ты не просто стоишь на вершине, Лекс. Ты взял этот город. Ты освободил его. Ты сделал то, что не удавалось никому за тысячу лет.

— Мы сделали, — поправил он. — Не я. Мы все вместе.

— Хорошо, — согласилась она. — Мы. Но ты был впереди, ты вёл всех. Ты всегда впереди. И я хочу, чтобы ты знал... — она помолчала, подбирая слова, — я горжусь тобой. И отец мой гордился бы таким зятем. И Зураб. И все, кто пал, чтобы мы могли стоять здесь.

Лекс ничего не ответил. Он просто обнял её ещё крепче.

Начало темнеть. Ветер усилился, и где-то внизу, в городе, который теперь принадлежал им, зажглись первые огни. Не пожары — мирные огни. Свечи в окнах. Факелы на улицах. Знаки того, что жизнь продолжается.

— Что теперь? — спросила Айрин.

— Теперь — спать, — сказал Лекс. — Завтра у нас много дел. Нужно разобрать архивы, допросить пленных, организовать похороны, укрепить стены, распределить продовольствие...

— Я не об этом, — перебила она. — Я о нас. Что теперь будет с нами?

Лекс помолчал.

— Мы будем жить, — сказал он наконец. — Растить сына. Строить новый мир. И каждый раз, когда я буду уходить, я буду возвращаться. Обещаю.

— Ты уже обещал.

— И я всегда выполняю обещания.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него всё так же теплело на сердце.

— Тогда пойдём, — сказала она. — Нам обоим нужно отдохнуть.

Они спустились с башни, держась за руки. Внизу их ждали соратники, друзья, семья. Их город. Их будущее.

Эта глава их пути была закрыта, они вернулись туда откуда всё начиналось. Новая ещё не началась. Но они уже были готовы. Как, впрочем, и всегда.

Глава 8. Кризалис

Месяц Борун, 2002 г. Э.С.
Сразу после взятия Шпиля
Зал Кризалисов глубоко под Магистериумом

К утру следующего дня подземелья были полностью зачищены. Лекс стоял в главном операционном зале и смотрел, как его бойцы выносят последние ящики с документами. Он приказал сохранить всё — каждую бумагу, каждый свиток, каждый кристалл-архив. Это была не просто добыча. Это было мощнейшее оружие. Доказательство того, что эльфийский Магистериум был не оплотом цивилизации, а адской скотобойней. Он всё ещё чувствовал запах подземелий — сухой, стерильный, с металлическим привкусом, от которого першило в горле. Этот запах, казалось, въелся в одежду, в кожу, в память. Лекс знал, что пройдут годы, прежде чем он сможет забыть то, что увидел в этих коридорах. Если вообще сможет. А потом внезапно включился Архитектор. — Наследник, в сокровищнице обнаружены предметы, которые могут вас заинтересовать. Сокровищница Магистериума находилась глубоко под центральной башней, за тремя магическими печатями, которые Архитектор взломал без особого труда. Это был огромный зал, заставленный стеллажами, сундуками и витринами. Здесь хранилось всё, что эльфы собирали столетиями — золото, драгоценности, артефакты

Древних, книги, свитки, оружие. Когда Лекс вошёл в сокровищницу, он на мгновение замер. Свет кристаллов-светильников отражался от золотых монет, рассыпанных по полу, от драгоценных камней, мерцавших в открытых ларцах, от лезвий древних мечей, развешанных по стенам. Здесь было достаточно богатств, чтобы выкупить всех рабов на континенте. Достаточно, чтобы снарядить армию. Достаточно, чтобы... чтобы что? Купить мир? Нет. Мир не покупается за золото. Но Лекса интересовало совсем не золото. — Вот, — сказал Архитектор, указывая на неприметный сундук в углу. — Записи о Кризалисах. И карты. Сундук выглядел старым, но совсем не заброшенным. Его дерево потемнело от времени, а металлические уголки покрылись патиной. Лекс опустился на колени, открыл крышку. Внутри лежали свитки — древние, пожелтевшие, но прекрасно сохранившиеся. Он развернул один из них и пробежал глазами по строкам. — Это... — начал он и осёкся. Текст был написан на языке Древних, но Архитектор услужливо переводил его прямо в сознание Лекса, так было быстрее чем Лекс читал бы это всё сам. Схемы. Описания. Протоколы. Всё, что касалось Кризалисов — добровольных узников, заточивших себя в кристаллические саркофаги ради сохранения знаний. И карта. Карта, на которой был отмечен путь к одному из таких Кризалисов. Путь, ведущий прямо под Шпиль, в глубины, о которых не знали даже магистры. — Да, Наследник, — подтвердил Архитектор. — Это описание технологии Кризалисов. И это

— карта, указывающая путь к одному из них. Он находится прямо здесь, под Шпилем. Лекс свернул свиток. Его руки дрожали — но не от усталости. От гнева. От осознания того, сколько ещё правды скрыто от мира. Сколько ещё лжи предстоит разоблачить. — Мы обязательно найдём его, — сказал он. — Но сначала — закончим то, что начали. Он повернулся к выходу из сокровищницы, где его уже ждали. Серафима ждала его в коридоре. Она не была на совете — не потому, что её не позвали, а потому, что она сама попросила разрешения заняться ранеными. Теперь, когда бои стихли, она стояла, прислонившись к стене, а её амулет Бога-Механизма мягко светился в полумраке. Она выглядела уставшей — под глазами залегли тени, а пальцы, сжимавшие посох, чуть подрагивали от напряжения. Но в её глазах горел тот же яркий огонь, что и всегда. Лекс знал её достаточно давно, чтобы понимать: она не просто устала. Она была на пределе. Весь последний месяц она работала без отдыха — лечила раненых, поддерживала дух бойцов, молилась за павших. И теперь, когда бои закончились, усталость навалилась на неё с удвоенной силой. Но она не жаловалась. Никогда не жаловалась. — Ты звал меня, — сказала она. Это был не вопрос. — Да. Ты нужна мне. Там, внизу. — Лекс кивнул в сторону лестницы, уходящей ещё глубже под Шпиль. — Что там? — Правда. Или её осколки. Серафима на мгновение прикрыла глаза. Её амулет вспыхнул ярче, словно отвечая на что-то, что она чувствовала, но не могла выразить словами. — Я пойду с то-

бой, — сказала она. — Но сначала скажи мне: ты уверен, что хочешь знать? Правда не всегда приносит облегчение. Иногда она просто... жжёт. — Я знаю, — ответил Лекс. — Но я уже даже не обжёгся, я горю от всё этой правды и не справедливости и этого достаточно, чтобы не бояться ещё одного ожога. Серафима кивнула. Она ничего не ответила, но её молчание было красноречивее любых сказанных слов. Она просто пошла за ним. Лестница, ведущая к залу Кризалисов, была не похожа на те, что они видели в верхних ярусах. Здесь не было следов спешки, разрушений или крови. Камень был гладким, отполированным, а воздух — холодным и сухим, почти стерильным. Ступени уходили вниз, в темноту, и каждый шаг эхом отдавался под сводами. Создавалось ощущение что они спускались в какой-то ухоженный бункер. А не в давно забытый склеп. Лекс включил подсветку на браслете, и луч заметался по стенам, выхватывая из мрака древние барельефы. Они изображали сцены из жизни Древних: города, парящие в облаках; корабли, бороздящие звёздное небо; фигуры в длинных одеждах, склонившиеся над чертежами. Лекс никогда не видел этих изображений, но что-то в них казалось ему смутно знакомым. Словно он уже был здесь. Словно он помнил это — не своей памятью, а чьей-то ещё. — Здесь тихо, — прошептала Серафима. Её голос дрогнул. — Слишком тихо. Они спускались долго. Лестница всё уходила вниз, и Лекс уже начал сомневаться, не ошибся ли Архитектор, когда проход внезапно расширился, и они вышли

в огромный зал. Он был... невероятным, и это мягко сказано. Своды терялись где-то вверху, в темноте, куда не доставал свет браслета. Вдоль стен, уходя в бесконечность, стояли ряды кристаллических саркофагов. Десятки. Может быть, сотни. Каждый из них был прозрачным, как замёрзшая вода, и в каждом, словно насекомое в янтаре, застыла фигура эльфа. Их лица были спокойными, почти умиротворёнными — ни следа боли, ни следа страха. Они просто спали. Или, может быть, чего-то ждали. Серафима ахнула и остановилась. Её рука сама потянулась к амулету, и тот вспыхнул ярче, словно отвечая на что-то, витавшее в этом зале. Лекс видел, как её глаза наполняются слезами — не от горя, а от благоговения. Она, жрица мёртвого бога, стояла перед живым чудом, которого не могла объяснить. — Кризалисы, — прошептала она. — Я читала о них. В старых книгах, которые сохранились после падения Ингрии. Эрвин показывал мне. Добровольные узники. Мудрецы, которые отдали свои тела и разум, чтобы служить Магистериуму вечно. Я думала, это легенда. Я думала... Она замолчала, не в силах продолжать. — Это не легенда, — тихо сказал Лекс. Он подошёл к ближайшему саркофагу и провёл рукой по холодной поверхности. Кристалл был гладким, но внутри него, на уровне, недоступном обычному зрению, что-то пульсировало — слабо, едва заметно, но несомненно живо. — Они живы. Или... что-то вроде того. Он активировал эфирное зрение и едва не отшатнулся. Саркофаги светились. Не тусклым, умирающим светом, как

кристаллы на Полях, а ровным, спокойным, золотистым сиянием. Они не были тюрьмой. Они были... домом. Убежищем. Местом, где разум мог существовать вечно, не отягощённый телом. — Зачем? — спросила Серафима. — Зачем они это сделали? Зачем отказались от всего — от жизни, от свободы, от будущего? — Сейчас узнаем. Лекс двинулся вглубь зала, и Серафима последовала за ним. Ряды саркофагов казались бесконечными. Лица эльфов были разными — молодые и старые, мужские и женские, — но всех их объединяло одно выражение: спокойное, отстранённое, словно они смотрели на мир откуда-то издалека и больше не принадлежали ему. В центре зала, на небольшом возвышении, стоял саркофаг, отличавшийся от остальных. Он был больше, массивнее, а кристалл, из которого он был сделан, светился мягким золотистым светом — не отражённым, а идущим изнутри. Фигура внутри была старой — очень старой. Эльф с длинной седой бородой, в мантии, расшитой звёздами. Его глаза были закрыты, но Лекс чувствовал: он видит. Он ждёт. — Это он, — сказал Архитектор через браслет. — Верховный Кризалис. Последний из Первого Круга. Его матрица всё ещё активна. Лекс шагнул вперёд. Цепочка на его шее потеплела. Серафима, стоявшая позади, тихо произнесла молитву — не Богу-Механизму, а самому мирозданию. И в этот момент голос зазвучал. Не вслух — прямо в сознании Лекса. Тихий, похожий на шелест песка, пересыпаемого ветром. Древний. Бесконечно древний. В нём не было угрозы, не было враждеб-

ности — только бесконечная, всеобъемлющая печаль. «Наследник... ты пришёл. Мы ждали тебя». Лекс замер. Голос звучал не снаружи, а внутри — в самой глубине его сознания, там, где слова превращались в образы, а образы — в понимание. Он чувствовал, как цепочка на шее становится теплее, словно узнавая этот голос. Словно приветствуя старого друга. — Кто ты? — спросил он вслух. «Я был Верховным магистром Первого Круга. Моё имя забыто, и это правильно. Имена не имеют значения. Имеет значение только знание». — Почему вы здесь? Почему заточили себя? Пауза. Долгая, как вдох перед прыжком в пропасть. Лекс чувствовал, как голос колеблется — не от неуверенности, а от тяжести того, что ему предстояло сказать. «Мы сделали это, чтобы сохранить правду. Ту правду, которую Магистериум скрывал тысячелетиями. Ту правду, которую ты должен узнать, если хочешь выжить в грядущей войне». Лекс переглянулся с Серафимой. Она не слышала голоса, но по выражению его лица поняла: что-то происходит. Её амулет светился всё ярче, и она сама, казалось, начала что-то чувствовать — слабое, едва уловимое эхо ментального контакта. — Говори, — сказал Лекс. И Кризалис заговорил. То, что он рассказал, перевернуло всё. Не просто изменило картину мира — оно разрушило её до основания и построило заново. Из осколков. Из пепла. Из правды, которая ждала своего часа пятнадцать тысяч лет. Эльфы никогда не были избранной расой. Они даже не были детьми богов, наследниками Древних, венцом творе-

ния. Они были мутировавшими потомками Аэтериев — одной из ветвей Изначальных, которые в последние дни Войны Мнений проводили запретные эксперименты с эфиром. Когда разразилась Эфирная Чума, Аэтерии пострадали сильнее всех. Их тела и разумы были искажены до неузнаваемости. Их память стёрта. Их величие обратилось в прах. Из этого праха и родились эльфы — не наследники, а жалкое подобие. Не творцы, а сломанные инструменты, забывшие, кем они были. И то, что раньше находилось только из осколков и обрывков. Напрямую сейчас в данный момент подтверждалось из первых уст. Люди не были скотом. Они не были созданы для рабства, для работы на полях для того, чтобы умирать под кнутом надсмотрщика. Они были созданы Древними как универсальные помощники — инженеры, администраторы, операторы сложных механизмов, как равные. Их главным отличием, их величайшим даром была полная невосприимчивость к эфиру. Именно это спасло их во время Чумы — и именно это сделало их идеальными рабами в глазах эльфов. Эльфы, утратившие знания Древних, но сохранившие даже углубившие их амбиции, в корне переписали историю. Они объявили себя хозяевами мира, а людей — своей собственностью. Истина была погребена под слоями лжи, и слои эти нарастали слой за слоем тысячелетиями. Души на Кристаллических полях не умирали. Они заточались в кристаллах, и их энергия — чистая, светлая, живая — питала эльфийскую магию. Каждый кристалл был тюрьмой. Каждый раб, погиб-

ший на полях, продолжал служить своим хозяевам даже после смерти. Его боль, его страх, его надежда — всё это превращалось в топливо для заклинаний. Тысячи душ. Десятки тысяч. И никто из них не мог уйти на покой. Серафима, стоявшая рядом, закрыла лицо руками. Её плечи дрожали. Она не слышала голоса Кризалиса, но она видела лицо Лекса. Видела, как меняется его выражение — от удивления к гневу, от гнева к боли, от боли к холодной, расчётливой ярости. И она понимала: то, что он сейчас узнаёт, изменит всё. — Души, — произнёс Лекс, и его голос был хриплым, словно он долго кричал. — Их можно освободить? «Можно. Но для этого нужен ключ. Артефакт, созданный тем, кто знал правду, но не мог её раскрыть. Он спрятан в личной лаборатории Вэл'Шана, в Старом Городе, ты в нем был, но совсем другой его части. О ней не знал никто, кроме него самого. Только этот ключ может разорвать связь между кристаллами и душами. Только он может дать им свободу». Вэл'Шан. Лекс закрыл глаза. Тот самый эльф, который когда-то преследовал его, который пытал его друзей, за его спиной стояла Нергал которая едва не уничтожил всё, что ему было дорого. И он же — единственный, кто оставил после себя ключ к спасению тысяч душ. Знал ли он, что делает? Понимал ли, что его тайная лаборатория станет последней надеждой для тех, кого он всю жизнь считал скотом? «Он не был злодеем, — произнёс Кризалис, и Лекс вздрогнул: голос ответил на его мысли. — Он был чистым продуктом системы. Он верил в то, чему его

учили десятилетиями. Но где-то глубоко внутри, в той части его души, которую он сам боялся признать, он сомневался. И эти сомнения заставили его создать ключ. На всякий случай. На случай, если система рухнет». — Где именно находится лаборатория? — спросил Лекс. Кризалис ответил. Не словами — образами. Лекс увидел карту Старого Города — той его части, куда они не спускались и даже сталкеры туда не совали нос. Увидел потайной ход, скрытый за иллюзией, которую мог развеять только хозяин или Наследник. Увидел дверь, запечатанную кровью самого Вэл'Шана — последний рубеж, который не мог преодолеть никто, кроме того, кто носил в себе эфирную метку магистра. Метку, которую Лекс получил, когда победил его. — Мы найдём его, — сказал Лекс. — Обещаю. «Я знаю. Именно поэтому я ждал тебя. Ты — не просто Наследник Древних. Ты — Наследник правды. И пока ты жив и веришь в справедливость, у этого мира есть надежда». Голос затих. Золотистое свечение саркофага поблекло, но не погасло — просто ушло вглубь, как пламя свечи, которую накрыли стеклом. Кризалис замолчал, но Лекс знал: он всё ещё здесь. Он всё ещё ждёт. Серафима подошла ближе и положила руку на плечо Лекса. — Ты в порядке? — Нет, — честно ответил он. — Но это не важно. Важно то, что мы теперь ещё раз подтвердили то, что и так знали. И теперь эту правду мы расскажем всем. — Не все поверят. — Те, кто не поверит, увидят доказательства. — Лекс кивнул в сторону выхода из зала, туда, где наверху его бойцы всё ещё вы-

носили ящики с документами из подземелий. — А те, кто не захочет видеть... что ж. Им придётся. Правда не спрашивает разрешения. Она просто приходит и остаётся. И ещё Архитектор ты записал наш разговор с кризалисом а также самое главное те записи что он мне показывал. Я знаю ты можешь такое провернуть. — Да наследник запись всего разговора, а также записи у тебя на браслете. В случае нужды ты легко их можешь воспроизвести. Он развернулся и пошёл к выходу. Но на полпути остановился и обернулся к кризалису. — Ты сказал, что вы сделали это, чтобы сохранить правду. Но почему вы не рассказали её раньше? Почему ждали пятнадцать тысяч лет? Пауза. Долгая, как сама вечность. Уже, казалось, что он не ответит. «Потому что правда без силы — это просто слова. А сила без правды — это просто насилие. Мы ждали того, кто сможет объединить и то, и другое и повести за собой. Мы ждали именно тебя». Лекс ничего не ответил. Он просто кивнул и пошёл дальше. Серафима задержалась на мгновение, глядя на саркофаг Кризалиса. Её губы беззвучно шевелились — она читала молитву. Не Богу-Механизму, не Кователю, не Лирне. Самому мирозданию. Тому, что было старше богов и древнее Древних. — Спасибо, — прошептала она. — За всю правду. Золотистое свечение на мгновение вспыхнуло ярче — словно в ответ. А потом она развернулась и пошла следом за Лексом. Наверху их уже ждали. Клык, Шило, Грук, Кор-Дум, Грым с Писком на плече. И Айрин, которая не спала всю ночь, дожидаясь возвращения мужа.

Увидев его лицо, она всё поняла без слов. — Ты знаешь, что делать дальше? — спросила она. — Знаю. — Лекс сжал её руку. — Мы идём в Старый Город. За ключом. А потом — на Кристаллические поля. Мы освободим их всех. — А потом? — А потом — к богам. Но это уже другая история. Он повернулся к соратникам. — Готовьтесь. Выступаем через два дня. Все начали расходиться. Но Серафима задержалась. Она стояла у входа в зал Кризалисов и смотрела в темноту лестницы. Лекс подошёл к ней. — Ты что-то ещё хотела сказать? — Да. — Она повернулась к нему — То, что сказал Кризалис... о людях. О том, что мы были созданы как помощники, как творцы как равные, а не как рабы. Это меняет всё. Не только для эльфов. Для нас. Для нашей веры. Для нашего понимания себя. — Я знаю. — Ты понимаешь, что это значит? Мы не просто освобождаем рабов. Мы возвращаем людям их наследие. То, что у них украли тысячелетия назад. То, о чём они даже не подозревали. Раньше это были лишь обрывки, а теперь у нас есть прямые доказательства. И даже прямые свидетели, хоть и добровольно заточенные в кристаллах. Лекс помолчал. — Именно поэтому мы должны победить, — сказал он наконец. — Не ради мести. Не ради власти. Ради правды. Ради того, чтобы люди снова стали теми, кем они были. Серафима кивнула. Она развернулась и пошла прочь, её амулет всё ещё светился — но теперь уже ровным, спокойным светом.

Глава 9. Освобождение

Месяц Хельгаст, 2002 г. Э.С.
Середина зимы
Старый Город — лаборатория Вэл'Шана, Кристаллические поля

Путь до Старого Города занял почти три дня. Они вышли затемно, когда небо над горами только начинало сереть. Отряд собрали не очень большим — Лекс не хотел привлекать лишнего внимания. Кроме него самого, шли Грым с Писком, Серафима и Эринния. Айрин настояла на том, чтобы сопровождать их, и Лекс, помня её доводы перед штурмом Шпиля, не стал спорить. Она командовала резервом в битве — сможет постоять за себя и в этом походе. В конце концов, именно на Кристаллических полях они впервые встретились. Было что-то правильное в том, что она будет рядом, когда страдающие души наконец обретут свободу и покой.

Кор-Дум остался в Шпиле — его рана всё ещё давала о себе знать, хотя старый дворф и ворчал, что «какая-то царапина» не помешает ему идти в бой, не будь он дворфом. Лекс всё же вынужден был настоять. Ему нужен был кто-то, кому он мог доверить город, и Кор-Дум, при всех его протестах, был лучшей кандидатурой.

— Присмотри за ними, — сказал Лекс на прощание, кивая в сторону оставшихся в Шпиле соратников.

— Присмотрю, — буркнул Кор-Дум. — А ты присмотри за моим сыном. Если с ним что-то случится...

— Не случится.

— Вот и славно. — Дворф хлопнул Лекса по плечу — всё ещё сильной, хоть и перевязанной рукой, — развернулся к кузнице, откуда уже доносился раскатистый стук молотов. — Возвращайся скорее. У нас ещё много работы.

И вот теперь они шли через заснеженные перевалы, туда, где в глубине гор прятался Старый Город, в котором они скрывались некоторое время. Снег скрипел под сапогами, дыхание вырывалось облачками пара, а ветер, холодный и колючий, забирался под плащи, заставляя кутаться плотнее. Но никто даже не думал жаловаться. Все знали, ради чего они идут.

Эринния шла первой. Её золотая жилка пульсировала ровно, но чем ближе они подходили к руинам, тем ярче она светилась. Бывший аватар Нергал чувствовала остаточную магию своей бывшей хозяйки — та всё ещё витала над частью Старого Города, как запах гари после пожара. Эринния не говорила об этом, но Лекс видел по её лицу: каждое прикосновение к этой магии причиняло ей боль. Не физическую — другую. Боль воспоминаний.

— Ты в порядке? — спросил он, поравнявшись с ней.

— Да, — коротко ответила она. Потом, помолчав, добавила: — Это странно. Раньше я чувствовала её присутствие как... как приказ. Как волю, которой нельзя противиться.

Теперь это просто эхо. Слабое, умирающее. Она больше не властна надо мной.

— Ты свободна.

— Да. — Эринния посмотрела на свою ладонь, на золотую жилку. — Но свобода — это страшно. Когда у тебя нет приказов, ты должен сам решать, что делать. Я всё ещё учусь этому.

— Мы все учимся, — сказал Лекс.

Старый Город встретил их тишиной. Те самые руины, где Лекс когда-то скрывался от Вэл'Шана, где нашёл свой браслет и впервые услышал голос Архитектора. Теперь они были ещё более заброшенными — время и эфирные бури не пощадили даже эти древние камни.

Эринния вела их уверенно. Она останавливалась у развилок, закрывала глаза, прислушивалась к чему-то, чего не слышали остальные, и уверенно указывала путь. Пару раз Грым с Писком находили ловушки — нажимные плиты, замаскированные под каменную крошку, растяжки, активирующие обвал, — успешно обезвреживали их. Лекс наблюдал за работой сына Кор-Дума с тихой гордостью. Мальчишка, который когда-то не мог починить простейший механизм, теперь работал как заправский инженер.

Наконец, после нескольких часов блуждания по подземным коридорам, Эринния остановилась перед глухой стеной.

— Здесь, — сказала она. — Я чувствую её магию. Она сильнее всего.

Лекс активировал эфирное зрение и увидел то, что скрывала иллюзия: массивную дверь, запечатанную сложной вязью заклинаний. В центре двери пульсировал символ — личный знак Вэл'Шана, который Лекс уже видел однажды, в его лаборатории в башне.

— Это его кровь, — сказал Архитектор через браслет. — Эфирная метка, настроенная на владельца. Только тот, кто носит в себе такую же метку, может открыть эту дверь.

Лекс подошёл ближе и положил ладонь на символ. Дверь задрожала, заклинания вспыхнули и погасли, тяжёлая каменная плита медленно отъехала в сторону. За ней открылся тёмный коридор, уходящий вглубь скалы.

— Добро пожаловать в личную лабораторию Вэл'Шана, посмотрим, что он тут прятал ото всех, — пробормотал Грым. — Надеюсь, здесь нет таких же сюрпризов, как в его башне.

— Е…сть, — отозвался Писк, сканируя проход. — Т… ри ло…ву…шки. Две маг…иче…ские, од…на меха…ни… чес…кая. О…без…вре…ди…ть?

— Обезвредь.

Писк зажужжал и пополз в темноту.

Лаборатория оказалась не такой уж большой, как ожидалось, но доверху заполненной каким-то оборудованием. Стеллажи с колбами и ретортами, верстак с инструментами, кристаллы-накопители, подключённые к сложной системе проводов и трубок. Вдоль стен стояли шкафы с книгами

и свитками — личные записи Вэл'Шана, которые он не доверял никому.

Но внимание Лекса привлекло другое. В центре лаборатории, на небольшом постаменте, лежал кристаллический жезл. Он был длиной около локтя, тонкий, изящный, с навершием в виде огранённого кристалла. Он светился. Не багровым, не золотым — чистым, белым светом, который, казалось, исходил из самой его сути.

— Это он, — прошептал Лекс. — Ключ, за которым мы пришли.

— Да, Наследник, — подтвердил Архитектор. — Артефакт, созданный Вэл'Шаном для разрыва связи между кристаллами и душами. Принцип действия основан на инверсии эфирного потока. Проще говоря, он обращает процесс заточения вспять.

Лекс осторожно взял жезл в руки. Тот был тёплым — не обжигающим, а каким-то приятно тёплым, как рука матери или любимой. Он вибрировал, словно живое существо, словно ждал именно этого момента тысячи лет.

— Идём, нам нужно возвращаться, — сказал Лекс. — У нас мало времени.

Кристаллические поля встретили их снегом. Они вышли из подземного хода на рассвете четвёртого дня, и первое, что увидел Лекс, было белое покрывало, укрывшее землю до самого горизонта. Снег лежал повсюду — на камнях, на развалинах старых бараков, на кристаллах. Но даже сквозь снег

было видно, как кристаллы мерцают — тусклым, багровым болезненным светом, который не имел ничего общего с тем золотистым сиянием, что Лекс видел в зале Кризалисов. Эти кристаллы не были домом. Они были тюрьмой.

Айрин стояла рядом, её лицо было бледным. Она помнила эти поля, хоть она и не работала на них. Но иногда приезжала с Кор-Думом. И то, что она видела, невозможно забыть. Она помнила запах — смесь пота, страха и дешёвого масла, который, казалось, никогда не выветривался отсюда. Помнила, как её, тогда ещё совсем юную, привезли сюда после падения Ингрии. Помнила, как она впервые увидела Лекса — грязного, избитого, но несломленного. Она не думала тогда, что когда-нибудь вернётся сюда. И уж точно не думала, что вернётся, чтобы освободить тех, кто остался здесь навсегда.

— Ты как? — спросил Лекс, беря её за руку.

— Держусь, — ответила она. — Просто... это место. Оно всё ещё пахнет смертью.

— Сегодня это изменится.

Он вышел в центр поля — туда, где когда-то стоял его барак. Снег скрипел под ногами. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись ряды кристаллов — одни размером с кулак, другие выше человеческого роста. И в каждом из них, словно муха в янтаре, застыла душа.

Лекс неуверенно поднял жезл. Тот вспыхнул ярче, он почувствовал, как артефакт резонирует с его собственной эфирной меткой. Архитектор начал читать протокол, но

Лекс уже не слушал его. Он активировал эфирное зрение — и ошеломлённо замер.

Он видел сеть. Миллионы, миллиарды тонких нитей, связывающих кристаллы и души. Они были повсюду — под землёй, над землёй, в воздухе. Они пульсировали, переливались, и каждая нить была чьей-то болью. Чьим-то страхом. Чьей-то надеждой, которая так и не сбылась. Все эти нити вырабатывали эфир на людских страданиях.

Лекс, стиснув зубы, уже не сомневаясь поднял жезл над головой, активируя его. И сразу будто провалился куда-то в глубину.

Первый миг не было ни света, ни образов — только темнота и ощущение собственного тела. Лекса будто вывернуло изнутри. Воздух исчез, лёгкие схлопнулись, словно их сжали чужие ладони, он рефлекторно дёрнулся, пытаясь вдохнуть, но грудь не слушалась. По позвоночнику прошёл сухой, ломающий спазм — не боль, а запрет, приказ телу перестать существовать в привычной форме. Кожа загорелась сразу вся, не огнём — а жаром, как если бы его опустили в расплавленный металл и тут же вытащили, оставив это ощущение жить внутри. Сердце ударило раз, второй — и сбилось, перескакивая, будто не находило, за что зацепиться в новом ритме. Он почувствовал собственную кровь — не как поток, а как давление, как миллионы крошечных игл под кожей. Пальцы свело, челюсти сжались так, что в висках хрустнуло, боль была невыносимой, и где-то там, на краю сознания, мелькнула

сухая, почти равнодушная мысль: вот так тело ломается перед смертью.

И только после всего этого пришли голоса.

Сначала он почувствовал, как артефакт пропускает через него эфир — не грубо, но настойчиво, словно прося разрешения. Лекс дал его. Артефакт перестроил его тело, он открыл себя полностью, позволяя жезлу черпать его силу, его волю, его решимость.

Следом пришла вибрация. Низкая, глубокая, проходящая сквозь всё тело. Она началась где-то в животе, поднялась к груди, к горлу, к голове. Лекс чувствовал, как его зубы начинают ныть, а перед глазами плывут круги. Но он, призвав всю свою волю, даже не думал останавливаться.

В этот момент перед ним начали всплывать лица. Все, кого он повстречал на своём пути. Старик, который учил его выживать в бараке и умер у него на руках, но не рабом, а свободным человеком. Молодая женщина, которая пыталась бежать вместе с ним и была застрелена. Мальчишка, плакавший по ночам и звавший мать. Зураб, Пахом, Егор — все, кого он потерял. Тысячи других, чьи имена он уже не помнил, но чью боль теперь чувствовал, как свою. Вина обожгла грудь: «Я должен был прийти раньше… Я был слишком слаб, слишком занят выживанием, слишком медлил…» Слёзы смешались с кровью, но он продолжал. Эта боль была платой. И он готов был платить.

— Лекс! — крикнула Айрин, делая шаг вперёд, но Сера-

фима удержала её. — Не сейчас, — прошептала жрица. — Он должен пройти этот путь сам.

Жезл вспыхнул ещё более ослепительным белым светом. И в этот момент Лекс увидел их всех. Души. Тысячи, десятки тысяч. Мужчины, женщины, дети — те, кто погиб на этих полях за долгие столетия. Они смотрели на него — с тихой, бесконечной благодарностью. Они ждали. Они верили в него, в его волю.

Лекс, видя и чувствуя всё это, начал ритуал. Он не знал, как именно это делать. Никто не учил его этому. Но жезл, казалось, сам вёл его — направлял эфир, разрывал нити одну за другой, высвобождал души из их хрустальных вечных тюрем. С каждой разорванной нитью Лекс чувствовал, как что-то внутри него меняется. Словно он сам становился частью этого процесса — не просто проводником, а соучастником. Соискупителем.

Из носа потекла кровь. Тёплая, липкая, она стекала по губам, по подбородку, капала на снег. Но боли не было. Только усталость — глубокая, всепоглощающая, словно он только что пробежал десятки миль без остановки.

— Наследник, — произнёс Архитектор, в его голосе — впервые за всё время — прозвучало что-то похожее на тревогу. — Уровень эфирной нагрузки превышает все расчётные показатели. Рекомендую прекратить.

— Нет, — выдавил Лекс. — Мы закончим это раз и навсегда.

И он продолжил, ещё крепче стиснув зубы.

И вот в какой-то момент души начали вырываться на свободу. Визуально это было похоже на взрыв — но беззвучный, без огня и дыма. Просто в воздухе одна за другой начали появляться светящиеся фигуры. Полупрозрачные, сотканные из чистого света, они парили над кристаллами, их лица — те самые, что когда-то были искажены болью и страхом, — теперь были спокойными. Умиротворёнными. Свободными.

Старик, умерший на этом поле сорок лет назад, улыбнулся и растворился в небе. Женщина, погибшая при попытке побега, протянула руки к солнцу — и исчезла. Ребёнок, так и не узнавший, что такое детство и свобода, на мгновение задержался, словно не решаясь уходить, и растаял, оставив после себя только слабое свечение.

Тысячи и тысячи душ. Они поднимались вверх, к серому зимнему небу, их свет был таким ярким, что на мгновение стало казаться, будто с неба льётся волшебный водопад. Серафима упала на колени, по её щекам текли слёзы — благоговения. Она видела чудо. Она видела то, о чём молилась всю свою жизнь, но во что до конца так и не могла поверить. Эринния же напротив стояла неподвижно, её золотая жилка пульсировала в такт уходящим душам. Её лицо было спокойным, но в глазах так же стояли слёзы.

— Я чувствую их, — прошептала она. — Они свободны. Они... благодарят. Они благодарят тебя, Лекс.

Айрин не плакала. Она смотрела на души, уходящие в

небо, в её глазах была только гордость. Гордость за человека, который когда-то был просто рабом на этих полях, а теперь освобождал тех, кто был здесь заточён столетиями. Её муж. Её король. Её единственная любовь.

Грым стоял рядом с ней, Писк на его плече тихо жужжал, сканируя происходящее.

— Я не понимаю, — пробормотал Грым. — Как это работает? Это же нарушает все законы эфира. Все законы магии.

— Это уже не магия, — ответила Айрин. — Это чудо.

Когда последняя душа растаяла в небе, Лекс рухнул. Он упал на колени, потом на бок в снег. И снег, попавший за воротник, обжёг холодом. С трудом лёг на спину, он лежал, глядя в серое небо, и чувствовал, как жезл выскальзывает из ослабевших пальцев, сделав то единственное, для чего был создан. Тело было чужим, непослушным, словно он только что заново учился им управлять. Но внутри — внутри было тепло. Тепло и покой.

Айрин бросилась к нему первой. Она опустилась рядом, подняла его голову, положила себе на колени. Её пальцы пробежали по его лицу, стирая кровь.

— Ты жив, ты смог? — спросила она с дрожью в голосе.

— Кажется, — прохрипел он. — Проверь пульс на всякий случай.

— Дурак. — Она улыбнулась, и в этой улыбке было всё: страх, облегчение, любовь. — Ты хоть понимаешь, что ты только что сделал?

— Освободил несколько тысяч душ. — Он попытался усмехнуться, но вышло больше похоже на гримасу боли. — Мелочь.

— Это не мелочь. — Серафима подошла и опустилась рядом. Её лицо всё ещё было мокрым от слёз, но глаза горели огнём, который Лекс видел в ней с самой первой встречи. — Ты сделал то, что не удавалось никому за всю историю этого мира. Ты освободил невинных. Ты дал им покой.

— Это не я, — сказал Лекс. — Это все мы. Все, кто боролся. Все, кто погиб. Все, кто верил и дошёл до этого дня.

Он попытался сесть, и мир на мгновение поплыл перед глазами. Айрин поддержала его, он благодарно сжал её руку.

А потом он понял. Боль ушла. Не та боль, что приходит после долгого боя или тяжёлой работы. Другая. Та, что сопровождала его с самого первого дня в этом мире. Боль от эфирного зрения — тупая, ноющая, выкручивающая виски, — исчезла. Он чувствовал эфир, чувствовал его течение, его пульсацию, но это больше не причиняло страданий, как будто это стало частью его.

И не только это. Он посмотрел на жезл, лежащий на снегу, и вдруг увидел его прошлое. Увидел, как Вэл'Шан создавал его — долгими ночами, в тайне от всех, терзаемый сомнениями. Увидел, как он прятал его здесь, надеясь, что никогда не придётся им воспользоваться. Увидел его страх — перед правдой, которую он не решался принять.

Он посмотрел на Айрин и увидел её будущее. Не ясное, не

определённое — скорее, вероятности, развилки, возможные пути. Их сын. Их дом. Их победа. Это было похоже на карту, нарисованную акварелью — контуры размыты, но общий рисунок угадывался. Ведь будущее ещё не определено.

— Лекс? — Айрин заглянула ему в лицо. — Что с тобой?

— Я... — Он помолчал, пытаясь подобрать слова. — Я вижу. По-другому. Не так, как раньше. Я вижу прошлое вещей. Их память. И их возможное будущее.

— Это дар, — тихо произнесла Эринния. Она подошла ближе, и её золотая жилка пульсировала в такт его сердцу. — Мироздание наградило тебя. За освобождение невинных. За то, что ты сделал то, на что не решился никто до тебя.

— Это не награда, — возразил Лекс. — Это... ответственность. Теперь я вижу ещё больше. Чувствую ещё больше. И я не могу закрыть на это глаза.

— Ты и раньше не мог, — сказала Айрин. — В этом весь ты.

Он посмотрел на неё — на её лицо, на её улыбку, на корону из звёздного железа, которая мерцала на её голове даже здесь, посреди заснеженного поля. Он посмотрел на Серафиму, чей амулет всё ещё светился ровным золотистым светом. На Эриннию, чья жилка пульсировала спокойно и размеренно. На Грыма, своего бывшего ученика — мальчишку, ставшего мужчиной, и его верного железного друга.

И в этот момент он понял: они победят, не имеют права не победить. Не потому, что у них есть оружие, магия или

технологии Древних. А потому, что они — вместе. Потому, что они верят друг в друга. Потому, что они готовы отдать всё ради тех, кого даже не знают.

— Идём, — сказал он, поднимаясь. — Нам нужно возвращаться. Нас ждут.

— Ты уверен, что можешь идти? — спросила Айрин.

— Нет, солнце моё. Но я пойду.

Она покачала головой, но ничего не сказала. Просто взяла его за руку, и они пошли прочь от Кристаллических полей, которые теперь были просто полями. Обычными, пустыми, заснеженными. Без боли. Без страха. Без заточённых душ.

Свободными.

Эфирный резонанс от освобождения душ прокатился по всему Айросу. Его почувствовали все, кто был хоть немного чувствителен к эфиру. Маги, что остались после победы Лекса в Стальном Шпиле, замерли на полуслове. Жрецы в Механосе прервали молитвы. Кователь в своей небесной кузнице поднял голову и улыбнулся — впервые за долгое время. Лирна, богиня жизни, заплакала — её слёзы, упавшие на землю, превратились в первые весенние цветы, пробившиеся сквозь снег. А где-то далеко на севере, в Чёрной цитадели, Верховный Лич Архон почувствовал этот резонанс и понял: Наследник сделал ещё один шаг. И этот шаг приближал их финальную встречу.

Но это всё было потом. А сейчас Лекс шёл через заснеженные поля, опираясь на плечо Айрин, в его груди, там, где

раньше была только боль и решимость, теперь горел новый огонь. Огонь надежды. Огонь веры. Огонь, который не могла погасить даже сама Пустота.

Глава 10. Сбор ингрийцев

Месяц Хельгаст — Ингвар, 2002-2003 гг. Э.С.
Несколько недель спустя
Лагеря беженцев-ингрийцев в лесах и предгорьях, Стальной Шпиль

Весть о том, что королева Ингрии созывает свой народ, разнеслась по землям Айроса быстрее, чем зимний ветер разносит холод по земле. Это было как долгожданный глоток воздуха для тех, кто уже почти перестал дышать.

Айрин разослала гонцов на четвёртый день после возвращения вместе с Лексом с Кристаллических полей. Она стояла в том самом зале, где когда-то заседал Магистериум, а теперь висели карты с пометками, а по углам стояли трофейные знамёна. Сердце у неё билось часто и сильно, ладони слегка вспотели, когда она диктовала послание Эрвину. Старый ингриец записывал его на пергаменте — медленно, старательно, выводя каждую букву с той особой тщательностью, с которой пишут только очень важные послания.

«Ингрия не погибла. Мы здесь. Я жду вас. Приходите все — мужчины, женщины, старики, дети. Приходите, чтобы снова стать единым народом». Возродить потерянное.

Она не стала добавлять ничего про корону, про победы, про Шпиль. Не стала упоминать ни о богах, ни о Пустоте, ни

о грядущей войне. Только это. Простые слова. Слова, которых её народ не слышал уже много лет. Слова, которых многие уже и не надеялись услышать уже никогда. Внутри у неё самой дрожало — она понимала, какую огромную надежду сейчас дарит людям, и как страшно будет, если они не поверят.

Эрвин дописал последнюю строку, посыпал пергамент песком, стряхнул его и поднял глаза на Айрин.

— Ты уверена, что они придут?

— Они ждали этого много лет, — ответила она, хотя в груди у неё самой было тревожно. — Они придут, не могут не прийти.

— Многие боятся. Многие забыли, что значит быть свободными. Некоторые даже не знают — они родились уже после падения.

— Значит, мы им напомним, покажем, что значит свобода, — тихо сказала она, положив руку на живот.

Эрвин кивнул, отнёс пергамент писцам, которые сделали с него копий. А на рассвете следующего дня гонцы выехали из ворот Шпиля, разъехались во все стороны — на север, к лесам, где всё ещё прятались выжившие; на восток, к предгорьям, где ютились беглецы; на запад, к побережью, где рыбацкие деревушки скрывали тех, кто не желал больше жить под гнётом эльфов.

Каждый гонец вёз с собой не только свиток, но и весть — устную, живую, передаваемую от человека к человеку. «Ко-

ролевская династия вернулась. Шпиль пал. Ингрия возрождается». Эти слова передавали, где шёпотом на рынках от человека к человеку, а где-то выкрикивали на перекрёстках, вырезали на коре деревьев. Они расходились кругами, как волны от брошенного в воду камня. И волны эти достигали самых дальних уголков.

Первые отряды начали прибывать уже через неделю после отправки гонцов.

Они шли пешком. Ехали на старых телегах, запряжённых низкорослыми лошадёнками и горными пони. Вели за собой детей, несли на руках младенцев, поддерживали стариков. Их одежда была настолько изношена до дыр, а где-то это были вообще грязные тряпки, обмотанные вокруг тела, обувь разваливалась на ходу, а кто-то шёл вовсе босиком, и всё же в глазах, несмотря на усталость, горел тот самый огонь, который не могли погасить десять лет рабства, скитаний и страха. Огонь надежды. Огонь веры. Огонь народа, который отказывался покорно умирать.

Первым прибыл отряд из северных лесов — более трёхсот человек. Они вышли из чащи, где скрывались со времён падения Ингрии, и теперь стояли у ворот Шпиля, щурясь от яркого зимнего солнца, отражавшегося от снега. Многие из них никогда не видели такого большого города. Дети жались к матерям, мужчины сжимали в руках топоры и луки — оружие и инструмент, с которым они охотились в лесах, чтобы выжить. Старики молча смотрели на башни Шпиля, в их гла-

зах стояли слёзы.

Айрин вышла к ним сама. Она была в простом платье, без доспеха, и только корона из звёздного железа мерцала на её голове. Живот, уже заметно округлившийся, она не пыталась скрывать — наоборот, держалась прямо, словно несла его как знамя. Как символ того, что жизнь продолжается. Сердце у неё сжималось от жалости и одновременно от огромной гордости за этих людей.

— Добро пожаловать домой, — сказала она, и её голос дрогнул. — Вы — первые. Но верю, что далеко не последние.

Старый охотник, стоявший впереди, опустился на одно колено. За ним — его сыновья. За ними — их жёны и дети. А следом и все остальные, как волна за волной, ряд за рядом. Триста человек стояли на коленях в снегу перед своей королевой, многие из них не смогли сдержать слез.

Айрин шагнула вперёд и подняла старика за плечи.

— Нет, — сказала она, чувствуя, как у самой щиплет в глазах. — Не смейте вставать на колени. Никогда больше. Мы — были и есть свободный народ.

Старик посмотрел на неё, его глаза — уже выцветшие, старческие, но всё ещё живые — наполнились слезами.

— Я думал, что умру рабом, — прошептал он дрожащим голосом. — Я думал, что мои дети тоже умрут рабами. А теперь...

— А теперь вы будете жить свободными, какими и родились изначально, — закончила Айрин, с трудом сдерживая

собственные слёзы. — Все вы. Все мы.

За первым отрядом последовали многие другие. Они прибывали каждый день — по несколько десятков, по несколько сотен, иногда приходили по одному и семьями. Из восточных предгорий, где выжившие ингрийцы ютились в пещерах и заброшенных шахтах. Из западных рыбацких деревушек, где они скрывались под чужими именами, или вообще не показывались на глаза чужакам. Из южных равнин, где они работали на эльфийских фермах, притворяясь покорными рабами. Из всех уголков континента, куда разбросала их война.

Айрин встречала каждую группу лично. Она не могла поступить иначе — не хотела иначе. Это был её народ. Её кровь. Её ответственность. Она стояла у ворот, несмотря на холод, несмотря на усталость, несмотря на протесты Серафимы, которая умоляла её поберечь себя и ребёнка. Она пожимала руки мужчинам, обнимала женщин, гладила детей по головам. Она старалась запоминать имена. Спрашивала, откуда они, как добрались, нужна ли им какая-то помощь на данный момент. И каждому, кто опускался перед ней на колени, она говорила одно и то же: «Встаньте. Мы — свободный народ».

Эрвин стоял на стене и считал. Он так же делал это каждый день, с самого первого прибытия, и каждый раз его губы шептали одни и те же слова раз за разом. Сначала — «Восемьсот». Потом — «Полторы тысячи». Потом — «Две тысячи двести». А потом, когда в город вошла колонна из юж-

ных равнин — почти семьсот человек, которые шли пешком две недели, — он замолчал и долго не мог произнести ни одного слова.

— Четыре тысячи, — прошептал он наконец. — Господи... Больше четырех тысяч.

Клык, стоявший рядом, хлопнул его по плечу.

— И это ещё не все, старик. Гонцы говорят, с севера идут ещё.

— Ещё? Боже! — Эрвин покачал головой, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Я думал, нас осталось всего не больше тысячи. Думал, что мы — последние. А нас... четыре тысячи.

— Выжили, — сказал Клык. — Вы, ингрийцы, живучие, как тараканы.

Эрвин усмехнулся, но в его глазах стояли слёзы.

Прибывших расселяли по всему Шпилю. Нижние ярусы, которые ещё недавно были полем боя, теперь превратились в огромный лагерь. Повсюду горели костры, дымились походные кухни, сушилась одежда. Дети бегали между палатками, играя в догонялки и прятки. Женщины стирали бельё в больших чанах с горячей водой, которую грели на кострах. Мужчины чинили оружие, мастерили мебель, укрепляли стены. Старики сидели у огня и рассказывали истории — о той старой Ингрии, о короле Харальде, о битвах, которые они ещё помнили. Молодёжь слушала их, затаив дыхание.

Айрин ходила среди них каждый день. Она не просто по-

являлась на балконе, чтобы помахать рукой, — она спускалась вниз, в самое сердце к своему народу. Садилась у костров, пробовала еду из общего котла, слушала жалобы и просьбы. Она была королевой, но не пряталась за стенами тронного зала. Она была одной из них.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось за горы, она сидела у костра с группой женщин, которые шили одежду для новорождённых. Их было пятеро — все разного возраста, от молодой девушки, которая ждала первенца, до седой старухи, которая приняла на руки не один десяток младенцев. Они смеялись, переговаривались, делились новостями. Айрин слушала их и улыбалась, чувствуя, как внутри разливается тёплое, почти забытое ощущение дома.

— Ваше Величество, — обратилась к ней одна из женщин, — а правду говорят, что ваш муж — Наследник Древних? Что он может говорить с машинами?

— Правда, — ответила Айрин.

— А что он освободил заточённые души на Кристаллических полях?

— Да.

Женщина ненадолго замолчала, переваривая услышанное. Потом всё же тихо произнесла:

— Мой муж погиб на этих полях. Десять лет назад. Я знала, что его душа так и осталась там, запертая в кристалле. Обречённая на вечные муки. А теперь... теперь он свободен.

Айрин взяла её за руку, чувствуя, как у самой щиплет гла-

за.

— Он свободен. Они все свободны. Они обрели покой.

Женщина заплакала — тихо, беззвучно, только слёзы текли по её щекам. Айрин обняла её крепко и держала так, пока та не выплакалась. Остальные женщины молчали, не смея нарушить момент обретения успокоения и счастья. Но и в их глазах тоже стояли слёзы.

Воссоединение семей было, пожалуй, одним из самых трогательных моментов. Люди, которые не видели друг друга много лет, которые считали своих близких уже давно погибшими, вдруг находили их среди прибывших. Братья обнимали братьев. Матери находили детей, которых считали потерянными уже навсегда. Мужья и жёны, разделённые войной, падали друг другу в объятия и уже не могли разжать рук, рыдая от счастья и боли одновременно.

Эрвин видел это каждый день. Он стоял у ворот и смотрел, как люди плачут от счастья, и его собственное сердце, закалённое годами войны и потерь, сжималось от этих сцен. Он вспоминал свою жену, своих детей, которые погибли еще при падении Ингрии. Их уже не вернуть. Но эти люди — они вернулись. Они нашли друг друга, у них есть шанс начать все заново. И это было великое чудо.

Однажды к нему подошёл старый воин, которого он знал ещё по службе при дворе Харальда. Его звали Радмир. Они вместе сражались при осаде столицы, вместе отступали, вместе потеряли всё. Эрвин думал, что Радмир погиб — не ви-

дел его с того самого дня, как пала Ингрия. А теперь он стоял перед ним, весь седой, израненный, но всё же живой.

— Радмир, — прошептал Эрвин дрожащим голосом. — Ты жив.

— Как видишь старина, — усмехнулся тот. — Хотя пару раз и был на волосок от смерти.

Они обнялись — два старика, прошедшие через ад и выжившие. И в этом объятии было больше чувств, чем в любых словах сказанных при встрече старых друзей.

А по вечерам, когда работа уже затихала и город погружался в сумерки, ингрийцы пели.

Сначала кто-то затягивал старую песню — «Волки севера, встаём из тьмы», — её подхватывали десятки голосов. Потом следом запевали другую — «Кузнец своего счастья», — и её тоже подхватывали. Песни звучали над Шпилем каждую ночь, в них была вся боль, вся надежда, вся вера народа, который так упорно отказывался умирать.

Одним вечером, когда луна уже взошла над горами, Айрин вышла на балкон и тоже запела вместе со всеми. Её голос — чистый, сильный, — вплёлся в общий хор, и на мгновение все замолчали, слушая только её. А потом подхватили с новой силой, и песня взмыла в небо, к звёздам, к богам, к предкам, которые смотрели с гордостью на них из-за грани.

Эрвин, стоявший у стены, слушал и плакал. Он не стыдился этих слёз. Он ждал этого момента много лет.

— Больше четырех тысяч, — прошептал он. — Господи...

Четыре тысячи.

А песня всё продолжала звучать.

На третью неделю, когда поток прибывших начал потихоньку иссякать, Айрин собрала всех ингрийцев на главной площади Шпиля. Они стояли плотно плечом к плечу, заполнив всё пространство от фонтана до стен, но никто даже и не думал жаловаться на тесноту. Они все в этот момент чувствовали не дискомфорт, а единство и общность народа. Плечом к плечу. Более пяти тысяч человек — мужчины, женщины, дети, старики. Пять тысяч причин, по которым стоило бороться. Пять тысяч надежд на будущее.

Айрин вышла на балкон. На ней было то же простое платье, что и в день коронации. Корона из звёздного железа неизменно мерцала на её голове. Живот, теперь уже большой, седьмой месяц, был виден всем.

А ветер, холодный и сильный, трепал её волосы, но она всё так же стояла прямо и гордо.

— Мой народ, — сказала она, её голос разнёсся над всей площадью, отражаясь от каменных стен, и каждый мог услышать её, не прилагая усилий. — Десять лет назад Ингрия пала. Десять лет нас убивали, преследовали, стирали из памяти мира. Десять лет мы прятались в лесах, в пещерах, в подвалах, ожидая смерти. Нас почти уничтожили, нас осталось не так много, как изначально. Но мы всё же выжили. Мы выстояли. Мы смогли сохранить свою веру, свою память, свою кровь.

Она замолчала на мгновение, обводя взглядом толпу, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Сегодня нас здесь более пяти тысяч. Пять тысяч — это не просто какое-то число. Это те, кто прошёл через ад и не сломался. Те, кто сохранил надежду, когда надеяться было почти не на что. Те, кто не потерял веру, что однажды мы снова станем единым народом. И вот этот день настал.

Она подняла руку, и корона на её голове вспыхнула ярче.

— С сегодняшнего дня нет больше беглецов. Нет больше изгнанников. Нет больше рабов. Мы — как и ранее свободный народ. Мы — Ингрия. И мы никогда больше не встанем на колени.

Толпа взорвалась криками. Люди плакали, обнимались, смеялись. Кто-то запел — и через мгновение вся площадь пела. Старый гимн Ингрии, который не звучал десять лет, теперь гремел над Шпилем, и его слышали все — и люди, и дворфы, и эльфы, которые ещё оставались в городе.

Эрвин, стоявший рядом с Айрин, вытирал глаза.

— Твой отец гордился бы тобой, — прошептал он.

— Я знаю, — ответила она. — И он здесь. Он смотрит на нас.

Она положила руку на живот и улыбнулась сквозь слёзы.

— И не только он.

Поздно вечером, когда праздник начал стихать, а люди разошлись по своим домам и палаткам, Айрин стояла на балконе одна. Внизу, в городе, всё ещё горели костры и слыша-

лись песни. Ветер доносил обрывки разговоров, смех, плач — всё смешалось в единый гул жизни.

К ней подошёл Лекс. Он вернулся только что — весь день провёл в кузнице с Кор-Думом, обсуждая производство оружия. Увидев жену, он остановился на мгновение, долго смотрел на неё: на её лицо, освещённое лунным светом, на мерцающую корону, на округлившийся живот. На ту улыбку, от которой у него до сих пор теплело в груди.

Он подошёл ближе и обнял её сзади, осторожно, словно боялся потревожить ребёнка. Айрин откинулась назад, прижимаясь к нему спиной.

— Ты сделала это, — тихо сказал он, уткнувшись носом в её волосы. — Ты собрала их. Я видел, как ты сегодня стояла на площади… У меня просто слов не было.

— Мы сделали, — поправила она мягко, кладя свои ладони поверх его рук на своём животе. — Ты дал им надежду. Я просто позвала.

— Ты не «просто позвала», — усмехнулся Лекс. — Ты вышла к ним, как настоящая королева. А я в это время в кузнице с Кор-Думом спорил, сколько глушителей мы успеем сделать. Чувствовал себя немного… не на своём месте.

Айрин тихо рассмеялась, поворачиваясь к нему лицом.

— Бедный мой инженер. Пока я тут разыгрывала великую королеву, ты спасал мир молотом и шестерёнками. Как романтично.

— Эй, не смейся, — он улыбнулся, проводя большим

пальцем по её щеке. — Без моих шестерёнок твоя корона быстро бы слетела. А ты… ты сегодня была невероятной. Я смотрел на тебя и думал: вот она — моя Айрин. Та самая девчонка, которую я когда-то увидел на Кристаллических полях. А теперь… — он опустил взгляд на её живот, — теперь ты носишь нашего сына и собираешь целый народ.

В его голосе было столько тепла и гордости, что у Айрин защемило в груди. Она приподнялась на носочки и поцеловала его — медленно, нежно, с той глубокой любовью, которая росла между ними с каждым днём.

— Я боялась, что они не придут, — тихо призналась она, когда их губы разъединились. — А теперь… теперь я смотрю вниз и не могу поверить. Столько людей. Столько жизней. И всё это… ради нас.

Лекс крепче обнял её, положив подбородок ей на макушку.

— Не ради нас. Ради тебя. Они пришли, потому что поверили в тебя. Как и я когда-то поверил.

Айрин улыбнулась, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Знаешь, о чём я думаю? Когда всё закончится, не если, а когда мы окончательно победим, мы построим новую Ингрию. Не здесь, в Шпиле. Там, на севере, где и была наша столица. Мы отстроим её заново. Ещё более богатую и красивую. И каждый, кто хочет, сможет вернуться туда.

— Хороший план, — сказал Лекс, целуя её в висок. — Мне нравится. Только с одним условием.

— Каким? — она подняла на него глаза.

— Чтобы в новой столице у меня была своя кузница. И чтобы ты иногда приходила ко мне в испачканном платье и говорила: «Лекс, почини мне корону, она опять сломалась».

Айрин рассмеялась — светло и искренне, прижимаясь к нему сильнее.

— Договорились. А ты будешь иногда оставлять свои шестерёнки и приходить ко мне на тронный зал, чтобы просто обнять свою королеву.

— Обещаю, — прошептал он. — Каждый день.

Они стояли на балконе вдвоём, обнявшись, глядя на город, который теперь принадлежал им. Где-то внизу всё ещё звучали песни. Где-то плакал ребёнок. Где-то смеялись женщины. Жизнь продолжалась.

И это было самое главное.

Глава 11. Тайный Совет

Месяц Ингвар, 2003 г. Э.С.
Шпиль — дальние комнаты

К сожалению, не все были рады и довольны тем, как складывалась жизнь. Некоторые люди так и не оставили своих грязных планов.

Комната, которую выбрали для встречи, находилась в самом дальнем крыле восточной башни — там, куда ещё не добрались ремонтные бригады, да и вообще люди редко туда заходили. Стены здесь всё ещё были покрыты копотью от недавних пожаров, а окна заколочены досками, сквозь которые свистел холодный зимний ветер. Единственный источник света — три масляные лампы, поставленные на перевёрнутый ящик, — отбрасывал на стены дрожащие тени, отчего лица собравшихся казались искажёнными, почти демоническими.

Их было пятеро. Пятеро старейшин Тайного Совета Ингрии — те, кто пережил падение королевства и сохранил остатки власти над разрозненными группами выживших. Они сидели на грубо сколоченных табуретах и старых бочках, кутаясь в плащи, и молча смотрели друг на друга, ожидая, пока кто-то первый не начнёт. В воздухе висело тяжёлое, удушливое напряжение — смесь страха, злобы, обиды и отчаяния.

Первым, как всегда, заговорил Ольгерд.

Он был самым старшим из них — седой, с длинной бородой, заплетённой в две косы по-старому ингрийскому обычаю. Его лицо, изрезанное морщинами, напоминало карту вымерших земель, а глаза — глубоко посаженные, тёмные — смотрели с той особой цепкостью, которая появляется у людей, привыкших выживать любой ценой. Сейчас же в этих глазах кипела едва сдерживаемая ярость.

— Итак, — произнёс он, его голос, низкий и скрипучий, разнёсся по комнате, — мы все знаем, зачем мы все сегодня собрались. Айрин носит корону, но кто на самом деле держит бразды правления? Чужак. Лекс!

Он с силой ударил кулаком по колену, так что табурет под ним скрипнул.

— Лекс — не ингриец, — продолжал Ольгерд, в его голосе росла злость, лицо покраснело от ярости. — Он не знает наших обычаев, не чтит наших предков. Как говорят он пришёл из другого мира и действует по своим законам. Захватил Механос — хорошо, это был ненадежный, в любой момент готовый вонзить нож в спину не то союзник, не то враг. Взял Шпиль — прекрасно, мы отомстили эльфам. Но что дальше? Он поведёт нас на богов? А когда боги падут — кто будет править? Он? Или, может быть, его жена?

Он снова сделал паузу, тяжело дыша от гнева, его кулаки были сжаты так сильно, что костяшки побелели, а ногти впились в ладонь.

— Айрин — наша королева. В её жилах течёт кровь Харальда. Мы все чтим её и готовы служить ей. Но она слишком молода, слишком... мягка. Она больше слушает своего мужа, чем нас людей из совета. А он, хоть и называет себя Наследником Древних, всё же остаётся чужаком. Ингрией должен править ингриец. И решения должен принимать Совет, который лучше знает, что нужно нашему народу.

— Ты предлагаешь отстранить Лекса? — спросил Драгомир, высокий и худой старик с лицом, напоминающим засушенную грушу. В его глазах так же горела злоба.

— Я предлагаю вернуть Совету его законное право голоса, — поправил Ольгерд, ударив ладонью по бочке рядом с собой. — Айрин как и положено останется королевой. Мы все присягнём ей на верность. Но решения — важные решения, касающиеся судьбы Ингрии, — должен принимать Совет. А Лекс... Лекс пусть занимается своей войной. Он в ней хорош, никто не спорит. Но править народом он не будет.

Радим поднял голову. Его лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало странную смесь сомнения, тревоги и жгучего стыда.

— Ты говоришь так, будто это легко, — тихо произнёс он. — Будто Лекс просто отойдёт в сторону и скажет: «Да, конечно, правьте сами». Ты его плохо знаешь.

— Я знаю его достаточно, — отрезал Ольгерд, и его голос сорвался на рык. — Он прагматик. Если мы предложим ему разумный компромисс, он согласится. Ему нужна наша под-

держка в войне. Без нас, без ингрийцев, его армия потеряет большую часть бойцов. Он не станет так рисковать.

— А если станет? — спросил Радим, и в его голосе прозвучал настоящий страх.

— Тогда мы будем действовать иначе, — жёстко ответил Ольгерд, в его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное.

В комнате повисла тишина. Лампы потрескивали, тени на стенах дрожали. Радим молчал, но его пальцы, лежавшие на коленях, сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Он помнил. Помнил, как сам стоял перед Айрин на коленях, ожидая казни за предательство. Помнил, как она посмотрела на него — не с ненавистью, а с глубоким разочарованием во взгляде. Помнил её слова: «Я прощаю тебя. Но запомни этот день. Второго шанса не будет».

Он получил второй шанс. И теперь этот второй шанс требовал от него принять решение, от которого внутри всё переворачивалось.

— Ты хочешь что-то сказать, Радим? — спросил Ольгерд, заметив его состояние.

— Нет, — ответил Радим хрипло. — Пока нечего.

Ольгерд прищурился, но ничего не сказал. Он повернулся к остальным.

— Тогда решим так. Мы начинаем вербовать сторонников. Тихо, осторожно, среди тех, кто помнит старые порядки. Тех, кто понимает, что чужаку не место на троне Ингрии.

А когда нас будет достаточно, мы пойдём к Айрин и предложим ей... восстановить справедливость.

— А если она откажется? — спросил Бранислав, коренастый мужчина с лицом, изуродованным шрамом.

— У неё не будет выбора, — жёстко ответил Ольгерд, снова ударив кулаком по бочке.

Радим резко поднял голову.

— Ты говоришь об ультиматуме? Своей королеве?

— Я говорю о спасении нашего народа, — жёстко ответил Ольгерд, и его голос задрожал от ярости. — Или ты забыл, что сделали эльфы с Ингрией? Забыл, как горела столица? Забыл, как твою жену и детей убили на твоих глазах?

Радим вздрогнул. Его лицо побледнело, а в глазах вспыхнула острая боль.

— Я ничего не забыл, — прошептал он сдавленным голосом.

— Тогда помни: мы боремся за то, чтобы Ингрия снова стала Ингрией. Не придатком к армии чужака, не провинцией в его империи. Настоящей Ингрией. Свободной. Сильной. Нашей.

Радим ничего не ответил. Он опустил голову и снова уставился в пол, чувствуя, как внутри всё горит от стыда и страха.

Вербовка началась на следующий день.

Ольгерд и его люди действовали очень осторожно, исподволь. Они не ходили по улицам с громкими речами, не призывали к бунту. Они просто говорили. Тихо. Доверительно.

С теми, кто был недоволен, кто боялся, кто сомневался.

«Лекс — чужак, — шептали они в тёмных углах, у походных костров, в очередях за едой. — Он не знает наших обычаев. Он не чтит Кователя. Он ведёт нас от битвы к битве, и сколько ещё наших погибнет ради его сомнительных целей? Ингрией должен править ингриец. Айрин — наша королева, но она слишком слушает и доверяет мужу. Совет должен вернуть себе законное право голоса. Тогда мы сами будем решать свою судьбу».

Некоторые слушали и соглашались. Старый охотник, потерявший сына в битве за Механос, угрюмо кивал: «Чужак ведёт нас на смерть. Ради чего? Ради его мести богам?» Молодой парень, который никогда не знал свободной Ингрии, сжимал кулаки: «Мой отец погиб за короля Харальда. А теперь нами командует какой-то непонятный инженер из другого мира?» Женщина, чей муж был ранен при штурме Шпиля, плакала: «Я не хочу, чтобы мои дети выросли под властью чужака».

Но были и те, кто отказывался. Резко, твёрдо, без колебаний.

— Вы что, с ума сошли? — рявкнул на Ольгерда один из сталкеров Клыка, когда тот попытался заговорить с ним. — Лекс спас нас всех. Он освободил души на Полях. Он взял Шпиль. А вы тут заговоры плетёте, как какие то эльфийские крысы?

— Он чужак, — повторил Ольгерд.

— Я вижу, что он рискует жизнью ради нас каждый день, — отрезал сталкер. — А ты сидишь в тепле и шепчешься по углам. Кто из вас больше ингриец, а?

Ольгерд не стал спорить. Он просто развернулся и ушёл, запомнив лицо отказавшегося. Пригодится.

А третьи — и таких было больше всего — слушали молча, не говоря ни «да», ни «нет». Они боялись. Боялись эльфов, боялись богов, боялись войны. Они хотели мира и не знали, кому верить. Ольгерд понимал: эти люди не станут союзниками, но и врагами не станут. Они будут ждать, пока кто-то не победит, и присоединятся к победителю. Так было всегда.

Через несколько дней к Эрвину пришла женщина.

Она была одной из тех, кто прибыл с южными беженцами, — молодая вдова с двумя детьми, тихая и незаметная. Она попросила о разговоре наедине, и когда они отошли в сторону, заговорила быстро, сбивчиво, оглядываясь по сторонам.

— Они вербуют людей, — прошептала она. — Старейшины. Ольгерд и его люди. Они говорят, что Лекс — чужак и что Совет должен править вместо него. Они предлагали моему брату присоединиться. Он отказался, но я слышала их разговор. Они сказали, что, если Айрин не согласится на их условия, они... они заставят её силой.

Эрвин выслушал её молча не перебивая, только его лицо становилось всё мрачнее.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — ответила женщина. — Я боюсь. У меня дети.

Если начнётся смута...

— Не начнётся, — твёрдо сказал Эрвин. — Ты правильно сделала, что пришла. А теперь иди и никому не говори об нашем разговоре. Я сам разберусь.

Женщина кивнула и исчезла в толпе. Эрвин постоял ещё минуту, глядя ей вслед, потом развернулся и быстрым шагом направился к башне, где находились королевские покои.

Айрин выслушала его в полном молчании.

Она сидела в кресле, которое когда-то принадлежало наместнику Магистериума, — массивном, с высокой спинкой и подлокотниками в виде драконьих голов. Корона из звёздного железа мерцала на её голове. Она выглядела уставшей — последние недели были тяжёлыми, — но в её глазах горел всё тот же самый огонь, который Эрвин видел ещё в её отце. Внутри неё кипела еле сдерживаемая ярость, смешанная со страхом за ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.